3 1761 08821295 6

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sbornikstikhotvo00salk

А
35 М

Сборникъ стихотвореній

извѣстныхъ и новѣйшихъ русскихъ поэтовъ.

Составила Е. М. Салькова.

300 стихотвореній 85-ти авторовъ.

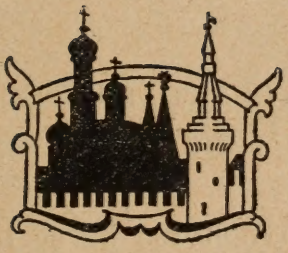
Обращаться къ издательству „Хуторъ“
Прага, XI. Ягеллонская ул. 24.

LR.C
S1677sb
Sal'kova, E.M. (comp.)
Sbornik
stikhotvoreny

Сборникъ стихотвореній

извѣстныхъ русскихъ поэтовъ.

Составила Е. М. Салькова.



519841
22.3.S1

СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРЕМЛЬ“
ВЪ (ЧЕШСКОЙ) ПРАГѢ
1921.

MICROFORMED BY PRESERVATION SERVICES
APR 22 1992
DATE

Славянское издательство „КРЕМЛЬ“
въ Чешской Прагѣ:

Книгоиздательство „Т-во И. Отто“,

Типографія „Политика“,

„Акц. О-во Торговли съ Востокомъ“
въ Прагѣ.

Читателю.

Цѣлью нашего сборника было ознакомленіе читателя со всѣми образцами русской поэзіи, начиная отъ Пушкина и по наши дни. Къ сожалѣнію, мы натолкнулись на большія затрудненія въ добываніи необходимыхъ литературныхъ источниковъ и трудъ нашъ является, далеко не такимъ полнымъ, какимъ мы хотѣли его приподнести нашему читателю.

Авторы представлены у насъ неравномѣрно. Произведенія нѣкоторыхъ, какъ напр.: А. Блока, К. Бальмонта, В. Брюсова — удалось намъ добыть въ большомъ количествѣ и въ желаемыхъ образцахъ, другіе же, какъ напр.: А. Бѣлый, Городецкій, Кольцовъ, Скиталецъ, Тэффи, Цензоръ и нѣкоторые другіе въ очень ограниченныхъ размѣрахъ.

Не хватаетъ такихъ авторовъ, какъ напр.: Ахматова, Вячеславъ Ивановъ, Максимъ Волошинъ.

Въ силу этихъ самыхъ затрудненій намъ пришлось сдѣлать „Дополненіе“ — въ концѣ сборника, такъ какъ нѣкоторые матеріалы намъ удалось достать въ послѣдній моментъ, когда книга была ужъ набрана.

Не смотря на всѣ эти недостатки, мы надѣемся, что читатель пойметъ то тяжелое положеніе при которомъ пришлось работать, собирая матеріалы внѣ предѣловъ Россіи и отнесется снисходительно къ нашему труду.

Со своей стороны мы приложимъ всѣ усилія чтобы пополнить эти пробѣлы и выпустить слѣдующее изданіе въ исправленномъ и законченномъ видѣ.

Е. Салькова.

Allegro (Соловьева).

Цвѣты, цвѣты... куда ни кинешь взоры,
Они вездѣ киваютъ головой;
Ловя ихъ пестрые, капризные узоры,
Иду одинъ тропинкой луговой.

А съ высоты, какъ вѣсть освобожденья,
Какъ вѣчный свѣтъ и радость безъ конца,
Звенитъ немолчное, ликующее пѣнье
Далекаго, незримаго пѣвца.

Allegro (Соловьева).

Иней.

Помню, вчера надъ замерзшей землей
Сумракъ густѣлъ чернотою безбрежной.
Кто же навѣялъ ночною порой
Темному городу сонъ бѣлоснѣжный?
Въ сумракѣ стѣнъ, вдоль рѣшетокъ рѣзныхъ,
Кто уронилъ эту пыль кружевную,
Кто и съ камней и съ деревьевъ нагихъ
Снялъ дуновеніемъ тяжесть земную?
Иней въ полночи на землю слеталъ,
Иней хотѣлъ, чтобы чудо свершилось,

Тихо молитву свою прошепталъ, —
Слышалъ Господь — и земля измѣнилась.
Такъ надъ моей потемнѣвшей душой
Чудо свершаетъ полетъ свой незримый.
Слышу, вздыхаетъ во тьмѣ надо мной
Свѣтлой молитвою голосъ любимый.
Пусть же подъ бѣлымъ сплетеньемъ вѣтвей
Пусть мнѣ откроется новый и ясный.
Дымомъ серебрянымъ жизнь мнѣ овѣй,
Иней души моей, иней прекрасный!

Allegro (Соловьева).

Слова.

Поютъ пѣвцы . . . Напѣвъ, подъ сводомъ разливаясь,
То радостью кипитъ, то переходитъ въ стонъ.
Не слушая его и въ думу погружаясь,
Лежитъ недвижимо и мрачно Соломонъ.
Окончивъ пѣснь, пѣвцы передъ царемъ склонились
И пестрою толпой замолкшихъ птицъ ушли;
А благовонія сильнѣе задымились
И мутной сѣдиной подъ своды поползли.
И снова тишина съ безмолвною тоскою,
Какъ воры, пробрались въ дыму, среди столбовъ,
И подошли къ царю невидимой четою.
Онъ долго слушалъ рѣчь, понятную безъ словъ,
Потомъ вдругъ подалъ знакъ, и поступью покорной
Поспѣшно рабъ вошелъ, склонился до земли
И, свитокъ развернувъ, тростинкою проворной

Онъ сталъ чертить... Слова изъ царскихъ устъ текли,
Какъ благовонія струятся изъ кадила,
Какъ выступаетъ медъ на лепесткахъ цвѣтовъ,
И неустанная рука раба чертила
Ряды сплетавшихся, безсмертныхъ вѣщихъ словъ.
„Одно вслѣдъ за другимъ проходятъ поколѣнья,
„И день смѣняетъ ночь, и тьму смѣняетъ свѣтъ,
„Глупцу и мудрому одна судьба — забвенье...
„Все въ мірѣ суета и суета суетъ.
„Я видѣлъ это все, и мертвыхъ, погребенныхъ
„Почелъ счастливѣй тѣхъ, кто видитъ и живетъ,
„А всѣхъ блаженнѣе — не бывшихъ, не рожденныхъ
„Не вѣдавшихъ всего, что эта жизнь даетъ...
„Внемлите! День насталъ и ратники слабѣютъ,
„И стерегущіе дрожа бѣгутъ назадъ,
„И тучи тяжкія огнемъ и бурей вѣютъ,
„И цѣпи порваны, и меркнетъ свѣтъ лампадъ...
„Къ нимъ ужасы глядятъ на темную дорогу
„Высоты имъ страшны, и дверь ихъ заперта...
„Прахъ предадутъ землѣ, а духъ вернется къ Богу..
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета...“
Звучала рѣчь царя то быстро, то протяжно;
Онъ смуглою рукой по воздуху водилъ;
А рабъ, нахмуривши чело, тростинкой влажной,
Склонясь къ папирусу, безъ устали чертилъ.
И думалъ бѣдный рабъ: „Онъ понялъ все, онъ знаетъ,
„Что жизнь лишь только тлѣнъ, что смысла въ жизни нѣтъ,

„Зачѣмъ же онъ сынамъ въ наслѣдье оставляетъ
„Слова — все тотъ же прахъ и суету суетъ!
„Зачѣмъ же рѣчь его сверкающей рѣкою
„Струится, и душа восторгомъ залита? . . .“
Рабъ думалъ — и чертилъ послушною рукою:
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета! . . .“

А. Н. Апухтинъ.

Двѣ грезы.

Измученный тревогою дневною,
Я легъ въ постель безъ памяти и силъ,
И голосъ твой, носяся надо мною,
Насмѣшливо и рѣзко говорилъ:

„Что ты глядишь такъ пасмурно, такъ мрачно?
„Ты, говорятъ, влюбленъ въ меня, поэтъ?
„Въ моей душѣ, спокойной и прозрачной,
„И доступа твоимъ мечтаньямъ нѣтъ.
„Какъ чужды мнѣ твои пустыя бредни!
„И что же въ томъ, что любишь ты меня?
„Не первый ты, не будешь и послѣдній
„Горѣть и тлѣть отъ этого огня. —
„Ты говоришь, что въ шумномъ вихрѣ свѣта
„Меня ты ищешь, дышешь только мной . . .
„И отъ другихъ давно я слышу это,
„Окружена влюбленною толпой.
„Я поняла души твоей мученье,
„Но отъ тебя, поэтъ, не утаю:
„Не жалость, нѣтъ, а только изумленье,
„Да тайный смѣхъ волнуютъ грудь мою!“

— Проснулся я. — Враждебная, нѣмая
Вокругъ меня царила тишина,
И фонари мнѣ слали, догорая,
Свой тусклый свѣтъ изъ дальняго окна.
Безсильною поникнувъ головою,
Едва дыша, я сново засыпалъ,
И голосъ твой, носяся надо мною,
Привѣтливо и ласково звучалъ:
„Люби меня, люби! Какое дѣло,
„Когда любовь въ душѣ заговоритъ,
„И до того, что въ прошломъ наболѣло,
„И до того, что въ будущемъ грозитъ?
„Моя душа ужъ свыклася съ твоею,
„Я не люблю, но мысль отрадна мнѣ,
„Что сердце есть, которымъ я владѣю,
„Въ которомъ я господствую вполнѣ.
„Коснется ли меня тупая злоба,
„Подкрадется-ль нежданная тоска,
„Я буду знать, что вѣрная до гроба
„Меня поддержитъ крѣпкая рука!
„О, не ввѣряйся дѣтскому обману,
„Себя надеждой жалкой не губи:
„Любить тебя я не хочу, не стану,
„Но ты, поэтъ, люби меня, люби! —“
Проснулся я. — Ужъ день сырой и мглистый
Глядѣлъ въ окно. — Твой голосъ вдругъ затихъ,
Но долго онъ безъ словъ, протяжный, чистый,
Какъ арфы звукъ, звенѣлъ въ ушахъ моихъ.

А. Н. Апухтинъ.

* *
*

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободенъ, спокоенъ опять —
Но не радостенъ этотъ покой. —
Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,
Ты сидишь, какъ бывало, со мной.
Мнѣ мерещутся снова они, —
Эти жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренныя.
А проснуся я: ночь какъ могила темна,
И подушка моя холодна,
И мнѣ некому сердце излить,
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если-жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ, —
Мое сердце, какъ прежде дрожитъ!
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я съ безумной тоской

Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ? — Дай же отвѣтъ!! . . . .
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда,
Противъ воли моей, противъ воли твоей
Ты со мною вездѣ и всегда!

А. Н. Апухтинъ.

Королева.

Пиръ шумитъ. — Король Филиппъ ликуетъ,
И, его веселіе дѣля,
Вмѣстѣ съ нимъ побѣду торжествуетъ
Пышный дворъ Филиппа короля.

Отчего-жъ огнями блещетъ зала?
Чѣмъ король обрадовалъ страну?
У сосѣда — вѣрнаго вассала —
Онъ увезъ красавицу жену.

И среди рабовъ своихъ покорныхъ
Молодецки, весело глядитъ:
Что ему до толковъ не придворныхъ?
Мужъ потерпитъ, папа разрѣшитъ. —

Шуменъ пиръ. — Прелестная Бертрада
Оживляетъ, веселитъ гостей,
А внизу, въ дверяхъ, въ аллеяхъ сада
Принцы, графы шепчутся о ней.

Что же тамъ мелькнуло бѣлой тѣнью,
Исчезало въ зелени кустовъ,
И опять, подобно привидѣнью,
Движется безъ шума и безъ словъ?

»Это Берта, Берта королева!«
Пронеслось мгновенно здѣсь и тамъ,
И, какъ стая гончихъ, справа, слѣва
Принцы, графы кинулись къ дверямъ.

И была ужасная минута:
Къ нимъ, шатаясь, подошла она,
Горемъ — будто бременемъ согнута,
Страстью — будто зноемъ спалена.

»О, зачѣмъ, зачѣмъ« — она шептала —
»Вы стоите грозною толпой?
»Десять лѣтъ я вамъ повелѣвала:
»Былъ ли кто изъ васъ обиженъ мной?

»О, Филиппъ, пускай падутъ проклятья
»На жестокій день, въ который ты
»Въ первый разъ отвергъ мои объятья,
»Внявъ словамъ безстыдной клеветы!

»Еслибъ ты изгнанникъ былъ бездомный,
»Я бы шла безъ устали съ тобой
»По лѣсамъ, осенней ночью темной,
»По полямъ въ палящій лѣтній зной.

»Гнетъ болѣзни, голода страданья
»И твои упреки безъ числа —
»Я бы все сносила безъ роптанья,
»Я бы снова счастлива была!

»Еслибъ въ битвѣ, обагренный кровью,
»Ты лежалъ въ предсмертномъ забытьи.
»Къ твоему склонившись изголовью,
»Омывала-бъ раны я твои.

»Я бы знала всѣ твои желанья,
»Поняла бы гаснующую рѣчь,
»Я-бъ съумѣла каждое дыханье,
»Каждый трепетъ сердца подстеречь.

»Еслибъ смерти одолѣла сила,
»Въ жгучую печаль погружена,
»Я-бъ сама глаза твои закрыла,
»Я-бъ съ тобой осталася одна . . . .

»Старцы, жены, юноши и дѣвы,
»Всѣ-бъ пришли, печаль мою дѣля,
»Но никто бы ближе королевы
»Не стоялъ ко гробу короля!

»Что со мною? страсть меня туманитъ,
»Жжетъ огонь обманутой любви . . . .
»Пусть конецъ твой долго не настанетъ,
»О, король мой, царствуй и живи!

»За одно привѣтливое слово,
»За одинъ волшебный прежній взоръ
»Я сносить безропотно готова
»Годы ссылки, муку и позоръ.

»Я смущать не стану ликованья;
»Я спокойна; ровно дышетъ грудь . . . .
»О, пустите, дайте на прощанье
»На него хоть разъ еще взглянуть!«

Но напрасно робкою мольбою
Засвѣтился королевы взглядъ:
Неприступной, каменной стѣною
Передъ ней придворные стоятъ ....

Пиръ шумитъ. Прелестная Бертрада
Всѣ сердца плѣняетъ и живитъ,
А въ глуши темнѣющаго сада
Чей-то смѣхъ, безумный смѣхъ звучитъ.

И тотъ смѣхъ узнавъ, смѣются тоже
Принцы, графы, баловни судьбы, —
Предъ несчастьемъ — гордые вельможи
Предъ успѣхомъ — подлые рабы.

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Люби, всегда люби. Пускай въ мученьяхъ тайныхъ
Сгораютъ юные, безпечные года,
Средь пошлостей людскихъ, среди невзгодъ случайныхъ
Люби, люби всегда.

Пусть жгучая тоска всю ночь тебя терзаетъ,
Минута, — отъ тоски не будетъ и слѣда,
И счастіе тебя охватитъ, засіяетъ ....
Люби, люби всегда.

Я думы новыя въ твоемъ читаю взорѣ,
И жалость свѣтитъ въ немъ, какъ дальняя звѣзда,
И понимаешь ты теплѣй чужое горе ....
Люби, люби всегда.

А. Н. Апухтинъ.

Прощай.

„Прощай", твержу тебѣ съ невольными слезами,
Ты говоришь: разлука не долга....
Но видишь ли: ручей пробился между нами,
Потокъ сердитъ и круты берега.

Прощай. Мой путь унылъ. Кругомъ нависли тучи.
Ручей уже ростетъ и рѣчкой побѣжитъ.
Чѣмъ дальше я пойду, тѣмъ берегъ будетъ круче,
И скоро голосъ мой къ тебѣ не долетитъ.

Тогда забуду-ль я о дняхъ когда-то милыхъ,
Забуду-ль все, что, вѣрно, помнишь ты,
Иль съ горечью пойму, что я забыть не въ силахъ,
И въ бездну брошусь съ высоты?

А. Н. Апухтинъ.

Опять пишу тебѣ.

Опять пишу тебѣ, но этихъ горькихъ строкъ
Читать не будешь ты.... Насъ жизненный потокъ
На вѣки разлучилъ. Чужіе мы отнынѣ,
И скорбный голосъ мой теряется въ пустинѣ.
Но я тебѣ пишу затѣмъ, что я привыкъ
Все повѣрять тебѣ, что шепчетъ мой языкъ,
Безъ цѣли, нехотя.... твой былыя рѣчи,
Что я считаю жизнь отъ нашей первой встрѣчи,
Что милый образъ твой мнѣ каждый день милѣй,
Что нѣтъ покоя мнѣ безъ бурь минувшихъ дней,
Что муки ревности и ссоръ безумныхъ муки
Мнѣ счастьемъ кажутся предъ ужасомъ разлуки.

А. Н. Апухтинъ.

Ночь въ Монплезирѣ.

На берегъ сходитъ ночь, беззвучна и тепла,
Не видно кораблей изъ-за туманной дали.
И словно очи безъ числа
Надъ моремъ звѣзды замигали.
Ни шелеста въ деревьяхъ вѣковыхъ,
Ни звука голоса людского,
И кажется, что все навѣкъ уснуть готово
Въ объятіяхъ ночныхъ.
Но морю не до сна. Какимъ-то гнѣвомъ полны
Надменныя, нахмуренныя волны
О берегъ бьются и стучатъ;
Чего-то требуетъ ихъ ропотъ непонятный,
Въ ихъ шумѣ съ ночью благодатной
Какой-то слышится разладъ.
Съ какимъ же ты гигантомъ въ спорѣ?
Чего же хочешь ты, бушующее море,
Отъ бѣдныхъ жителей земныхъ?
Кому ты шлешь свои веленья?
И въ этотъ часъ, когда весь міръ затихъ,
Кто выдвинулъ мятежное волненіе
Изъ нѣдръ невѣдомыхъ твоихъ?
Отвѣта нѣтъ.... Громадою нестройной
Кипитъ и пѣнится вода....
Не такъ ли въ сердцѣ иногда,
Когда кругомъ все тихо и спокойно,
И ровно дышетъ грудь, и ясно блещетъ взоръ,
И весело звучитъ знакомый разговоръ, —

Вдругъ поднимается нежданное волненье:
Зачѣмъ весь этотъ блескъ, откуда этотъ шумъ?
Что значитъ этихъ бурныхъ думъ
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнулъ ли любви завѣтный огонекъ,
Предвѣстье-ль это близкаго ненастья,
Воспоминаніе-ль утраченнаго счастья,
Иль въ сонной совѣсти проснувшійся упрекъ?
Кто можетъ это знать?
Но разумъ понимаетъ,
Что въ сердцѣ есть у насъ такая глубина,
Куда и мысль не проникаетъ; —
Откуда, какъ съ морского дна,
Могучимъ трепетомъ полна,
Невѣдомая сила вылетаетъ
И что-то смутно повторяетъ,
Какъ набѣжавшая волна.

А. Н. Апухтинъ.

Сиротка.

На могилѣ твоей, охъ, родная моя,
Напролетъ всю-то ночку проплакала я,
И вотъ нынче въ потемкахъ опять,
Какъ въ избѣ улеглись, и на небѣ звѣзда
Загорѣлась, бѣгомъ я бѣжала сюда,
Чтобъ меня не могли удержать.
Здѣсь, родная, частенько я вижусь съ тобой
И отсюда теперь (пусть приходятъ за мной)
Ни за что не пойду .... Для чего?

Я лежу въ колыбелькѣ .... такъ сладко надъ ней
Чей-то голосъ поетъ, что и самъ соловей
Не напомнитъ мнѣ звуковъ его.

И родная такъ тихо ласкаетъ меня ....
Разъ заснула она среди бѣлаго дня ....
И чужіе стояли кругомъ:
На меня съ сожалѣньемъ смотрѣли они;
А когда меня къ ней на рукахъ поднесли,
Я рыдала, не зная о чемъ.

И одѣли ее и сюда привезли
И запѣли протяжно и глухо дьячки
»Со Святыми ее упокой«
Я прижалась отъ страха .... не смѣла взглянуть.
И зарыли въ могилу ее .... и на грудь
Положили ей камень большой.

И потомъ воротились .... Съ тѣхъ поръ веселѣй
Ужъ никто не пѣвалъ надъ постелью моей,
Одинокой осталася я.
А что послѣ, не помню .... нѣтъ помню: въ избѣ
Жилъ какой-то старикъ .... горевалъ о тебѣ,
Да бивалъ понапрасну меня.

Но потомъ и его ужъ не стало .... тогда
Я сироткой бездомной была названа;
Я живу у чужихъ на бѣду:
И ругаютъ меня; и въ осенніе дни,
Какъ на печкахъ лежатъ и толкуютъ они,
За гусями я въ поле иду.

Охъ, родная, могила твоя холодна ....
Но людского участья теплѣе она:
Здѣсь могу я свободно дышать;

Здѣсь не люди стоятъ, а деревья одни;
И усмѣшкою злой не смѣются они
Какъ начну о тебѣ тосковать.

Сиротою не будутъ глумиться, какъ тѣ,
Нѣтъ, они будто стонутъ въ ночной темнотѣ,
Все кругомъ будто плачетъ со мной,
И такъ пасмурно туча на небѣ виситъ
И такъ жалобно вѣтеръ листами шумитъ
Да поетъ мнѣ про пѣсни родной.

А. Н. Апухтинъ.

Дорожная дума.

Позднею ночью, равниною снѣжной
Ѣду я. Тихо. Все въ полѣ молчитъ....
Глухо звучатъ по дорогѣ безбрежной
Скрипъ отъ полозьевъ и топотъ копытъ.

Все, что, прощаясь, ты мнѣ говорила,
Сново твержу я въ невольной тоскѣ.
Дологъ мой путь, и дорога унила....
Что-то въ уютномъ твоемъ уголкѣ?

Слышенъ ли смѣхъ? Догораютъ ли свѣчи?
Такъ же-ль блистаетъ твой взоръ, какъ вчера?
Тѣ же ли смѣлыя, юныя рѣчи
Будутъ немолчно звучать до утра?

Кто тамъ съ тобой? Ты глядишь ли безстрастно,
Или трепещешь, волнуясь, любя?
Только-бъ тебѣ полюбить не напрасно,
Только-бъ другіе любили тебя!

Только бы кончился день безъ печали,
Только бы вечеръ прошелъ веселѣй,
Только бы сны золотые летали
Надъ головою усталой твоей!

Только бы счастье со свѣтлыми днями
Такъ же гналось по пятамъ за тобой,
Какъ наши тѣни бѣгутъ за санями
Снѣжной равниной порою ночной!

А. Н. Апухтинъ.

Позднее мщенье.

Она не можетъ спать. Назойливая, злая
Тоска ее грызетъ. Пылаетъ голова,
И душитъ мракъ ее. и давитъ тишь ночная ....
Знакомый голосъ, ей по сердцу ударяя,
Лепечетъ страшныя, безумныя слова.

„Когда, потупивъ взоръ, походкою усталой
Сегодня тихо шла за гробомъ ты моимъ,
Ты думала, что все межъ нами миновало ....
Но въ комнату твою вошелъ я, какъ бывало,
И снова мы съ тобой о прошломъ говоримъ.

Ты помнишь, сколько разъ ты вѣрность мнѣ сулила,
А я тебя молилъ о правдѣ лишь одной?
Но ложью ты мнѣ жизнь какъ ядомъ отравила,
Всѣ тайны прошлаго сказала мнѣ могила,
И вся душа твоя открыта предо мной.

Я все тебѣ прощалъ: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотѣлъ дышать и жить....
Ты предала меня врагамъ безъ сожалѣнья....
И вотъ теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я силенъ тѣмъ, что не могу простить.

Я силенъ потому, что трупъ не шевельнется,
Не запылаетъ взоръ отъ блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, ужъ не бьется,
Что въ мой свинцовый гробъ твой голосъ не ворвется,
Что нѣтъ въ немъ воздуха, которымъ дышешь ты!

Я буду мстить тебѣ. Когда, вернувшись съ бала,
Ты, сбросивъ свой нарядъ, останешься одна,
Въ невольномъ забытьи задремлешь ты сначала,
Но въ комнату твою войду я, какъ бывало,
И ночь твоя пройдетъ тревожно и безъ сна.

И все, забытое среди дневного гула,
Тогда припомнишь ты: и день тотъ роковой,
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тотъ, когда меня такъ грубо оттолкнула,
И тотъ, когда такъ зло смѣялась надо мной!

Я мщу тебѣ за то, что жилъ я пресмыкаясь,
Въ безвыходной тоскѣ дары небесъ губя,
За то, что я погибъ, словамъ твоимъ ввѣряясь;
За то, что, чуя смерть и съ жизнью разставаясь,
Я проклялъ эту жизнь и душу, и тебя!!....“

А. Н. Апухтинъ.

* *
*

О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина;
Всю ночь я просидѣть готовъ бы до разсвѣта
У этого окна.
Какой-то темный ликъ мелькаетъ по аллеѣ,
И воздухъ недвижимъ,
И кажется, что тамъ еще, еще темнѣе
За садомъ молодымъ.

Ужъ поздно.... Все сильнѣй цвѣтовъ благоуханье,
Сейчасъ взойдетъ луна....
На небесахъ покой, и на землѣ молчанье,
И всюду тишина.
Давно ли въ этотъ садъ въ чудесный вечеръ мая
Входили мы вдвоемъ?
О сколько, сколько разъ его мы, не смолкая,
Бывало обойдемъ!
И вотъ я здѣсь одинъ, съ измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мнѣ хочется рыдать, припавши, какъ бывало,
Къ груди твоей родной....
Я жду.... но не слыхать знакомаго привѣта,
Душа болитъ одна....
О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина!

* *
*

А. Н. Апухтинъ.

Гаданье.

Ну, старая, гадай! Тоска мнѣ сердце гложетъ, —
Веселой болтовней меня развесели.
Авось твой разговоръ убить часы поможетъ,
И скучный день пройдетъ, какъ многіе прошли!

»Охъ, не грѣшно-ль въ воскресеніе?
Съ нами Господняя сила!
Тяжко мое прегрѣшеніе...
Ну, да ужъ я разложила!

Ѣдешь въ дорогу ты дальную,
Путь твой не веселъ обратный:
Новость услышишь печальную
И разговоръ непріятный.

Видишь: большая компанія
Вмѣстѣ съ тобой веселится,
Но исполненья желанія
Лучше не жди: не случится.

Что-то грозитъ неизвѣстное....
Карты-то, карты какія!
Будетъ письмо интересно́е,
Хлопоты будутъ большія!

На̀ сердцѣ дама червонная....
Съ гордой душою такою:
Словно къ тебѣ благосклонная,
Словно играетъ тобою!

Глядя въ лицо ея строгое,
Грустенъ и робокъ ты будешь:
Хочешь сказать ей про многое,
Свидишься, — все позабудешь!

Мысли твои все червонныя,
Слезы-то будто изъ лейки,
Думушки, ночи безсонныя, —
Все отъ нея, отъ злодѣйки!

Волюшка крѣпкая скручена,
Словно дитя ты предъ нею....
Какъ твое сердце замучено,
Я и сказать не умѣю!

Тянутся дни нестерпимые,
Мысли сплетаются злыя....
Батюшки, свѣты родимые!
Карты-то, карты какія!!....

Умолкла старая. Въ зловѣщей тишинѣ
Насупившись сидитъ. — Скажи, что это значитъ?
Старуха, что съ тобой? Ты плачешь обо мнѣ?
Такъ только мать одна объ дѣтскомъ горѣ плачетъ,
И стоитъ ли того? — Я знаю напередъ
Все то, что сбудется, и не ропщу на Бога:
Дорога выйдетъ мнѣ, и горе подойдетъ,
Тамъ будутъ хлопоты, а тамъ опять дорога....
Ну, полно же, не плачь! Гадай иль говори,
Пусть голосъ твой звучитъ мнѣ пѣсней похоронной,
Но только, старая, мнѣ въ сердце не смотри
И не разсказывай объ дамѣ объ червонной!

Т. Ардовъ.

Цвѣты.

Въ моей душѣ — волшебный храмъ цвѣтовъ....
Не подходи! Тамъ бѣлыхъ астръ мечтанья,
И пѣсни розъ, и взгляды васильковъ,
И лилій царственныхъ святое созерцанье.
Не подходи.... ты не поймешь цвѣтовъ!

Не подходи.... Не говори со мной!
Оставь меня.... пока не слышатъ астры.
И васильки твой смѣхъ и голосъ твой.
Они умрутъ тогда.... Твой смѣхъ такой земной,
И голосъ твой.... Тебя не любятъ астры!

Не говори! Я тишину прошу,
Чтобъ тишина еще безмолвнѣй стала.
Я шорохъ думъ моихъ и звуки слезъ гашу,
Чтобъ рѣчь цвѣтовъ яснѣе мнѣ звучала.
Не подходи, не говори, прошу....

Сегодня рано, съ солнечнымъ лучомъ,
Моя душа наполнилась. Земная,
Ты не поймешь.... И если ты, страдая,
Мнѣ станешь говорить о сердцѣ, о былomъ, —
Я не пойму — ты мнѣ теперь чужая.

Не говори со мной.... Одинъ лишь мигъ, —
И вновь я нищъ, — скупые, злые люди!....
Не разрушай чертоговъ золотыхъ,
Не заглушай мольбы о свѣтломъ чудѣ.... —
Я ихъ люблю за то, что тѣла нѣтъ у нихъ, —

То души выросли на тонкихъ стебелькахъ.
Смотри, вотъ василекъ довѣрчивый и ясный.
Онъ синій, потому что добрый. Въ небесахъ
Разъ добрый ангелъ жилъ. И Богъ въ его глазахъ
Увидѣлъ гнѣва тѣнь и злобы холодъ властный.

Чтобъ упрекнуть его, Онъ создалъ василекъ.
Что шепчешь ты, мой синій, добрый, милый? ....
Дрожишь, боишься ты? .... И я боюсь, цвѣтокъ!
И я боюсь ихъ всѣхъ съ ихъ суетой унылой;
Ты знаешь, — я люблю не ихъ, я ихъ далекъ ....

Я Лилію люблю. То будетъ въ вечеръ синій, —
Мы въ храмъ войдемъ, въ великій, синій храмъ,
Гдѣ сводъ изъ звѣздъ. И будетъ мѣсяцъ намъ
Свой лить серебряный, прозрачный ѳиміамъ,
И храмъ откроетъ намъ незримыя святыни.
Я Лилію люблю .... Насъ въ предвечерній часъ
Благословитъ подсолнечникъ склоненный,
Зашепчетъ садъ, красой ея смущенный,
Заплачутъ яблони отъ радости за насъ
Слезами бѣлыми .....
.... Въ кортежи безконечномъ
Мы шествуемъ .... И впереди — она,
Великолѣпна, царственна, блѣдна, —
Принцесса Лилія въ нарядѣ подвѣнечномъ .... не
стану звать, —
На свадьбу я людей,
Не надо глазъ завистливыхъ и хмурыхъ;
Цвѣты, одни цвѣты! Весь дворъ придетъ, вся знать.
Тамъ астры бѣлыя въ придворныхъ куафюрахъ

Подружками ей будутъ; георгинъ
Весь въ пестромъ бархатѣ, служить герольдомъ
станетъ,
Свидѣтелемъ, — гарлемскій гражданинъ,
Утонченный тюльпанъ. Тамъ гимнъ веселый грянетъ
Намъ звонкій хоръ изъ ландышей лѣсныхъ
И маргаритокъ, дѣвушекъ простыхъ.
Нарциссъ, шиповники, левкои съ ноготками
При свѣтѣ факельномъ настурцій огневыхъ
Всѣ будутъ въ эту ночь у Лиліи гостями.
А маки гордые пажами будутъ ей, —
Горящіе и доблестью и страстью.
Я Лилію люблю! .... Всю ночь среди полей
Пусть колокольчики звенятъ о нашемъ счастьи! ..
И въ ясной тишинѣ, въ чертогѣ голубомъ
Я счастливъ буду лаской бѣлоснѣжной.
И станетъ плакать лютикъ надъ ручьемъ
Отъ желтой ревности и горечи мятежной!
А ночь пройдетъ —и съ солнечнымъ лучомъ
Мой синій міръ растаетъ ....
О, земная!
Ты не поймешь .... И если ты, страдая,
Мнѣ станешь говорить о сердцѣ, о быломъ, —
Я не пойму, — ты мнѣ теперь чужая ....
— — — — — — — — — — — — —
Не подходи, ты не поймешь цвѣтовъ!

К. Д. Бальмонтъ.

Въ чащѣ лѣса.

Дальнее, синее
Небо свѣтлѣется,
Въ сѣткѣ изъ инея
Ясно виднѣется
Синее, синее.

Тихое счастіе
Въ синей безбрежности,
Проблескъ участія,
Чаянье нѣжности,
Кроткое счастіе.

Счастье забвенія —
Тамъ въ безпредѣльности,
Свѣтъ откровенія,
Въ безднѣ безцѣльности —
Цѣльность забвенія.

* * *

Море — вѣчное стремленье, горы — царственный покой.
Если ты стремишься къ счастью, ввѣрь ладью волнѣ морской:
Часъ придетъ, волненьемъ вѣчнымъ утомится жадный взоръ, —
Спи тогда съ разбитымъ сердцемъ въ тихомъ царствѣ мертвыхъ горъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Фантазія.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей и березъ;
Вѣщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны пріемлетъ
И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ,
Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ ели;
Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье, — точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится, — и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся ихъ очи,
Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что ихъ мучитъ, что тревожитъ? Что, какъ червь, ихъ тайно гложетъ?

Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ небесъ?
Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль, —

Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.
А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ дерёвъ.
Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ внемлютъ
И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

К. Д. Бальмонтъ.

На вершинѣ.

Я въ горы ушелъ до разсвѣта —
Все выше, туда, къ ледникамъ,
Гдѣ ласка горячаго лѣта
Лишь снится предвѣчнымъ снѣгамъ;

Туда, гдѣ холодныя волны
Еще нерожденныхъ ключей
Блѣднѣютъ, кристально — безмолвны,
И грезятъ о чарахъ лучей,

Гдѣ бѣлые призраки дремлютъ,
Гдѣ Время сдержало полетъ,
И вѣтру звенящему внемлютъ
Лишь звѣзды, да тучи, да ледъ.

Я зналъ, что вѣка пролетѣли,
Для сердца земля умерла.
Давно возвѣстили мятели
О гибели Блага и Зла.

Еще молодушные люди
Цѣпей не хотѣли стряхнуть,
Но съ думой о сказочномъ чудѣ
Я къ небу направилъ свой путь.

И топотъ шаговъ неустанныхъ
Окрестное эхо будилъ,
И въ откликахъ звучныхъ и странныхъ
Я грезамъ отвѣтъ находилъ.

И слышалъ я сагу сѣдую,
Пропѣтую геніемъ горъ,
Я видѣлъ звѣзду золотую,
Съ безмолвіемъ велъ разговоръ,

Достигъ высочайшей вершины,
И вдругъ мнѣ послышался гулъ:
Домчавшійся вѣтеръ долины
Печальную пѣсню шепнулъ.

Онъ пѣлъ мнѣ: „Ты ищешь лазури?
Я — вѣтеръ долинъ и полей,
Тамъ праздникъ веселый и шумный,
Тамъ воздухъ нѣжнѣй и теплѣй.“

Онъ пѣлъ мнѣ: „Ты ищешь лазури?
Какъ тучка растаешь во мглѣ!
И вѣчно небесныя бури
Стремятся къ зеленой землѣ.“

„Прощай! говорилъ онъ. — Хочу я
Къ долинамъ уйти съ высоты:
Тамъ ждутъ моего поцѣлуя,
Тамъ дышатъ живые цвѣты.

„У каждаго домъ есть уютный,
Открытый дневному лучу.
Прощай, пилигримъ безпріютный!
Спѣшу .. убѣгаю .. лечу!“

Все смолкло. Снѣга холодѣли
Въ мерцаньи вечернихъ лучей,
И крупныя звѣзды блестѣли
Печалью нездѣшнихъ очей;

Далекое небо вздымалось,
Ревнивую тайну храня.
И что-то въ душѣ оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мнѣ чудилось: колоколъ дальній
Съ лазурнаго неба гудѣлъ,
Все тише, нѣжнѣй и печальнѣй, —
Онъ что-то напомнить хотѣлъ.

И, видя хребты ледяные,
Я понялъ въ тотъ призрачный мигъ,
Что, бросивъ обманы земные,
Я правды небесъ не достигъ.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ,
Нѣтъ часа, чтобъ тебя я не желалъ.
Проклятіе невидящей судьбѣ,
Мудрецъ сказалъ, что міръ постыдно малъ ....

Постыдно малъ и тѣсенъ для мечты,
И все же ты далеко отъ меня
О боль моя! Желанна мнѣ лишь ты,
Я жажду новой боли и огня.

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спѣши ....

К. Д. Бальмонтъ.

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный,
Страшенъ свѣточъ дня .
Былъ и я когда то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ,
Но когда и гдѣ — не помню. — Все теперь забылъ.
Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ?
И зачѣмъ? зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто;
Умъ безсильный нѣмъ:
Дождь струится безпощадный, вѣтеръ бьетъ въ окно;
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ далеко, давно! ...

Для чего жъ ты вновь со мною, позабытый другъ
Точно тѣнь встаешь и манишь?
Но темно вокругъ.
Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ,
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.
Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ огня.
Тише, тише, — засыпаю! Не буди меня!

К. Д. Бальмонтъ.

Завѣтъ бытія.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала: „Гори!“

К. Д. Бальмонтъ.

* *
*

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй.
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ—
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ — и святыхъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце. (Анаксагоръ.)

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И выси горъ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ, —
Я властелинъ.
Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце —
А если день погасъ,
Я буду пѣть .... Я буду пѣть о Солнцѣ,
Въ предсмертный часъ!

К. Д. Бальмонтъ.

Камыши.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно шуршатъ камыши,
О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?
Мелькаютъ, мигаютъ, — и снова ихъ нѣтъ,
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.
Полночной порой камыши шелестятъ;
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.
Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ:
То мѣсяцъ багровый печально поникъ,
И тиной запахло. И сырость ползетъ ....
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.
„Кого? Для чего“ — камыши говорятъ —
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“
Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ,
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.
И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно шуршатъ камыши.

К. Д. Бальмонтъ.

Лѣсныя травы.

Я люблю лѣсныя травы.
Ароматныя,
Поцѣлуи и забавы,
Невозвратныя.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ
Неизвѣстныя,
Тѣни сказокъ обманувшихъ,
Безтѣлесныя.

Все, что манитъ и обманетъ
Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранитъ
Тайной сладкою.

К. Д. Бальмонтъ.

Молитва.

Господи Боже, склони Свои взоры
Къ намъ, истомленнымъ суровой борьбой;
Словомъ Твоимъ подвигаются горы,
Камни, какъ тающій воскъ, предъ Тобой;

Тьму отдѣлилъ Ты отъ яркаго свѣта,
Создалъ Ты небо, и небо небесъ,
Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
Міръ, преисполненный скрытыхъ чудесъ;

Создалъ Ты рай — чтобъ изгнать насъ изъ рая.
Боже, опять насъ къ Себѣ возврати,
Мы истомились, во мракѣ блуждая,
Если мы грѣшны, прости насъ, прости!

Не искушай насъ безцѣльнымъ страданьемъ,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
Дай намъ, о Господи, слиться съ Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже нашъ, Отче нашъ, полный любви!
Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
Сжалься, о, сжалься, мы — дѣти Твои! ....

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

„Доброй ночи!“

Доброй ночи? — О, нѣтъ, дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна, —
И тогда будетъ д о б р а я ночь!

Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?
Развѣ въ силахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ, весь міръ позабыть, трепеща и любя, —
Это д о б р а я ночь.

Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней, —
И тогда будетъ д о б р а я ночь!

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

Луна.

Скиталица небесъ, печальная луна,
Какъ скорбно съ высоты на землю ты глядишь!
Не потому-ли ты блѣдна,
Не потому-ли ты грустишь,
Что между яркихъ звѣздъ свершать свой путь должна
Всегда, вездѣ — одна,
Не зная на кого лучистый взоръ склонить,
Не зная ничего, что можно полюбить!

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

Минувшіе дни.

Какъ тѣнь дорогая умершаго друга,
Минувшіе дни
Приходятъ къ намъ съ лаской въ минуты досуга;
Надеждъ невозвратныхъ въ нихъ брезжутъ огни,
Любви обманувшей, мечты невозможной;
Какъ смутные призраки, съ лаской тревожной
Приходятъ къ намъ прошлые дни.

Какъ сны золотые плѣнительной ночи,
Минувшіе дни
На мигъ лишь одинъ устремляютъ къ намъ очи,
И такъ же, какъ сны, намъ отрадны они.
Въ нихъ самая мука нѣжнѣе, чѣмъ счастье,
Какъ солнечный свѣтъ послѣ мрака ненастья,
Намъ дороги прошлые дни.

Приходите вы изъ пучины забвенья,
Минувшіе дни.
Взирая на васъ, мы полны сожалѣнья:
Вы снова умчитесь, — мы снова одни.
И, какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
Мы смѣхъ вашъ минутный слезой провожаемъ,
Погибшіе прошлые дни.

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

Пусть....

Пусть отзвучитъ гармоничное, нѣжное пѣнье, —
Въ памяти все еще звуки ревниво дрожатъ;
Пусть отцвѣтаетъ фіалка, проживши мгновенье, —
Въ вѣнчикѣ блѣдномъ хранится ея ароматъ.

Свѣтлыя розы, скончавшись, толпой погребальной
Искрятся въ пышныхъ букетахъ, какъ въ небѣ звѣзда;
Такъ я съ тобой разлученъ, но твой образъ печальный.
Въ сердцѣ моемъ, убаюканный, дремлетъ всегда.

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

Смерть.

Они умрутъ — и мертвымъ нѣтъ возврата.
Къ могилѣ ихъ открытой Скорбь идетъ,
Сѣдая, слабымъ голосомъ зоветъ,
То друга, то любовника, то брата;
Напрасенъ плачъ, напрасенъ стонъ,
Они ушли — и нѣтъ для нихъ возврата,
Отъ нихъ остался только рядъ именъ.
Какъ тяжела родныхъ сердецъ утрата!
Не плачь, о, Скорбь, сестра души моей,
Не плачь!
Но ты не хочешь утѣшеній.
Понятенъ мнѣ весь гнетъ твоихъ мученій:
Не здѣсь ли ты съ толпой своихъ друзей,
Въ избыткѣ силъ весною наслаждалась;
О, какъ была ты молода,
И какъ заманчиво тогда
Тебѣ надежда улыбалась!
Непродолжительна была твоя весна,
Мечты волшебныя умчались,
Ты посѣдѣла, ты — одна,
И отъ друзей твоихъ остались
Одни пустыя имена.

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

* *
*

Слишкомъ часто завѣтное слово людьми осквернялось,
Я его не хочу повторять,
Слишкомъ часто завѣтное чувство презрѣньемъ встрѣчалось,
Ты его не должна презирать.
И слова состраданья, что съ устъ твоихъ нѣжныхъ сорвались,
Никому я отдать не хочу,
И за счастье надеждъ, что съ отчаяньемъ горькимъ смѣшались,
Я всей жизнью своей заплачу.
Нѣтъ того въ моемъ сердцѣ, что въ мірѣ любовью зовется,
Но молитвы отвергнешь-ли ты?
Неудержно вкругъ солнца воздушное облачко вьется,
Упадаетъ роса на цвѣты,
Полночь ждетъ, чтобы снова зари загорѣлося око,
И отвергнешь-ли ты, о, мой другъ,
Это чувство святое, что манитъ куда-то далеко,
Прочь отъ нашихъ томительныхъ мукъ?

* *
*

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

Смерть.

Смерть всюду, всегда, неизмѣнно. Неразлучна съ ней
жизнь золотая.
Смертью дышетъ небесная твердь
И все, что живетъ, что трепещетъ, къ зарѣ расцвѣтая.
И въ насъ пріютилася смерть.

Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья, надежды, —
И ужь не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, закрываются вѣжды, —
И мы, мы должны умереть.

Все гибнетъ, надъ чѣмъ наше сердце огневою любовью горѣло,
Разростается смертная тьма,
И еслибы то, что мы любимъ, умереть не хотѣло,
Любовь умерла бы сама.

К. Д. Бальмонтъ.
(Изъ Шелли.)

* * *

Я ласкъ твоихъ страшусь, какъ горькихъ мукъ,
Но ты меня не бойся, нѣжный другъ, —
Такъ глубока души моей печаль,
Что огорчить тебя мнѣ было бъ жаль.

Мнѣ страшенъ каждый вздохъ твой, каждый звукъ,
Но ты меня не бойся, нѣжный другъ, —
О, вѣрь мнѣ, я тебя не погублю,
Тебя я, какъ мечту, какъ сонъ люблю.

К. Д. Бальмонтъ.

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни.

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня;
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали;
И какіе-то звуки кругомъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ небесъ и земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
У сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.
И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли;
Для меня-же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня, —
И всё выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

К. Д. Бальмонтъ.

Колыбельная пѣсня.

Липы душистой цвѣты распускаются...
Спи, моя радость, усни.
Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую....
Спи, моя радость, усни.
Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданія.
Какъ наклоняется нѣжно къ ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней.... спи. Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою.
О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
Крѣпче къ надежному сердцу прильни.
Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
Будемъ мы вмѣстѣ ночи и дни.
Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся....
Спи, моя радость, усни.

* * *

Я — изысканность русской медлительной рѣчи
Предо мною другіе поэты —предтечи,

Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.
Я — внезапный изломъ.
Я — играющій громъ,
Я — прозрачный ручей,
Я для всѣхъ и ничей.
Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Самоцвѣтные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно — юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ —
И въ себя и въ другихъ,
Я — изысканный стихъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Снѣжинка.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!
Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользить, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ,
Сохранно-бѣлая.
Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ, взметается,
На немъ лелѣющимъ,
Свѣтло качается.
Его качелями
Она утѣшена
Съ его мятелями
Крутится бѣшено.
Но вотъ кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звѣзда кристальная,
Лежитъ пушистая,
Снѣжинка смѣлая,
Какая чистая,
Какая бѣлая.

К. Д. Бальмонтъ.

Фея за дѣломъ.

Къ феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки,
Передъ этимъ напились
Капелекъ съ ромашки
И давай жужжать, галдѣть,
Въ залѣ паутинной,

Точно выискали клѣть,
А не замокъ чинный.
Стали жаловаться всѣ,
Съ самаго начала,
Что ромашка имъ въ росѣ
Яду подмѣшала.
А потомъ на комара
Жаловалась муха,
Говоритъ, молъ, я стара,
Плакалась старуха.
Фея слушала ихъ вздоръ,
И сказала: Вѣрьте,
Мнѣ вашъ гамъ и этотъ соръ
Надоѣлъ до смерти.
И велѣла пауку, —
Вставъ съ воздушныхъ креселъ, —
Чтобы тотчасъ на суку
Сѣти онъ развѣсилъ.
И немедля сталъ паукъ
Вѣшать паутинки,
А она пошла на лугъ,
Провѣрять росинки.

К. Д. Бальмонтъ.

До послѣдняго дня.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь;
Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.
И будетъ мучительно — сладостный мигъ: —
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

Е. А. Баратынскій.

Двѣ доли.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знаніе бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть,

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ,

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

В. Башкинъ.

Двѣ пѣсни.

Женскій голосъ поетъ и звеня и маня:
„Въ этотъ день только небо нѣжнѣе меня,
Мелодичнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ, —
Такъ полна моя грудь голубого огня,
Такъ полны мои грезы жемчужныхъ зарницъ....“
Голосъ юноши вторитъ, смѣясь и дразня;
„Въ этотъ день только солнце богаче меня,
Беззаботнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ, —
Такъ полна моя грудь золотого огня,
Такъ полны мои думы веселыхъ зарницъ....“
Женскій голосъ его обрываетъ, летя:

„Солнце нѣжитъ меня, бархатъ щекъ золотя;
Теплый вѣтеръ играетъ прядями волосъ;
Серебристый ручей, шелкомъ травъ шелестя,
Мнѣ поклоны отъ стараго лѣса принесъ....“
Голосъ юноши снова ликуетъ дразня:
„Только быстрыя тучи свободнѣй меня;
На раскрытой груди моей солнце горитъ
И, какъ младшему брату, восторгомъ звеня,
О безбрежныхъ степяхъ вѣтеръ мнѣ говоритъ.“

В. Г. Бенедиктовъ.

Входъ воспрещается.

„Входъ воспрещается,“ — какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войти,
Гдѣ входятъ многіе, тебѣ-жъ — посмотришь — нѣту
Свободнаго пути!

Тамъ — кабинетъ чудесъ; тамъ — рѣдкостей палата!
Хотѣлъ бы посмотрѣть! — Туда навезено
Диковинъ множество, и мрамора, и злата.
Пойдешь — воспрещено!

Тамъ, смотришь, голова! Прекрасной мысли, знанья,
Ты пробуешь внести въ нее отрадный свѣтъ,
Напрасно: тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья,
Отмѣтка: „впуска нѣтъ.“

А тамъ — храмъ счастія; кругомъ толпы народа;
Иные входятъ внутрь; ты хочешь проскользнуть,
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждаетъ путь.

Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно,
Ногою шаркая, подошвою скользя:
„Позвольте!“ — А тебѣ настойчиво упорно
Отвѣтствуютъ: — нельзя. —

„Да почему жъ нельзя! Проходятъ же другіе!“
Спросили мы тогда, а тамъ гремѣлъ отвѣтъ:
— Проходятъ, можетъ быть, да это не такіе; —
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.

Вы — безъ протекціи. Вы что? Народъ небесный!
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась,
Вотъ если было бы хоть барыни извѣстной
Ходатайство объ васъ!

Просили бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья-бабушка, иль полновѣсный братъ,
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
Назадъ, дружки, назадъ!

„Что дѣлать? — Отойдемъ! Намъ не добиться счастья,“ —
Мы грустно молвили: — „златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ же участья
У ангельскихъ сердецъ!“

Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка, —
Открытое лицо, открытый милый взглядъ!
Знать, сердце таково жъ.. Приблизились: ошибка!
И тутъ ступай назадъ!

„Входъ воспрещается;“ задернута завѣса,
Дверь сердца заперта: несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда жъ какой-нибудь повѣса
Торжественно идетъ.

Дивишься иногда, какъ въ самый мигъ рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый свѣтъ,
И какъ не прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.

Одинъ еще открытъ намъ путь — и насъ уважутъ: —
Я знаю, какъ придетъ святая череда,
„Не воспрещается," — намъ у кладбища скажутъ: —
„Пожалуйте сюда!"

На дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
Мы видимъ, наконецъ, и ѣдемъ безъ труда.
Встъ тутъ и ляжемъ мы близъ церкви, слава Богу!
Но нѣтъ — и тутъ бѣда:

И мертвымъ намъ кричатъ: „куда вы? Тутъ ограда;
Здѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
Вамъ дальше есть мѣста четвертаго разряда,
А тутъ — воспрещено!"

В. Г. Бенедиктовъ.

Ты мнѣ все.

Воздуха чистаго въ легкомъ дыханіи
Мнѣ твоей поступи вѣянье слышится ....
На морѣ бѣлой волны въ колыханіи
Все мнѣ волна твоихъ персей колышется!
Тополя стройнаго въ лиственномъ шелестѣ
Чудится шепотъ твой нѣжный, таиственный.
Въ цѣлой природѣ твои только прелести
Я созерцаю, о другъ мой единственный!
Ты — мое солнце въ полуднѣ высокое,
Мѣсяцъ серебряный, звѣздочка скромная,
Ты — моя радость и горе глубокое,
День мой блестящій и ночь моя темная.

В. Г. Бенедиктовъ.

Альпухара.

Изъ „Конрада Валленрода“ А. Мицкевича.

Смерть маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма;
У мавровъ остались твердыни Гренады.
Но горе! Въ Гренадѣ — чума.
Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея — Альманзоръ.
Но врагъ подступилъ ужъ къ пятамъ ея башень
И завтра — послѣдній напоръ!
И утро настало. Испанцы напали —
Твердыни разсыпались въ прахъ;
Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ — въ испанскихъ рукахъ.
Все пало: одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;
Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился,
И бѣгствомъ спасъ душу свою.
Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ; все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина.
И вдругъ — ихъ начальникамъ стража доноситъ
Что прибылъ какой-то посолъ
Съ дарами, — и въ замокъ ихъ допуска проситъ,
„Впустить!“ И посланникъ вошелъ.
То былъ Альманзоръ, то былъ царь мусульманскій.
Покорный верховной судьбѣ,

Онъ самъ предаетъ себя власти испанской,
И проситъ пощады себѣ.
„Испанцы!“ — взываетъ: — „въ смиреньи глубокомъ,
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ,
И вашему Богу служить.
Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣжденный
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другого царя!“
Того, кто являлъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали испанцы, и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его;
И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему.
Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ.
И всталъ, — и ужасенъ испанцамъ явился....
Весь синій взглянулъ на враговъ, —
Средь адскаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.
„Взгляните, гяуры: каковъ я! Предъ вами
Въ лицѣ моемъ гибель сама.
Я къ вамъ изъ Гренады посланникъ съ дарами:
Гяуры, мой даръ вамъ — чума.

Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки,
Мой ядъ будетъ васъ пожирать,
Мои изучайте вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать!“
Онъ ринулся на землю, и, кажется, хочетъ
Обнять всѣхъ испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя.
И стынетъ, и взоръ онъ свой, кровью налитый,
Со злобой навѣкъ закатилъ;
И рта не замкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.
Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, — и войска ихъ тьма,
Средь страшныхъ мученій, легла на дорогѣ:
Ихъ всѣхъ доконала чума.

А. Блокъ.

„Нѣтъ.“

Вновь оснѣженныя колонны,
Елагинъ мостъ и два огня,
И голосъ женщины влюбленной,
И хрустъ песка и храпъ коня.

Двѣ тѣни, слитыхъ въ поцѣлуѣ,
Летятъ у полости саней,
Но не таясь и не ревнуя,
Я съ этой новой — съ плѣнной — съ ней.

Да, есть печальная услада
Въ томъ, что любовь пройдетъ, какъ снѣгъ
О, развѣ, развѣ клясться надо
Въ старинной вѣрности на вѣкъ?

Нѣтъ, я не первую ласкаю
И въ строгой четкости моей
Уже въ покорность не играю
И царствъ не требую у ней.

Нѣтъ, съ постоянствомъ геометра
Я числю каждый разъ безъ словъ
Мосты, часовню, рѣзкость вѣтра,
Безлюдность низкихъ острововъ.

Я чту обрядъ: легко заправить
Медвѣжью полость на лету,
И, тонкій станъ обнявъ, лукавить,
И мчатся въ снѣгъ и темноту

И помнить узкія ботинки,
Влюбляясь въ хладные мѣха....
Вѣдь грудь моя на поединкѣ
Не встрѣтитъ шпаги жениха . .

Вѣдь со свѣчей въ тревогѣ давней
Ее не ждетъ у двери мать . .
Вѣдь бѣдный мужъ за плотной ставней
Ее не станетъ ревновать . .

Чѣмъ ночь прошедшая сіяла,
Чѣмъ настоящая зоветъ,
Все только — продолженье бала,
Изъ свѣта въ сумракъ переходъ . .

А. Блокъ.

Надъ озеромъ.

Съ вечернимъ озеромъ я разговоръ веду
Высокимъ ладомъ пѣсни. Въ тонкой чащѣ
Высокихъ сосенъ, съ выступовъ песчаныхъ,
Изъ-за могилъ и склеповъ, гдѣ огни
Лампадъ и сумракъ дымно — сизый —
Влюбленныя ему я пѣсни плю.

Оно меня не видитъ — и не надо.
Какъ женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотритъ въ небо,
Туманится, и даль поитъ туманомъ,
И отняло у неба весь закатъ.
Всѣ исполняютъ прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафоръ на дальнемъ берегу,
Въ немъ отразившій свой огонь зеленый,
Какъ разъ, на самой розовой водѣ.
Къ нему ползетъ, ползетъ трехглазая змѣя
Своимъ единственнымъ стальнымъ путемъ,
И, прежде свиста, озеро доноситъ
Ко мнѣ ея ползучій, хрипльій шумъ.
Я на уступѣ. Надо мной — могила
Изъ темнаго гранита. Подо мной
Бѣлѣющая въ сумеркахъ дорожка.
И, кто посмотритъ снизу на меня,
Тотъ испугается: такой я неподвижный,
Въ широкой шляпѣ, средь ночныхъ могилъ,
Скрестившій руки, стройный и влюбленный въ міръ.

Но некому взглянуть. Внизу идутъ
Влюбленные другъ въ друга; нѣтъ имъ дѣла
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Имъ нужны человѣческіе вздохи.
Мнѣ нужны вздохи сосенъ и воды.
А озеру — красавицѣ — ей нужно,
Чтобъ я, никѣмъ невидимый, запѣлъ
Высокій гимнъ о томъ, какъ ясны зори,
Какъ стройны сосны, какъ вольна душа.

Прошли всѣ пары. Сумерки синѣй,
Бѣлѣй туманъ. И дѣвичьяго платья
Я вижу складки легкія внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко сѣла на ступенькѣ
Могилы, не замѣтивши меня . .
Я вижу легкій профиль. Пусть не знаетъ,
Что знаю я, о чемъ пришла мечтать
Тоскующая дѣвушка . . Свѣтлѣютъ
Всѣ окна дальнихъ дачъ: тамъ — самовары,
И синій дымъ сигаръ: и плоскій смѣхъ . .
Она пришла безъ спутниковъ сюда . .
Навѣрное, навѣрное прогонитъ
Затянутаго въ китель офицера
Съ вихляющимся задомъ и ногами,
Завернутыми въ трубочки штановъ!
Она глядитъ, какъ будто, за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то далеко, такъ далеко,

Куда и я не въ силахъ, заглянуть . .
О, нѣжная! О, тонкая! — и быстро
Ей мысленно пріискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Маріей! Теклой!
Да, Теклой! . . — И задумчиво глядитъ
Въ клубящійся туманъ . . Ахъ, какъ прогонитъ! . .
А офицеръ ужъ близко: бѣлый китель,
Надъ нимъ усы и пуговица — носъ,
И плоскій блинъ, приплюснутый фуражкой . .
Онъ подошелъ . . онъ жметъ ей руку! . смотрятъ
Его глядѣлки въ ясные глаза! . .
Я даже выдвинулся изъ-за склепа . .
И вдругъ . . протяжно чмокаетъ ее,
Даетъ ей руку и ведетъ на дачу!

Я хохочу! Взбѣгаю вверхъ. Бросаю
Въ нихъ шишками, пескомъ, визжу, пляшу
Среди могилъ — незримый и высокій . .
Кричу. — Эй, Θекла! Θекла! — И они
Испуганы, сконфужены, не знаютъ,
Откуда шишки, хохотъ и песокъ . .
Онъ ускоряетъ шагъ, не забывая
Вихлять проворно задомъ, и она,
Прижавшись плотно къ кителю, почти
Бѣгомъ бѣжитъ за нимъ . . Эй, доброй ночи!

И, выбѣгая на крутой обрывъ,
Я отражаюсь въ озерѣ . . Мы видимъ
Другъ друга: — Здравствуй! я кричу . .
И голосомъ красавицы — лѣса
Прибрежные отвѣтствуютъ мнѣ: — Здравствуй!

Кричу: — Прощай! — они кричатъ: — Прощай!
Лишь озеро молчитъ, влача туманы,
Но ласково на немъ отражены
И я, и всѣ союзники мои.
Ночь бѣлая, и Богъ, и твердь, и сосны . .

И бѣлая задумчивая ночь
Несетъ меня домой. Вагонъ летитъ . .
И въ комнатѣ моей бѣлѣетъ утро.
Оно на всемъ: на книгахъ и столахъ,
И на постели, и на мягкомъ креслѣ,
И на письмѣ трагической актрисы:
„Я вся усталая. Я вся больная.
„Цвѣты меня не радуютъ. Пишите.
„Простите и сожгите этотъ бредъ . .“
И томныя слова . . И длинный почеркъ,
Усталый, какъ ея усталый шлейфъ . .
И томностью пылающія буквы,
Какъ яркій камень въ черныхъ волосахъ.

А. Блокъ.

Прости.

Такъ окрыленно, такъ наивно
Царевна пѣла о веснѣ.
И я сказалъ: „Смотри, царевна,
„Ты будешь плакать обо мнѣ.“

Но руки мнѣ легли на плечи,
И прозвучало: „Нѣтъ. Прости.
„Возьми свой мечъ. Готовься къ сѣчѣ.
„Я сохраню тебя въ пути.“

И я сошелъ тропой уклонной
И слушалъ, опершись на мечъ,
Обѣтъ царевны благосклонной,
Ея торжественную рѣчь:

„Иди, иди, мой рыцарь дольній,
„Куда ведетъ тебя весна,
„Гдѣ безначальнѣй, безглагольнѣй,
„Твой путь — пѣвучая струна.

„Я сохраню мой ледъ и холодъ,
„Замкнусь въ хрустальномъ терему,
„А ты вернешься снова молодъ
„И долгу вѣренъ своему.

„И будетъ радость въ долгихъ взорахъ,
„Тихо протекутъ года.
„Вкругъ замка будетъ вѣчный шорохъ,
„Во рву — спокойная вода.

„Да я готова къ поздней встрѣчѣ,
„Навстрѣчу руки протяну
„Тебѣ, несущему изъ сѣчи
„На остріѣ копья весну.“

Даль опустила синій пологъ
Надъ замкомъ, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой дологъ.
Иду за огненной весной.

А. Блокъ.

* * *

Тамъ, въ ночной завывающей стужѣ,
Въ полѣ звѣздъ отыскалъ я кольцо.
Вотъ лицо возникаетъ изъ кружевъ,
Возникаетъ изъ кружевъ лицо.

Вотъ плывутъ ея вьюжныя трели,
Звѣзды свѣтлыя шлейфомъ влача,
И взлетающій бубенъ метели,
Бубенцами призывно бренча.

И надъ мигомъ свивая покровы,
Вся окутана звѣздами вьюгъ,
Уплываешь ты въ сумракъ снѣговый,
Мой отъ вѣка загаданный другъ.

А. Блокъ.

* * *

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ — тишина.
Мы одну и ту же любимъ,
Легковѣйная весна,

Какъ согласнымы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не рѣчами
Покорила насъ она,

Удивленными очами
Мы съ тобой покорены,
Надъ округлыми плечами
Косы въ узелъ сплетены.

Эта дѣвушка узнала
Чары легкія весны.
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нѣжныя сплела,
Тонкій станъ заколдовала,
Въ храмъ вечерній привела,

Обняла дѣвичьи плечи,
Поднялась въ колокола,
Погасила въ храмѣ свѣчи,
Осѣнила купола,

И за дѣвушкой — далече
Въ синихъ улицахъ — весна,
Смолкли звоны, стихли рѣчи,
Тихо молится она . . .

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ — тишина.
Мы съ тобой такъ нѣжно любимъ,
Тиховѣйная весна!

А. Блокъ.

* * *

Въ часъ глухой разлуки съ моремъ,
Съ тихо ропщущимъ прибоемъ,
Съ отуманенною далью —

Мы одни, съ великимъ горемъ,
Сѣдины свои закроемъ
Бѣлымъ саваномъ — печалью.

Протекутъ еще мгновенья,
Кануть въ темные вѣка.

Будутъ новыя видѣнья,
Будетъ старая тоска.

И въ печальный саванъ кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидимъ мы тогда, —

Какъ горитъ твой млечный поясъ!
Какъ летитъ къ родному морю
Серебристая звѣзда!

А. Блокъ.

* * *

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

Все, какъ было. Только странная.
Воцарилась тишина.
И въ окнѣ твоемъ — туманная
Только улица страшна.

И прошла ты, сонно — бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна,
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синяго окна.

И потомъ едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла
И, какъ время, безразсвѣтная
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо въ дальней спаленкѣ —
Синій сумракъ и покой,
Оттого, что карликъ маленькій
Держитъ маятникъ рукой.

А. Блокъ.

* * *

Она веселой невѣстой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тутъ.
Но церковь упала въ зацвѣтшій прудъ.

Надъ зыбью самыхъ глубокихъ мѣстъ
Плыветъ одинъ неподвижный крестъ.

Миновали сотни и сотни лѣтъ,
А въ старомъ домѣ юности нѣтъ.

И въ домѣ, уставшемъ юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдѣваетъ нити въ иглу.
Тѣни нитей дрожатъ на свѣтломъ полу.

Тихо, какъ будетъ. Свѣтло, какъ было.
И счетъ годинъ старуха забыла.

Какъ міръ, стара, какъ лунь сѣда.
Никогда не умретъ, никогда, никогда..

А вдоль комодовъ, вдоль старыхъ креселъ
Мушиный танецъ все также веселъ,

И красныя нити лежатъ на полу,
И мышь щекочетъ обои въ углу.

Въ зеркальной глуби — еще покой
Съ такой же старухой, какъ лунь сѣдой,

И тѣ же нити, и тѣ же мыши,
И тотъ же образъ смотритъ изъ ниши —

Въ окладѣ темномъ — темнѣй пруда,
Со взоромъ скромнымъ — всегда, всегда..

Давно потухшій взглядъ безучастный,
Клубокъ изъ нитей веселый, красный..

И глубже, и глубже покоевъ рядъ,
И въ окна смотритъ все тотъ же садъ,

Зеленый, какъ міръ; высокій, какъ ночь;
Нѣжный, какъ отошедшая дочь.

— Вернись, вернись. Нить не хочетъ тлѣть.
— Дай мнѣ спокойно умереть.

А. Блокъ.

У моря.

Стоитъ полукругъ зари.
Скоро солнце совсѣмъ уйдетъ.
Смотри, папа, смотри,
Какой къ намъ корабль плыветъ!

Ахъ, дочка, лучше бы намъ
Уйти отъ берега прочь . .
Смотри: онъ несетъ по волнамъ
Намъ свѣтлымъ — темную ночь.

Нѣтъ, папа, взгляни разокъ,
Какой на немъ пестрый флагъ!
Ахъ, какъ его голосъ высокъ!
Ахъ, какъ освѣщенъ маякъ!

Дочка, то сирена поетъ.
Берегись, пойдемъ — ка домой . .
Смотри: ужъ туманъ ползетъ:
Корабль сталъ совсѣмъ голубой . .

Но дочка плачетъ навзрыдъ,
Глубь морская ее манитъ,
И хочетъ пуститься вплавь,
Чтобы сонъ обратился въ явь.

А. Блокъ.

На чердакѣ.

Что на свѣтѣ выше
Свѣтлыхъ чердаковъ?
Вижу трубы, крыши
Дальнихъ кабаковъ.

Путь туда заказанъ,
И на что — теперь?
Вотъ — я съ ней лишь связанъ
Вотъ — закрыта дверь . .

А она не слышитъ —
Слышитъ — не глядитъ,
Тихая — не дышитъ,
Бѣлая — молчитъ . .

Ужь не проситъ кушать . .
Вѣтеръ свищетъ въ щель.
Какъ мнѣ любо слушать
Вьюжную свирѣль!

Вѣтеръ, снѣжный сѣверъ,
Давній другъ ты мнѣ!
Подари ты вѣеръ
Молодой женѣ!

Подари ей платье
Бѣлое, какъ ты!
Нанеси въ кровать ей
Снѣжные цвѣты!

Ты дарилъ мнѣ горе,
Тучи, да снѣга . .
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтобъ была нарядна
И, какъ снѣгъ, бѣла!
Чтобъ глядѣлъ я жадно
Изъ того угла! . .

Слаще пой ты, вьюга,
Въ снѣжную трубу,
Чтобъ спала подруга
Въ ледяномъ гробу!

Чтобъ она не встала,
Не скрипи доска . .
Чтобъ не испугала
Милаго дружка!

А. Блокъ.

* * *

Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ,
Въ электрическомъ снѣ наяву
Я искалъ безконечно красивыхъ
И безсмертно влюбленныхъ въ молву.

Были улицы пьяны отъ криковъ,
Были солнца въ сверканьи витринъ!
Красота этихъ женственныхъ ликовъ!
Эти гордые взоры мужчинъ!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросилъ старика у стѣны:
— Ты украсилъ ихъ тонкіе пальцы
— Жемчугами несмѣтной цѣны?

— Ты имъ далъ разноцвѣтныя шубки?
— Ты зажегъ ихъ снопами лучей?
— Ты раскрасилъ пунцовыя губки,
— Синеватыя дуги бровей?

Но старикъ ничего не отвѣтилъ,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно свѣтелъ,
Эту музыку блеска впивать.

А онѣ проходили все мимо,
Смутно каждая въ сердцѣ тая,
Чтобъ навѣки, ни съ кѣмъ несравнимой,
Отлетѣть въ голубые края . .

А вверху — на уступѣ опасномъ —
Тихо съежившись, карликъ приникъ,
И казался намъ знаменемъ краснымъ
Распластавшійся въ небѣ языкъ.

А. Блокъ.

Холодный день.

Мы встрѣтились съ тобою въ храмѣ
И жили въ радостномъ саду,
Но вотъ зловонными дворами
Пошли къ проклятью и труду.

Мы миновали всѣ ворота
И въ каждомъ видѣли окнѣ,
Какъ тяжело лежитъ работа.
На каждой согнутой спинѣ.

И вотъ вошли туда, гдѣ будемъ
Мы жить подъ низкимъ потолкомъ,
Гдѣ прокляли другъ друга люди,
Убитые своимъ трудомъ.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла межъ спящихъ на полу;
Но самый сонъ ихъ былъ проклятье,
Вонъ тамъ — въ заплеванномъ углу.

Ты обернулась, заглянула
Довѣрчиво въ мои глаза . .
И на щекѣ моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нѣтъ! Счастье — праздная забота,
Вѣдь молодость давно прошла.
Намъ скоротаетъ вѣкъ работа,
Мнѣ — молотокъ, тебѣ — игла.

Сиди, да шей, смотри въ окошко.
Людей повсюду гонитъ трудъ,
А тѣ, кому труднѣй немножко,
Тѣ пѣсни длинныя поютъ.

Я близъ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мнѣ,
Что я увидѣлъ дно стакана,
Топя отчаянье въ винѣ.

А. Блокъ.

Ночью.

Полный мѣсяцъ всталъ надъ лугомъ
Неизмѣннымъ дивнымъ кругомъ:
Свѣтитъ и молчитъ.
Блѣдный, блѣдный лучъ цвѣтущій,
Мракъ ночной, по немъ ползущій,
Отдыхаетъ — спитъ.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Подъ луной царитъ . .
Хоть и знаешь: утромъ рано
Солнце выйдетъ изъ тумана,
Поле озаритъ.
И тогда пройдешь тропинкой,
Гдѣ подъ каждою былинкой
Жизнь кипитъ.

В. Брюсовъ.

* * *

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы теперь? Неужели
Съ вѣнкомъ флеръ—д'оранжа, съ вѣнчальнымъ вѣнкомъ
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мракѣ ночномъ,
Гирляндой цвѣтовъ иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о былomъ,
Къ чему вы душой овладѣли,
Къ чему вы трепещете въ сердцѣ моемъ
На брачной веселой постели!

В. Брюсовъ.

Каменщикъ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!
Что ты тамъ строишь? Кому?
— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый:
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій:
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй, берегись! подъ лѣсами не балуй....
Знаемъ все сами, молчи!

В. Брюсовъ.

Рабъ.

Я рабъ. И былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ пламеннымъ и чернымъ
Я молча повергался ницъ.
Я цѣловалъ ея сандалій
Слѣды на утреннемъ пескѣ,
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.
И разъ мой взоръ сухой и страстный
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ сверкнулъ къ лицу прекрасной
И бѣгло очи ей обжегъ.
И вздрогнула она отъ гнѣва:
„Казнь оскорбителямъ святынь!“
И вдаль пошла среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.
И въ ту же ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песъ,
И весь дрожалъ я, очарованъ
Отъ сладкихъ мукъ и сладкихъ грезъ.
Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.
И падали ея одежды
До тканки, покрывавшей грудь,
И въ ужасѣ закрылъ я вѣжды,
Но долженъ былъ опять взглянуть.

Вошелъ къ ней юноша, и встрѣчи
Она, покорная, ждала....
Погасли факелы и свѣчи,
Настала тишина и мгла.
И было все на бредъ похоже,
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что тайно кроетъ ложе,
Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.
Я утромъ увидалъ ихъ рядомъ,
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ,
И вплоть до дня впивался взглядомъ,
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ!
И вотъ теперь я сосланъ въ каменоломню,
Дроблю гранитъ, стирая кровь,
Но эту ночь я помню.... помню....
О, если-бъ пережить все вновь!

В. Брюсовъ.

Первая любовь.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ
и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайнымъ от-
кровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты;
Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлые скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

В. Брюсовъ.

Первыя встрѣчи.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!
Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова, —
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.
Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,
Всѣ слова, какія мучатъ воспаленныя уста
Въ часъ, когда безстыдству учатъ темнота и нагота!
Изъ восторговъ и унынія я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ родной.
Здѣсь въ саду, гдѣ дышатъ тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновеній вновь былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользающихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!
Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный
взглядъ....
Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ.
Страсти сны вамъ только снятся, но душа проснет-
ся вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся — лишь влюбленность!
лишь любовь!

В. Брюсовъ.

Кинжалъ.

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни — отточенный и острый. —
Поэзія съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей — вѣчно сестры.

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Надъ зовами къ борьбѣ я хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но чуть заслышавши призывный первый громъ,
Я отзывъ вамъ кричу, я вамъ слуга сегодня;
И чѣмъ опаснѣй часъ, и чѣмъ темнѣй кругомъ,
Тѣмъ въ пѣсняхъ я свободнѣй.

Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ
Нежданно пробѣжалъ по этой вѣрной стали;
И снова я съ людьми — затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

В. Брюсовъ.

Къ близкой.

Предстанетъ мигъ, и духъ мой канетъ
Въ неизмѣримость безъ временъ,
И что-то новое настанетъ,
И будетъ прахъ земли, какъ сонъ.

Настанетъ міръ иныхъ скитаній,
Иныхъ паденій и высотъ,
И, подходя за гранью грани,
Мой духъ былое отряхнетъ.

Воспоминанья всѣ утратитъ,
Въ огнѣ небесъ перегоритъ,
И за познанье тайнъ заплатитъ
Забвеньемъ счастья и обидъ.

И вотъ, какъ облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдругъ завижу ликъ знакомый, —
И трепетъ обожжетъ меня.

И [illegible] душѣ преображенной,
[illegible] къ условій бытія,
Какъ мысль отъ тѣни, отрѣшенной,
Возстанетъ вся любовь моя.

Весь кругъ безсилія и счастья,
Всѣ дни, что вѣчностью прошли,
Весь вѣщій ужасъ сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И, словно вновь подъ сводомъ звѣзднымъ,
Съ своей бездонной высоты,
Твое я имя кину къ безднамъ,
И мнѣ на зовъ отвѣтишь ты!

В. Брюсовъ.

Намѣренія.

Сжальтесь надъ цвѣтами упованій,
Чуть раскрытыми въ моихъ глазахъ!
Сжальтесь надъ часами ожиданій
На вечернихъ, смутныхъ берегахъ.

Смущены таинственныя воды,
Лиліи дрожатъ въ ихъ глубинѣ,
И бѣгутъ по влагѣ вдаль разводы....
Я закрылъ глаза, и міръ во мнѣ.

Боже, Боже! на стебляхъ отъ лилій
Выростаютъ странные цвѣты.
Тихи взмахи серафимскихъ крылій,
Движутъ волны въ озерѣ мечты.

И за стеблемъ стебель расцвѣтаетъ
На водѣ, по знаку, въ этотъ часъ.
И душа, какъ лебедь, раскрываетъ
Крылья бѣлыя усталыхъ глазъ.

В. Брюсовъ.

Помпеянка.

„Мнѣ первымъ мужемъ былъ купецъ богатый,
Вторымъ — поэтъ, а третьимъ жалкій мимъ,
Четвертый консулъ, нынѣ евнухъ пятый,
Но кесарь самъ меня сосваталъ съ нимъ.

Была любима я владыкой міра,
Но мнѣ былъ любъ одинъ нубійскій рабъ,
Не жду надъ гробомъ лести унивира,
Для многихъ поясъ мой былъ слишкомъ слабъ.

Но ты, мой другъ, Мизіецъ мой стыдливый,
Тебѣ навѣкъ, навѣкъ я предана,
Не вѣрь, дитя, что женщины всѣ лживы,
Межъ ними вѣрная нашлась одна!“

Такъ говорила, не дыша, блѣднѣя,
Матрона Лидія, какъ въ смутномъ снѣ,
Забывъ, что вся взволнована Помпея,
Что надъ Везувіемъ лазурь въ огнѣ.

Когда безъ силъ любовники застыли
И покорилъ ихъ необорный сопъ,
На городъ пали груды сѣрой пыли,
И городъ былъ подъ пепломъ погребенъ.

Прошли вѣка, и какъ изъ алчной пасти
Мы вырвали былое изъ земли,
И двое гѣлъ, какъ знакъ безсмертной страсти,
Нетлѣнными въ объятіяхъ нашли!

Поставьте выше памятникъ священный,
Живое изваянье вѣчныхъ тѣлъ,
Чтобъ память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предѣлъ!

В. Брюсовъ.

Башня любви.

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И будетъ счастье тьмы межъ зорь заключено.
Мнѣ грустно оттого, что завтра ты съ другими
Смѣшаешься въ одной вскипающей волнѣ,
И будешь между нихъ, и будешь вмѣстѣ съ ними,
И хоть на краткій мигъ забудешь обо мнѣ.
О если-бъ быть вдвоемъ въ высокой, узкой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавыхъ свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно — только ночь, какъ завтра — день вчерашній,
И гдѣ-то безъ конца шумитъ, шумитъ вода.
Отторгнуты отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были-бъ лишь вдвоемъ, я твой, ты — для меня,
Мы были-бъ какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы годъ, какъ продолженье дня.

В. Брюсовъ.

Колыбельная пѣсня.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой — какъ я.
Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.

Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.
Словно рѣчь безсвязная —
Память лучшихъ дней....
А была алмазная
Радуга огней!
Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы....
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива, какъ мы!
И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!
Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая —
Вся любовь моя.

В. Брюсовъ.

Работа.

Здравствуй, тяжкая работа,
Плугъ, лопата и кирка!
Освѣжаютъ капли пота,
Ноетъ сладостно рука!
Прочь вѣнки, дары царевны,
Упадай порфира съ плечъ!
Здравствуй, жизни повседневной

Глубокованная рѣчь!
Я хочу извѣдать тайны
Жизни мудрой и простой.
Всѣ пути необычайны,
Путь труда, какъ путь иной.
Въ часъ, когда устанетъ тѣло,
И ночлегомъ будетъ хлѣвъ, —
Мнѣ подъ кровлей закоптѣлой
Что приснится за напѣвъ?
Что возстанутъ за вопросы,
Опьянятъ что за слова,
Въ часъ, когда подъ наши косы,
Ляжетъ влажная трава?
А когда и въ дождь, и въ холодъ
Зазвенитъ кирка моя,
Буду ль вѣрить, что я молодъ,
Буду ль знать, что силенъ я?

В. Брюсовъ.

Вѣянье смерти.

Ни красокъ, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрыхъ рыбъ, ни полумертвыхъ розъ,
Ни даже сновъ безпечнаго разврата,
Ни слезъ!
Потокъ созвучій всѣ слова унесъ,
За вечера видѣній вотъ расплата!
Но странно нѣжитъ эта мгла безъ грезъ,
Безъ слезъ!
Послѣдній лучъ въ предчувствіи заката
Блѣднѣетъ... Ночь близка... Померкъ утесъ...
Мнѣ все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слезъ!

Ал. Будищевъ.

Стрекоза и одуванчикъ.

Сказка.

Былъ май, веселый мѣсяцъ май, —
Кому же грустно въ маѣ?
Цвѣтовъ въ поляхъ хоть убавляй,
А лѣсъ? а птичьи стаи?
А небо въ звѣздахъ и лунѣ?
А тучи на закатѣ,
То въ перламутровомъ огнѣ,
То въ пурпурѣ, то въ златѣ?
И такъ, былъ май; поля цвѣли,
Въ аллеяхъ пѣли пчёлки.
На межникахъ коростели,
А въ просѣ перепелки.
Былъ старый лѣсъ веселый днемъ,
А ночью — тайны полный,
Тамъ пѣлъ ручей, обросшій мхомъ,
И лѣсъ смотрѣлся въ волны;
Тюльпаны, пьяные отъ розъ,
На берегу шептались,
А одуванчики въ стрекозъ
Какъ юнкера влюблялись!
И вотъ одинъ изъ нихъ сказалъ:
— „Я простъ и бѣденъ съ вида,
Но страстью жаркой запылалъ
Къ вамъ, милая сильфида!
Среди своихъ подругъ стрекозъ,
Вы прямо — балерина!

Вы рождены для свѣтлыхъ грёзъ,
Для ласкъ и серпантина!
И даже пьяница тюльпанъ
Влюбленъ былъ въ ножки эти,
Когда плясали вы канканъ
Въ лѣсу при лунномъ свѣтѣ.
А въ сердцѣ пламенномъ моемъ
Царицей вы живете!
Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы — тети.
Потомъ и свадьбу въ добрый часъ
Отпразднуемъ мы съ вами,
И буду я глядѣть на васъ
Влюбленными глазами.
Перецѣлую, какъ кадетъ,
У васъ я каждый пальчикъ!....“
А стрекоза ему въ отвѣтъ:
— Какой вы глупый мальчикъ!
— „Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы — тети!“
— А много ли, вопросъ весь въ томъ,
У тети вы найдете?
Питаться солнцемъ да росой,
Повѣрьте, я не стану!
Нѣтъ, — балерина, милый мой,
Для васъ — не по карману! —
Она умолкла; лѣсъ дремалъ,
Не шевелись травы,
И только вѣтерокъ вздыхалъ:
— Ну, времена! ну, нравы!....

Настала осень; лѣсъ желтѣлъ;
Листъ падалъ въ позолотѣ,
Косматый шмель въ гостяхъ сидѣлъ
У медуницы — тети.
И тетя бѣдная въ слезахъ
Печально говорила,
Что одуванчика на дняхъ
Она похоронила,
А повѣнчался съ стрекозой,
Какой то жукъ рогатый,
Въ параличѣ, полуживой,
Но знатный и богатый.
Шмель слушалъ молча. Лѣсъ дремалъ,
Не шевелились травы,
А вѣтерокъ въ кустахъ вздыхалъ:
Ну, времена! Ну, нравы!....

И. А. Бунинъ.

* * *

Не пугай меня грозою, —
Не боюсь я вешнихъ бурь:
Послѣ бури надъ землею
Свѣтитъ радостнѣй лазурь:

Послѣ бури, молодѣя
Въ блескѣ новой красоты,
Ароматнѣй и пышнѣе
Распускаются цвѣты!

Но страшитъ меня ненастье:
Я боюсь, что жизнь пройдетъ
И безъ горя, и безъ счастья.
Въ суетѣ дневныхъ заботъ;

Что увянутъ жизни силы
Безъ борьбы и безъ труда,
Что сырой туманъ унылый
Солнце скроетъ навсегда!

И. А. Бунинъ.

* * *

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни — и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ.
Паръ блеститъ надъ пашней .... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.
Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Дѣвушкой невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубыя, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ, яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый, степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій.
И съ привѣтомъ смотритъ на поля она.

На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье —
Юности и счастья первая весна!
Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ, —
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы, и мечты блѣднѣютъ ....
Счастье обмануло молодость мою ....
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни былые, какъ мечту, люблю, —
Я былымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и тоскою шлю!

И. А. Бунинъ.

* * *

Помню: долгій зимній вечеръ
Полумракъ и тишина ....
Тускло льется свѣтъ лампады,
Буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ,
Истомленный и больной.
Мать съ безмолвной, тайной грустью
Наклонилась надо мной.

„Дорогой мой, шепчетъ тихо, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрымъ и веселымъ
Завтра утромъ быть опять,

„Позабудь, что воетъ вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихій шопотъ лѣса
И полдневный лѣтній зной.

„Вспомни, какъ шумятъ березы,
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи.“

И знакомому совѣту
Я довѣрчиво внималъ,
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ:
Шопотъ зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ.

* * *

Дорогая! Снова боленъ
Я и тѣломъ, и душой.
Зимній вечеръ одинокій
Вѣетъ темною тоской, —

И встаетъ передо мною
Все печальнѣй и грустнѣй
Вереница дней ненастныхъ
Бѣдной юности моей.

Отчего-же, какъ бывало,
Не звучитъ мнѣ голосъ твой?
Отчего-жъ теперь не могутъ
Мнѣ мечты принесть покой?! . . . .

И. А. Бунинъ.

Сказка.

И снилось мнѣ, что мы, какъ въ сказкѣ,
Шли вдоль пустынныхъ береговъ
Надъ дикимъ синимъ лукоморьемъ,
Въ глухомъ бору, среди песковъ.
Былъ лѣтній свѣтозарный полдень,
Былъ жаркій день, и озаренъ
Весь лѣсъ былъ солнцемъ — и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.
Узорами ложились тѣни.
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Былъ чистъ и радостно — высокъ.
Игралъ зеркальный отблескъ моря
Въ вершинахъ сосенъ, и текла
Вдоль по корѣ, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнѣе стекла....
Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края....
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка —
Мнѣ снилась молодость моя!

И. А. Бунинъ.

* * *

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпаютъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струитъ листвы узорчатую тѣнь,

Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ — поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ;
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Мнѣ хорошо, мнѣ грустно и легко
Тогда мечтать про молодость былую,
Мнѣ радостно, что я еще тоскую
О томъ, что невозвратно — далеко.
Свой первый май невесело и бѣдно
И встрѣтилъ я, и на-вѣкъ проводилъ,
Но я любилъ, надѣялся, грустилъ —
И не прошла весна моя безслѣдно.
Я не забылъ ея святой привѣтъ,
Я зналъ ея несбыточныя грезы.
Я до сихъ поръ сквозь радостныя слезы
Гляжу на ихъ недолгій, нѣжный цвѣтъ!

И. А. Бунинъ.

Въ лѣсу.

Какъ флеромъ голубымъ, закрывъ на полчаса
Окрестность — дождь прошелъ косыми полосами;
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ орошенными полями....

Тепло и ароматъ.... свѣжѣетъ зелень ржи,
На солнцѣ бархатной становится пшеница
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ, у межи
Болтаютъ веселѣе птицы....

Пойдемъ-же въ лѣсъ.... Свѣжа и зелена
Березокъ куща тамъ, и дѣвственны, не смяты
Межъ ними ландыши.... Цвѣтущая весна
Тамъ разлила свои лѣсные ароматы.

Пойдемъ туда.... И снова, можетъ быть,
Напомнить намъ весна и роща молодая,
Какъ молоды еще съ тобой мы, дорогая,
Какъ можемъ мы еще и вѣрить, и любить....

А. Бѣлый.

Одинъ.

Окна запотѣли.
На дворѣ луна.
И стоишь безъ цѣли
У окна.
Вѣтеръ. Никнетъ, споря,
Рядъ сѣдыхъ березъ.
Много было горя.....
Много слезъ.....
И встаетъ невольно
Скучный рядъ годинъ.
Сердцу больно, больно.....
Я одинъ.

А. Бѣлый.

Вспомни.

Вспомни: ароматнымъ лѣтомъ
Въ садъ ко мнѣ, любя,
Шла: востокъ ковровымъ свѣтомъ
Одѣвалъ тебя.
Шла стыдливо, — вся въ лазурныхъ —
Въ полевыхъ цвѣтахъ —
Въ дымовыхъ, едва пурпурныхъ,
Въ лѣтнихъ облачкахъ.
Вспомни: нѣжный твой любовникъ,
У ограды ждалъ.
Легкій розовый шиповникъ
Въ косы заплеталъ.
Вспомни ласковыя встрѣчи —
Вспомни: видитъ Богъ, —
Эти губы, эти плечи
Поцѣлуемъ жегъ.
Страсти пылъ неутоленной —
Нѣтъ, я не предамъ! —
Вонъ ромашки пропыленной —
Тамъ — и тамъ: и тамъ —
При дорогѣ вѣтромъ взмыло
Мертвые цвѣты.
Ты не любишь: ты забыла —
Все забыла ты.

А. Бѣлый.

Тройка.

Эй, помчались! Кони бойко
Бьютъ копытомъ въ звонкій ледъ;
Разукрашенная тройка
Закружитъ и унесетъ.
Солнце, надъ равниной кроясь,
Зарумянится слегка,
Въ крупныхъ искрахъ блещетъ поясъ
Молодого ямщика.
Будетъ вечеръ; опояшетъ
Небо яркій багрянецъ.
Захохочетъ и запляшетъ
Твой валдайскій бубенецъ.
Ляжетъ скатерть огневая
На холодные снѣга.
Загорится расписная
Золотистая дуга.
Кони встанутъ. Вѣтеръ стихнетъ.
Кто тамъ встрѣтитъ на крыльцѣ?
Чей румянецъ ярче вспыхнетъ
На обвѣтренномъ лицѣ?
Сядетъ въ тройку. Улыбнется,
Скажетъ: „Здравствуй, молодецъ!...“
И опять въ поляхъ зальется
Вольнымъ смѣхомъ бубенецъ.

П. И. Вейнбергъ.

Безконечной пеленою.

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой — море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но, когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ, —
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою —

Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою —
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы —
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы....
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу съ отвагой твердой
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время....
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и Свободы....

П. И. Вейнбергъ.

* * *

Я повѣдалъ безбрежному морю
Про великія муки мои
И оно мнѣ отвѣтило нѣжно
Тихимъ плескомъ привѣтной струи.

Я повѣдалъ свободному вѣтру,
Какъ мнѣ душно на свѣтѣ — и онъ
Мнѣ принесъ благодатную свѣжесть
Изъ далекихъ волшебныхъ сторонъ.
Я повѣдалъ вѣтвистымъ деревьямъ
Про томленье мое — и они
Поспѣшили меня убаюкать
Тихимъ шелестомъ въ чудной тѣни.
Я повѣдалъ горячему солнцу,
Что не вижу я свѣтлаго дня —
И оно лучезарною мощью
Освѣтило, согрѣло меня.
Я сказалъ человѣку — собрату
О моемъ безотрадномъ пути —
И, пожавъ какъ-то странно плечами,
Поспѣшилъ онъ подальше уйти.

Величко.

Трясогузка.

I.

Разыгралась буря — непогодушка,
Надъ дубравой темной разразилася.
Гдѣ прошла — дубы лежатъ столѣтніе,
Переломлены березоньки кудрявыя,
Прилегли къ землѣ кусты орѣшины....
По башкѣ медвѣдя громомъ треснуло:
Опоздавши былъ съ охоты Мишенька,
Не дошелъ медвѣдь до мѣстожительства,
Громомъ треснуло — хоть панихиду правь!....

II.

Не убила буря трясогузочку,
Бѣлобрюшку — птичку полосатую;
И сперва пичужка пріужахнулась,
А потомъ гораздо возгордилася —
И пошла нести — хвостомъ трясти:
„Не страшна мнѣ буря — хлябь небесная!
„Сколько, вишь, бѣды въ лѣсу надѣлала!
„Повалила цѣльнаго медвѣдища,
„Повалила во-каку огромину,
„А меня и тронуть побоялася! . . . .
„Знать, судьба мнѣ быть великой барыней,
„Безъ опаски всюду проклажатися!
„Знать, судьба мнѣ міру быть заступницей! . . . .“

III.

И пока она несла — хвостомъ трясла,
Что несла — хвостомъ трясла, бахвалилась,
Надъ ручьемъ гулять себѣ изволила, —
Вдругъ настала темень непроглядная:
То вдругорядь тучи понадвинулись
Наливныя, черныя, косматыя! . . . .
Понависли низко надъ дубравушкой:
Ну, вотъ-вотъ за сосны суховерхія
Наливныя тученки зацѣпятся,
Ну, вотъ-вотъ все небо наземь брякнется, —
А какъ брякнется — тогда аминь всему! . . . .
Тутъ за міръ вступилась трясогузочка,
Возлегла на спинку полосатую,
Ножки — крошки къ небу оттопырила:

Значитъ, нѣтъ на то ея согласія,
Чтобы зря на землю небо падало!
Не попуститъ, вверхъ упрется ножками! . . . .

IV.

Услыхалъ тѣ рѣчи старый воробей,
Сидючи въ кустѣ большомъ, напыжившись,
Воробушко пуганный да стрѣляный . . . .
Слово птичкѣ молвилъ онъ степенное:
„Эхъ, напрасно, тетка, ты куражишься,
„Задираешь носикъ понапрасному, —
„Искушаешь ты свово Создателя!
„Небеса — то на землю не свалятся, —
„А вотъ крыса изъ ручья повылѣзетъ,
„Водяная крыса, темно — бурая!
„У нея вѣдь носъ — что у подьячаго,
„Злые буркалы — что у сыскныхъ людей,
„А ужъ брюхо — безо всякой совѣсти:
„Что завидитъ — безпремѣнно слопаетъ! . . . .“

V.

Какъ тутъ вскочитъ птичка — трясогузочка!
Ну бѣжать скорѣй, куда глаза глядятъ,
Утекаючи несетъ — хвостомъ трясетъ:
„Тридцать разъ пусть наземь небо свалится,
„Пропадайте всѣ тутъ вмѣстѣ пропадомъ, —
„Лишь бы крыса-то меня не слопала.“

А. Вроцкій (Навроцкій).

Утесъ на Волгѣ.

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ оросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершинѣ его не растетъ ничего;
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.
И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ, —
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.
Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.
Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.
И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ пойти по другому пути,

И идти на Москву онъ рѣшился.
Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.
Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечемъ, —
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.
И Степанъ будто зналъ: никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.
И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана,
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался —
Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Г. Галина.

Nature morte.

Въ вазѣ букетъ увядающихъ розъ....
Нѣсколько начатыхъ, прерванныхъ строкъ....
Рядомъ — измятый и влажный платокъ,
Влажный отъ слезъ....
Что здѣсь схоронено женской душой?
Что эти розы видали вчера?
Кто въ эту ночь здѣсь рыдалъ до утра
Самъ надъ собой?....

Г. Галина.

* *
*

Лѣсъ рубятъ — молодой, зеленый, нѣжный лѣсъ,...
А сосны старыя понурились угрюмо,
И, полны тягостной, неразрѣшимой думы,
Безмолвныя глядятъ въ нѣмую даль небесъ....
Лѣсъ рубятъ... Потому ль, что рано онъ шумѣлъ?
Что на зарѣ будилъ уснувшую природу?
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце, счастье и свободу?
Лѣсъ рубятъ.... Но земля укроетъ сѣмена;
Пройдутъ года, — и мощной жизни силой
Поднимется березъ зеленая стѣна —
И снова зашумитъ надъ братскою могилой!....

З. Гиппіусъ.

* *
*

Изнемогаю отъ усталости,
Душа изранена, въ крови.
Ужели нѣтъ надъ нами жалости,
Ужель надъ нами нѣтъ любви?

Мы исполняемъ волю строгую,
Какъ тѣни, тихо, безъ слѣда,
Неумолимою дорогою
Идемъ — невѣдомо куда.

И ноша жизни, ноша крестная,
Чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣй.
И ждетъ кончина неизвѣстная
У вѣчно запертыхъ дверей.

Безъ ропота, безъ удивленія,
Мы дѣлаемъ, что хочетъ Рокъ.
Кто создалъ насъ безъ вдохновенія,
Тотъ полюбить, создавъ не могъ.

Мы падаемъ, толпа безсильная,
Безсильно вѣря въ чудеса,
А сверху, какъ плита могильная,
Глухія давятъ небеса.

З. Гиппіусъ.

Пѣсня.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею, —
Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и бѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ....
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю....
И это желаніе не знаю откуда
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ.
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ.
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ.

З. Гиппіусъ.

Любовь — одна.

Единый разъ вскипаетъ пѣной
И разсыпается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ: любовь одна.
Мы негодуемъ, иль играемъ,
Иль лжемъ, — но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна — любовь одна.
Однообразно и пустынно
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь.... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь въ неизмѣнномъ — безконечность,
Лишь въ постоянномъ глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь одна.
Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа — вѣрна,
И любимъ мы одной любовью....
Любовь одна, какъ смерть одна.

З. Гиппіусъ.

Нескорбному учителю.

Іисусъ, въ одеждѣ бѣлой,
Прости печаль мою!
Тебѣ я духъ несмѣлый

И тяжесть отдаю.
Іисусъ, дѣтей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я тебя люблю.

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Свиданіе со смертью.

Она ко мнѣ пришла и постучалась въ дверь....
И я узналъ тотъ стукъ! Но съ холодомъ испуга:
„О знаю, я сказалъ, я звалъ тебя, какъ друга,
И не страшусь тебя; приди... но не теперь!
Ты видишь — я одинъ, въ изгнаньи, на чужбинѣ;
А тамъ въ краю родномъ, куда стремлюся я,
Тамъ, сердце вѣрное въ тревогѣ и кручинѣ,
Осиротѣлое, зоветъ и ждетъ меня.
Уйти вослѣдъ тебѣ безъ взляда, безъ пожатья
Руки трепещущей, на зовъ любви въ отвѣтъ
Не вымолвивъ — прости до встрѣчи и объятья
Въ чертогахъ вѣчности, гдѣ разлученья нѣтъ, —
Уйти вослѣдъ тебѣ — и слышать за собою
Земного счастія отчаянный призывъ....
О нѣтъ, не властенъ я!“ — и, дверь пріотворивъ
Она кивнула мнѣ съ упрекомъ головою,
И было много такъ печали и любви
Въ слетѣвшемъ съ устъ ея участливомъ: „живи!“

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Есть въ сердцѣ у меня завѣтный уголокъ:
Любовь — волшебница въ немъ мирно пріютилась.
Разъ невидимкою переступивъ порогъ,
Вошла она туда и крѣпко затворилась.

Съ тѣхъ поръ, когда душа полна тревогъ и думъ,
И въ праздной ихъ игрѣ сознанье счастья тонетъ,
Когда усталый духъ объемлютъ мракъ и шумъ
И суетная жизнь кругомъ, какъ буря, стонетъ, —

Внезапно слышу я ласкающій напѣвъ —
То гостья чудная поетъ мнѣ въ утѣшенье.
И снова счастливъ я, и буря, присмирѣвъ,
Затворницы моей въ тиши внимаетъ пѣнье!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Зарница.

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
Я ложе покидалъ и, стоя подъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна, казалось мнѣ, грозой ночная тишь....
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,
И няня старая входила... „Что не спишь?“
Шептала мнѣ она, — „не бойся — то зарница....

Ни бури, ни грозы не будетъ.“ — И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
„Зарница“, отходя ко сну, я повторялъ,
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья . . . .

Съ тѣхъ поръ прошли года . . И много шумныхъ грозъ
Надъ головой моей сбиралося — и много
Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
Тревожно проходя житейскою дорогой.
Какъ знойный, лѣтній день, сверкая и гремя,
Въ убранствѣ облаковъ, раскиданныхъ въ лазури,
Мѣняя блескъ, и тѣнь, и тишину, и бури,
Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя.
И вечеръ наступилъ, и зарево заката
Ужъ погружается въ ночную глубину,
Душа безмолвіемъ и сумраковъ объята;
Пора мнѣ отдохнуть, пора идти ко сну.
И вотъ, въ холодной тьмѣ надвинувшейся ночи
Я призываю сонъ и отдыхъ . . . . но порой,
Какъ молніи, мечты мнѣ вновь мерцаютъ въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской.
И вновь, какъ въ оны дни, тревогой тѣхъ мерцаній
Душа испугана, но кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова, слова старухи-няни —
„Не бойся, не томись.“ — любовно шепчетъ мнѣ . . .
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленьи
Ненужныхъ позднихъ грезъ обманные огни.
„Зарница“, говорю я въ тихомъ утомленьи,
И голосъ надо мной твердитъ: „усни, усни . . . .“

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Отвыкъ я пѣсни пѣть! Средь мелочныхъ заботъ,
Въ житейской суетѣ умолкло вдохновенье
И только изрѣдка въ туманномъ отдаленьѣ
Внимаю я мечты таинственный полетъ.

Какъ трепетъ бѣлыхъ крылъ станицы лебединой,
Напѣвъ ко мнѣ летитъ съ небесной вышины
И грезы юности въ душѣ на мигъ единый
Рождаются, надеждъ и радости полны.

Но кратокъ ихъ привѣтъ... Блеснувшіе нежданно,
Вновь гаснутъ призраки, видѣнья и лучи
И даль скрывается за пеленой туманной,
И ночь опять кругомъ, и буря въ той ночи!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

— Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи нѣмого забытья,
Въ унынiи разврата и бездѣлья....
Нѣтъ, други, нѣтъ — такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,

Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ:
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Не вѣетъ въ міръ мечты живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье, —
Не то призывъ, не то воспоминанье, —
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился,
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ, питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу . . . .

Когда-жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья.

И — царь заоблачныхъ высотъ, —
Случайный гость земли печальной, —
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной....

Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольной жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Изъ Виктора Гюго.

(Les Chatiments. Livre IV.)

Живъ только тотъ, кто борется; кто смѣло,
Святую цѣль поставивъ предъ собой,
Стремится къ ней и мыслью и душой;
Чей строгій взоръ всегда открытъ на дѣло;
Кто полнъ любви и не страшась трудовъ,
Взбирается упрямо на вершину
И съ высоты, подобенъ исполину,
Глядитъ на міръ, задумчивъ и суровъ!...

С. Городецкій.

Весенняя пѣсенка.

Выпалъ вешній денекъ.
На бугрѣ солнцепекъ.
Собирайся, собирайся, народъ,
Въ хороводъ!
Станемъ кругомъ ходить
Да весну веселить,
Хороводъ заведемъ,
Запоемъ:
Здравствуй, здравствуй весна
Впопыхахъ,
Разносила красу,
Зеленила въ лѣсу,
На поляхъ.
Ахъ, ты, елочка — ель,
Ахъ, сосна, ты, сосна,
Не однѣ вы теперь зелены
У весны.
Вешній воздухъ, какъ хмель,
И пьянитъ, веселитъ,
И зоветъ
Въ хороводъ.
Будемъ кругомъ идти,
Ты, весна, залети
Въ тѣсный кругъ.
Улыбнись, озари
И цвѣтами весь лугъ
Убери.

М. Горькій.

Буревѣстникъ.

Надъ сѣдой равниной моря
Вѣтеръ тучи собираетъ.
Между тучами и моремъ
Гордо рѣетъ Буревѣстникъ,
Черной молніи подобный.
То волны крыломъ касаясь,
То стрѣлой взмывая къ тучамъ,
Онъ кричитъ, — и тучи слышатъ
Радость въ смѣломъ крикѣ птицы.
Въ крикѣ этомъ — жажда бури,
Силу гнѣва, пламя страсти
И увѣренность въ побѣдѣ
Слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.
Чайки стонутъ передъ бурей, —
Стонутъ, мечутся надъ моремъ
И на дно его готовы
Спрятать ужасъ свой предъ бурей.
И гагары тоже стонутъ; —
Имъ, гагарамъ, недоступны
Наслажденье битвой жизни:
Громъ ударовъ ихъ пугаетъ.
Глупый пингвинъ робко прячетъ
Тѣло жирное въ утесахъ....
Только гордый Буревѣстникъ
Рѣетъ смѣло и свободно
Надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!
Все мрачнѣй и ниже тучи

Опускаются надъ моремъ,
И поютъ и пляшутъ волны
Къ высотѣ, навстрѣчу грому.
Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва
Стонутъ волны, съ вѣтромъ споря.
Вотъ охватываетъ вѣтеръ
Стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ
И бросаетъ ихъ съ размаха
Въ дикой злобѣ на утесы,
Разбивая въ пыль и брызги
Изумрудныя громады.
Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ,
Черной молніи подобный,
Какъ стрѣла, пронзаетъ тучи,
Пѣну волнъ крыломъ срываетъ
Вотъ онъ носится, какъ демонъ, —
Гордый, черный демонъ бури, —
И смѣется, и рыдаетъ....
Онъ надъ тучами смѣется,
Онъ отъ радости рыдаетъ!
Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, —
Онъ давно усталость слышитъ,
Онъ увѣренъ, что не скроютъ
Тучи солнца, нѣтъ, не скроютъ!
Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...
Синимъ пламенемъ пылаютъ
Стаи тучъ надъ бездной моря.
Море ловитъ стрѣлы молній
И въ своей пучинѣ гаситъ.
Точно огненныя змѣи,

Вьются въ морѣ, исчезая,
Отраженья этихъ молній.
— Буря! Скоро грянетъ буря!
Это смѣлый Буревѣстникъ
Гордо рѣетъ между молній
Надъ ревущимъ гнѣвно моремъ;
То кричитъ Пророкъ побѣды:
— Пусть сильнѣе грянетъ буря.

В. Гофманъ.

У меня для тебя.

У меня для тебя столько ласковыхъ словъ и созвучій;
Ихъ одинъ только я для тебя могъ придумать, любя.
Ихъ пѣвучей волной, то нежданно-крутой, то ползучей —
Хочешь, я заласкаю тебя?
У меня для тебя столько есть прихотливыхъ сравненій —
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно, красу?
У меня есть причудливый міръ серебристыхъ видѣній —
Хочешь, къ нимъ я тебя унесу?
Видишь, сколько любви въ этомъ нѣжномъ, взволнованномъ взорѣ?
Я такъ долго таилъ, какъ тебя я любилъ и люблю;
У меня для тебя поцѣлуевъ дрожащее море. —
Хочешь, въ немъ я тебя утоплю?

В. Гофманъ.

* * *

Послѣ первой встрѣчи, первыхъ жадныхъ взоровъ
Прежде невидавшихся, незнакомыхъ глазъ,
Послѣ испытующихъ, лукавыхъ разговоровъ
Больше мы не видѣлись. То было только разъ.
Но въ душѣ, захваченной безмѣрностью исканій,
Все же затаился ласкающій намекъ,
Словно тамъ сплетается зыбь благоуханій,
Словно распускается вкрадчивый цвѣтокъ....
Мнѣ еще невнятно, непонятно это.
Я еще не знаю. Повѣрить я боюсь.
Что-то будетъ въ будущемъ? Робкіе привѣты?
Тихое ль томленье? Ласковый союзъ?
Или униженья? Новая тревожность?
Или же не будетъ, не будетъ ничего?
Кажется, что есть во мнѣ, есть въ души возможность,
Тайная возможность, не знаю лишь — чего.

Вл. Жаботинскій.

* * *

Пріюти меня подъ крылышкомъ,
Будь мнѣ мамой и сестрой,
На груди твоей разбитые
Сны — мечты мои укрой.

Наклонись тихонько въ сумерки,
Буду жаловаться я:
Говорятъ, есть въ мірѣ молодость —
Гдѣ же молодость моя?

И еще повѣрю шопотомъ,
И во мнѣ горѣла кровь;
Говорятъ, любовь намъ велѣна —
Гдѣ и что она, любовь?

Звѣзды лгали; сонъ привидѣлся —
И не стало и его;
Ничего мнѣ не осталося
Ничего.

Пріюти меня подъ крылышкомъ,
Будь мнѣ мамой и сестрой,
На груди твоей разбитые
Сны — мечты мои укрой.

А. Жасминовъ.

Сонетъ.

Красныя собаки желтой ненависти
Грызутся съ бѣлыми собаками розовой любви,
А беззаботные гуси людского равнодушія
Смотрятъ на это и глупо гогочутъ: га — га.

* * *

Моя ультрамариновая фея съ морковными кудрями!
Развѣ ты не поняла еще
Своимъ лазурно-кристальнымъ сердцемъ,
Отчего грызутся въ моей душѣ

* * *

Красныя собаки желтой ненависти
Съ бѣлыми собаками розовой любви?
Отчего беззаботные гуси людского равнодушія
Смотрятъ на это, вытягивая свои шеи,
Отчего они глупо гогочутъ свое га — га —
Развѣ ты не поняла, не поняла еще?

А. Жасминовъ.

Пророки будущаго.

Въ желтомъ домѣ сумасшедшихъ
Живутъ сѣрые мудрецы-поэты;
Они изрекаютъ неродившіяся еще истины
Въ стихахъ длинныхъ и влажныхъ,
какъ извивающіяся змѣи;
Это мистическія, полинялыя истины вѣковъ,
Исчезнувшія въ бѣлокуромъ туманѣ сомнѣнія....
Сѣрые мудрецы-поэты,
Живущіе въ желтомъ домѣ сумасшедшихъ!
Вы, только вы одни изъ всѣхъ,
Пророки тянущихся волоконъ ткани будущаго,
Наступленіе котораго нельзя ускорить,
Какъ лѣнивому ослу нельзя палкой прибавить ходу.

А. Жасминовъ.

Приди!

Въ золотистыхъ предмѣстіяхъ моей души
Гуляютъ голубыя курицы съ бѣлокурыми волосами:
Онѣ клохчутъ въ сонной нѣгѣ, а зеленое сомнѣніе
Запѣваетъ свою печальную, трупную пѣсню.

* *
*

Былыя думы, оранжевыя мечты о счастіи,
Будто мотыльки въ вечерній часъ надъ тростникомъ,
Кружатся и трепещутъ надъ лазурью моего сердца,
Отражающаго теплыя муки и отблески любви.

* *
*

Приди, о приди, мое божество, моя тихая ласка!
Мѣсяцъ ужъ завелъ блѣдную музыку своихъ мечта-
тельно-вдумчивыхъ лучей:
Фіолетовые тоскующіе ароматы
Обвиваютъ замирающую отъ страсти землю....
Приди!

А. М. Жемчужниковъ.

Старая дорога.

У горы, дождемъ размытой,
Надъ оврагомъ безъ моста,
Пріютилась подъ ракитой
Позабытая верста.
Наклонившись на бокъ низко,
Старой цифрою глядитъ,
Но далеко или близко,
Никому не говоритъ.
Старый путь старушка мѣритъ,
Прежній путь, знакомый, свой...
Хоть и видитъ, а не вѣритъ,
Что избрали путь иной.
Въ самомъ дѣлѣ, стороною,
Гдѣ темнѣетъ черноземъ,
Будто снѣжной полосою
Новый путь лежитъ. По немъ
Пѣшеходъ съ сумой плетется
И, скрипя, обозъ идетъ,
Тройка быстрая несется,
Колокольчикомъ поетъ.

Звукъ, на старую дорогу
Зеленѣвши, прозвучитъ, —
Прозвучитъ и, понемногу
Замолкая, замолчитъ.
И томитъ ее опала
Всѣхъ заброшенныхъ дорогъ,
Отдыхать она устала, —
Прежнихъ хочется тревогъ.
Будетъ время, статься можетъ,
Вновь по старому пути,
Если только Богъ поможетъ,
Люди вздумаютъ пойти.
Сонъ пустыни жизнь пробудитъ,
Путь заглохшій обновятъ,
И версты моей не будетъ, —
Новой старую смѣнятъ.
Но, по прежнему примѣру,
Эта новая верста
Будетъ мѣрить той же мѣрой
Тѣ же старыя мѣста.

А. М. Жемчужниковъ.

* * *

Грустно смотрю я на жизнь, какъ въ окно на ненастную осень...
Словно холодный туманъ, всю природу сокрывшій отъ взора,
Нравственной мглы пелена облекаетъ весь міръ нашъ духовный.

Разума яркое солнце не можетъ лучомъ благотворнымъ
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли
Помню: когда-то просторъ разстилался красиво предъ нами,
Помню: виднѣлися намъ насъ зовущіе въ даль горизонты....
Нынѣ жъ: взгляну ли вокругъ — ничего ни откуда не видно,
Кромѣ безжизненной, сѣрой, отовсюду нахлынувшей мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатыя мысли.
Сердце любить опасается. Замерло вѣщее слово...
Страшно подумать, что жизнью зовется подобіе смерти!
Жутко, въ себя заглянувъ, сознать, что однѣ за другими
Всѣ отлетѣли, поблекнувъ, живыя когда-то надежды,
Словно въ ненастную осень послѣдніе съ дерева листья!...

В. А. Жуковскій.

Свѣтлана. (Баллада.)

Отрывки.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали:
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили

Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „Кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ.“

— „Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ,
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,

Имъ лишь сердце дышетъ....
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ — утѣшитель!“

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою.
Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лiетъ сiянье....
Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудится, блеститъ
Яркими очами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихiй, легкiй шепотъ:

„Я съ тобой, моя краса,
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!“

Оглянулась .... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!“
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли .... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.

Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися .... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ,
Будто не бывали.

Возвратиться — слѣду нѣтъ ....
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ ....
Дверь шатнулася .... скрипитъ ....
Тихо растворилась.
Что-жъ? .... въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой ....

Смолкло все теперь кругомъ ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится ....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы ....
Глядь, Свѣтлана .... о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ,
Ахъ! .... и пробудилась.

„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?“

Чу! .... вдали пустой, гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ ....
Кто? .... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ, пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: Многи — лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливымъ твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава — насъ учили — дымъ;
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье.“

В. А. Жуковскій.

Море.

Элегія.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ? ....
Таинственной, сладостной полное жизни,

Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

В. А. Жуковскій.

Ивиковы журавли. (Отрывки.)

Баллада.

(Изъ Шиллера.)

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„Итакъ, погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.“

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.

„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу.“

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.“

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Грецiя поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопитъ: „Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюлу: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,

Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ:
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему вослѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

„Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами:
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.“

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парѳеній, слышишь?... Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!...“
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;

Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Внезапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей.
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была имъ приговоръ.

Вл. Жуковскій.

* * *

Мы съ тобой душистыхъ ландышей
Въ юной рощѣ наберемъ,
Мы съ утра до позднихъ сумерекъ
Окна настежь распахнемъ!
Ландышъ — свѣтлое желаніе,
Роща — сердца глубина,
Окна настежь — упованіе,
А за окнами — весна!
Юной рощѣ, свѣжимъ ландышамъ
Будетъ время умирать,
А теперь имъ жить назначено,
Ихъ порывъ — благоухать!

Вл. Жуковскій.

* * *

Сижу у камина и грѣюсь его разговоромъ...
Апрѣльская ночь сторожитъ у окна.
Какъ вы, эта вешняя ночь холодна;
Какъ вы, эта тихая ночь дорожитъ своимъ взоромъ,
Прекрасною тайной полна.

Весь день я слѣдилъ за весной на оттаявшемъ полѣ,
Весь день на весеннее небо глядѣлъ...
На сердцѣ свѣтлѣло, я вѣрить хотѣлъ,
А воздухъ душистый мечты окрылялъ поневолѣ
И мысль убаюкать съумѣлъ.

Весенняя ночь подошла и взглянула съ укоромъ...
Чарующій призракъ стоитъ у окна...
Какъ вы, эта вешняя ночь холодна.
Сижу у камина и грѣюсь его разговоромъ,
Душа моя вами полна.

Вл. Жуковскій.

* * *

Разгони мнѣ злыя сумерки
Созерцающей души:
Зори юности мечтающей
Были дивно хороши!
А теперь, какъ будто осенью
Въ умирающемъ саду,
Лишь отцвѣтшее и грустное

Я въ душѣ своей найду.
И, когда съ моими думами
Остаюсь наединѣ,
Что-то прежнее, желанное
Пробуждается во мнѣ.
И надѣюсь я, и вѣрую,
Разгораюсь, и горю....
Разгони мнѣ злыя сумерки,
Дай мнѣ свѣтлую зарю!

П. Карповскій.

* *
*

Море не спитъ,
Море шумитъ,
Стонетъ и глухо рыдаетъ;
Вѣтеръ свиститъ,
Злобно визжитъ,
Волны на берегъ кидаетъ.

Звѣзды горятъ,
Звѣзды блестятъ,
Ярко на небѣ сіяютъ....
Тучки плывутъ,
Вдругъ набѣгутъ —
Звѣзды собой закрываютъ.

Рвется душа
Къ звѣздамъ златымъ,
Къ морю свободному рвется;
Хочетъ уйти
Съ вѣтромъ лихимъ....
Сердце восторженно бьется;

Жаждетъ любви....
Любитъ оно. —
Звѣзды привѣтно сверкаютъ:
Вѣтеръ, скажи,
Что суждено?
Что-то меня ожидаетъ?

Вѣтеръ молчитъ,
Не говоритъ;
Звѣзды привѣтно сіяютъ....
Море бурлитъ,
Глухо шумитъ,
Волны на берегъ кидаетъ....

И. И. Козловъ.

Сонъ ратника.

Въ раздумьѣ я смотрѣлъ на пламень красноватый;
Мнѣ раненыхъ вдали былъ слышенъ тяжкій стонъ;
Но, битвой утомясь, подъ буркою косматой
Уснулъ, — и вижу сонъ.
Мнѣ снилось, что, простясь съ военною тревогой,
Отъ тѣхъ кровавыхъ мѣстъ, гдѣ буйство протекло,
Поспѣшно я иду знакомою дорогой
Въ родимое село.
Мнѣ церковь сельская видна съ горы высокой,
И Клязьмы свѣтлый токъ въ тѣни ракитъ густыхъ;
И слышу пѣснь жнецовъ, и въ стадѣ лай далекій
Собакъ сторожевыхъ.

Я къ хижинѣ сходилъ съ холмовъ крутого ската,
Разлуки тайный страхъ надеждой веселя, —
И дряхлый мой отецъ, тотчасъ узнавъ солдата,
Вскочилъ безъ костыля.
Въ слезахъ моя жена мнѣ кинулась на шею,
Мила, какъ въ день вѣнца, и сердцу, и очамъ;
Малютки рѣзвыя бѣгутъ ко мнѣ за нею;
Сосѣдъ пришелъ къ друзьямъ.
„Клянусь, — я говорилъ, склоненъ на то родными, —
Теперь я къ вамъ пришелъ на долгое житье!“
И дѣти обвили цвѣтками полевыми
И штыкъ мой, и ружье ....

И. И. Козловъ.

Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ:
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней!
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!

А. В. Кольцовъ.

Дума сокола.

(В. П. Боткину.)

Долго-ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?
Долго-ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?
Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой — мачехой
Самъ — собою жить?
Для чего-жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль-зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой?
Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ? . . .
Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!
Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ —
Гдѣ ужъ Богъ велитъ.

А. В. Кольцовъ.

* * *

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ:
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей, домовой
Соръ метлою подмелъ,
И лошадокъ, за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ:
И погнувшись изба,
Какъ старушка стоитъ.

Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ —
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень во дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. В. Кольцовъ.

Молитва.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ!
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ Всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Печать наложилъ! . . . .
Печать та навѣки;
Ея не расторгнуть
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!

Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы;
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ . . . .

А. В. Кольцовъ.

Лѣсъ.

(Памяти А. С. Пушкина.)

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова — силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою —

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей — бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался . . .
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная . . .

У тебя-ль, было,
Дни роскошества:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются . . .

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!“

Закружитъ она,
Разыграется . . .
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ
Голоса и гулъ . . .

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою, —
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,

Одичалъ, замолкъ . . .
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье . . . .

Такъ-то темный лѣсъ
Богатырь — Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами;

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой
А соломенкой....

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня.

Такъ и рвётся душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То-ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То-ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Поутру, на зарѣ,

По утру, на зарѣ,
Обнимать — провожать,
Вечеркомъ у воротъ
Его вновь поджидать!

А. В. Кольцовъ.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрново,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны — сохи,
Коня — пахаря....

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску....

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, — отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

Что-жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

А. В. Кольцовъ.

Разлука.

На зарѣ туманной юности,
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва—мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря—вечеръ, ночь—волшебница!!

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть—тоску!
А при ней васъ — хоть—бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь — ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся“ ....

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола . . .“
Занялся духъ — слово замерло ....

А. В. Кольцовъ.

Не шуми ты, рожь.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи,
Легла на сердце
Дума черная!

А. В. Кольцовъ.

Перепутье.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала, —
Что ужъ шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что-жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять-ли?
Сидя дома-ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу — силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную . . .

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы гуляя — все потратили,
Молодую жизнь до времени
Какъ попало — такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...

Хоть не такъ оно — невыгодно,
Но, положимъ, — дѣлать нечего:
Въ непогоду — не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарыть лежитъ?...

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего-жъ безъ него
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,
Ты потускни, почернѣй;
Если радость — измѣнись:
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья-ли придетъ,
Душа чувство изживетъ: —
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ—собой!

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то давно,
У знакомыхъ былъ балъ;
Какъ безумный, всю ночь,
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ — онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо...
Но глаза — за глаза
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны, —
Будто съѣсть васъ хотятъ!...

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!...

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну! тащися, сивка!
Я самъ—другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ,
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою —
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

А. В. Кольцовъ.

Пѣсня разбойника.

(Памяти друга А. П. Серебрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу
Волга-матушка широкая,
Лѣса, темные дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...

Ужъ какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ — моей матушкѣ,
По родимой, по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія — крещенскія
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...

Въ некрещеномъ славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскаго...

Она въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ раствореннымъ:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

„Ахъ, душа-ль, моя ты душенька!
Что сидишь ты? что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится? . . .

Не сиди, не плачь; — ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную.“

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
„За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!“

Забушуй-же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку! . . .

И. А. Крыловъ.

Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

* * *

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру . . .
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,

Да призадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ — лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать — такъ, право сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись: Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло. —
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ, — съ нимъ была плутовка такова.

И. А. Крыловъ.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.“
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло.“ — „Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“
— „Я три тарелки съѣлъ.“ — „И полно, что за счеты;

Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдъ—Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ: „за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

* * *

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

И. А. Крыловъ.

Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотей,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
„Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?“
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
„Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ! Котъ-Васька воръ!
И Ваську де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

* *
*

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

И. А. Крыловъ.

Стрекоза и муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И, до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!“
— „Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?“
Говоритъ ей муравей.

— „До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило.“
— „А, такъ ты . . .“ — „Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.“
— „Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!“

И. А. Крыловъ.

Любопытный.

„Пріятель, дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?“
— „Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки?
Есть, право, менѣе булавочной головки!“ —
„А видилъ-ли слона? Какой собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“
„Да развѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ.“ —
„Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.“

В. Ладыженскій.

Изъ неотосланнаго письма.

Зачѣмъ я вамъ пишу? Не правда-ли, смѣшно
Будить мечты, которымъ нѣтъ возврата?
Но ночь томитъ меня, стучась въ мое окно;
Такъ холодомъ душа моя объята,
Что вы простите мнѣ желанье поболтать
Хоть издали съ давно забытымъ другомъ....
Не бойтесь, о любви не стану я рыдать, —
Не ждите-жъ слезъ съ презрительнымъ испугомъ!
Любовь свободная — безъ рабства и цѣпей,
Гдѣ нищихъ нѣтъ и, значитъ, подаяній, —
Какъ сонъ, вы помните, жила въ душѣ моей,
И свѣтлый рой моихъ воспоминаній
Не долженъ васъ смутить. Я помню кроткій взоръ,
Вашъ милый взоръ, гдѣ я читалъ участье,
Да, ласково тогда звучавшій мнѣ укоръ
За то, что я не могъ повѣрить въ счастье.
Вѣдь, вы не сердитесь? Не правда-ли, смѣшно
Встрѣчать теперь холодною улыбкой,
Что въ нѣдрахъ прошлаго безъ слезъ погребено,
Что, можетъ быть, признали вы ошибкой?
Мнѣ просто хочется сказать вамъ, что всегда,
Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанья
Зовутъ меня къ труду, какъ путника звѣзда
Зоветъ опять на долгій путь скитанья,
И хочется сказать спасибо вамъ за все:
За счастья мигъ, блеснувшій предо мною,
За этотъ краткій мигъ, сознаніе мое
Зажегшій вновь надеждою святою.

За это прошлое — еще спасибо вамъ....
Я вамъ пишу, и сердцу легче стало,
И мысль моя летитъ къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ, вѣроятно вы, — царицей бала.
И кстати ночь прошла. Надъ дремлющимъ селомъ
Разсвѣтъ встаетъ чуть видной полосою
И тѣни по степи расходятся кругомъ
Какой-то странной синевою.
Еще мгновеніе — и яркій блескъ лучей
Зальетъ снѣга, алмазами усѣетъ,
И ночи скучный мракъ и боль въ душѣ моей
На цѣлый день властительно развѣетъ....

И онъ пришелъ ко мнѣ, желанный мой разсвѣтъ!
Мнѣ стыдно, что рука моя солгала:
Я знаю, безъ тебя мнѣ въ мірѣ счастья нѣтъ,
Мнѣ въ эту ночь лишь гордость диктовала
Слова намѣренно-небрежнаго письма,
И я имъ самъ не вѣрилъ ни мгновенья:
Жизнь безъ тебя пуста, какъ мрачная тюрьма,
Гдѣ каждый новый день — звено мученья....
Жить только для тебя, и жить тобой одной,
Дѣлиться всѣмъ, что жизнь-бы намъ послала,
И вмѣстѣ-бъ пошутить надъ ревностью-змѣей,
Которая мнѣ душу истерзала!
Прости мнѣ, милая: я дольше лгать не могъ.
Мнѣ въ эту ночь такъ тягостно и больно,
Что тщетно я борюсь съ собой и — видитъ Богъ —
Признанье вырвалось невольно.

М. Ю. Лермонтовъ.

1837.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ. —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

М. Ю. Лермонтовъ.

1841.

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки,
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово.

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду.

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

М. Ю. Лермонтовъ.

1839.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьѣ словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

М. Ю. Лермонтовъ.

1840.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія,
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія!

М. Ю. Лермонтовъ.

Еврейская мелодія.

(Изъ Байрона).

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ —
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика . . . какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки,
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный!

М. Ю. Лермонтовъ.

Завѣщаніе.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ . . . Да что! Моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь . . .
Ну, кто бы ни спросилъ —
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ:
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалѣй —
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

М. Ю. Лермонтовъ.

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,

Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ? ..
Что жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!
И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной

Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и
душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И, прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать!
А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный Судія, Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,

И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь.
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

М. Ю. Лермонтовъ.

(1837.)

Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

— Да были, люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ, какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушкѣ туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два-дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый;
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворчитъ сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ . . .
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой,

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! . . Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій! . . .
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы? . . .

Повѣдай, набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ? . . .

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

М. Ю. Лермонтовъ.

* *
*

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Слитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? Жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы —
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

И скучно и грустно.

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной певзгоды . . .
Желанья! . . Что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить! . . но кого же! . . на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно.
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Изчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка . . .

М. Ю. Лермонтовъ.

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный Валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою...
Спи, малютка, будь спокоенъ!
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь,
Ты въ чужомъ краю...

Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой, —
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой!
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Ю. Лермонтовъ.

Бой съ барсомъ.

(Изъ поэмы „Мцыри".)

Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой

Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... Но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну —
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ — и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ,
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова;
Я сталъ взлѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.

Тогда на землю я упалъ,
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

Ты помнишь въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. — Вдругъ... по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;

То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ, — и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ,
Зажглося жаждою борьбы
И крови ... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ ...
Но нынче, я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, — и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь —
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой! ...

Ко мнѣ онъ кинулся на грудь,
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ и во мглѣ
Бой продолжали на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ,
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

Ю. Лисовскій.

Колоколъ.

Имъ нуженъ крикъ толпы, озлобленные взоры,
На происках лжецовъ построенный успѣхъ,
Фонтаны глупыхъ словъ, кровавые раздоры,
Надъ чистымъ и святымъ насиліе и смѣхъ!...
Успѣха краткаго использовать минуты
Пріятно каждому, въ комъ властенъ грубый звѣрь,
И, сбросивъ совѣсти томительныя путы,
Они безумствуютъ и царствуютъ теперь...
Но колоколъ звучитъ! Немолчнымъ, тихимъ звономъ
Онъ будитъ спящія, но чистыя сердца.
И дѣти родины идутъ къ ея знаменамъ
И чуетъ злая ложь пришествіе конца!...
Враги безумствуютъ! Но злобу не впервые
Смететъ съ своихъ полей великая страна.
Имъ нуженъ крикъ толпы —, а намъ нужна Россія,
Россія мощная и вѣчная нужна!

Ю. Лисовскій.

Россіи.

Ты далека отъ насъ, Великая Земля!
Межъ нами и тобой — и зло, и кровь, и пламя —
Межъ нами и тобой — туманныя поля —
Но твердою рукой мы держимъ наше знамя...

Мы вѣримъ въ нашу Мать! Россія не умретъ.
Вамъ не видать, враги, ея святой могилы —
Проходитъ наша ночь — грядетъ, грядетъ восходъ,
И славнымъ будешь ты, народъ Любви и Силы!...

Мы — вѣримъ! Близокъ свѣтъ! Придетъ великій
часъ,
Благословенный миръ закончитъ злую сѣчу —
И ни огонь, ни кровь не остановятъ насъ,
И съ Запада пойдемъ Востоку мы навстрѣчу.

Придетъ великій часъ — какъ вешній ураганъ
Своей отчизны сынъ разрушитъ цѣпи злыя —
Мы вѣримъ! Близокъ свѣтъ! Падетъ измѣны станъ
И мы узримъ тебя, свободная Россія.

Ю. Лисовскій.

Прага.

(Ноктюрнъ.)

Залита яркимъ солнцемъ золотая Прага,
Древній городъ, пережившій столѣтья.
Гонитъ свои воды быстрая Влтава,
Тянутся къ небу сѣдые Градчаны...

Гонитъ свои воды быстрая Влтава —
У рѣки стоитъ вѣковая, темная башня —
Много слезъ у ея подножья пролито,
Много крови впитали каменныя плиты,
Много горя носилось надъ старою Прагой...

Неподвиженъ взоръ вдохновеннаго Гуса. Онъ
знаетъ
Что не легка борьба за правое дѣло,
Что не розами путь правыхъ усѣянъ.
Вмѣстѣ съ Гусомъ знаетъ это и старая Прага...

— — — — — — — — — —

Набѣгаетъ вечеръ... Уходитъ яркое солнце,
Поднимаются надъ Влтавой свинцовые туманы,
Густой пеленой закрываютъ они городъ,
Но не могутъ поглотить сѣдые Градчаны —
По прежнему видны ихъ стройныя вышки:
Тянутся они къ чистому небу
И влекутъ за собою къ небу старую Прагу.

Ю. Лисовскій.

Свѣте Тихій.

(Старообрядческое.)

Молчатъ долины, молчатъ дубравы
Въ вечерней нѣгѣ, въ ночной тиши,
О, Свѣте Тихій, Святыя славы,
Услышь моленье больной души...

Подъ луннымъ свѣтомъ сверкаетъ иней,
Спитъ надъ водою семья ракитъ ....
Звонъ заунывный за далью синей
Мечту уноситъ въ далекій скитъ....

Ты, Свѣтъ Предвѣчный, источникъ жизни —
Ты создалъ небо Своей рукой,
Верни же снова моей отчизнѣ
Ненарушимый, святой покой....

Молчатъ долины, молчатъ дубравы....
Въ душѣ скорбящей я крестъ таю.
Спаси Россію, о Свѣте Правый,
Спаси отчизну, Господь, мою....

В. С. Лихачевъ.

Дѣлежъ. (Манюэля.)

Въ рабочій день, въ обѣденную пору,
На чердакѣ, высоко надъ землей,
Мы застаемъ супружескую ссору....
Лишь на зарѣ вернувшійся домой,
Проснулся мужъ — съ тяжелой головой
И ноющимъ, какъ бы разбитымъ тѣломъ.
Въ хмѣльномъ чаду — и голоденъ и золъ —
Вокругъ глядитъ онъ взглядомъ отупѣлымъ.
Очагъ потухъ — и пустъ убогій столъ;
Повсюду грязь; безъ ласки и вниманья,
Въ угрюмую печаль погружена,
Скользитъ, какъ тѣнь, увядшая жена....
Онъ удрученъ; онъ ищетъ оправданья.
— Ты только-что явилась? гдѣ была?
Чуть отвернись — тебя ужъ нѣтъ и дома!
А мужъ одинъ... Все это намъ знакомо.
Ну, сказывай, съ кѣмъ утро провела?
— Съ ума сошелъ! вотъ не было заботы!
Никакъ, меня онъ ревновать готовъ!
Смотри — у насъ ни хлѣба нѣтъ, ни дровъ!
Ты пьянствуешь всю ночь, а я работы
Весь день, снуя по городу, ищу...
— Я дѣлаю все то, что я хочу,
— Ну, хорошо! я стану дѣлать то-же.
— Что любо мнѣ — ужъ тѣмъ не поступлюсь.
— Тогда и я дружкомъ обзаведусь!
— Я не шучу. Смотри за мной построже....

— Негодная!
И полился потокъ
Обидъ, угрозъ, проклятій, сожалѣній:
О, если бъ кто предвидѣть это могъ!
Былой любви — ни признака, ни тѣни;
Взамѣнъ ея — лишенья и разладъ,
А въ будущемъ — не жизнь — кромѣшный адъ!
И, споръ прервавъ, воскликнулъ мужъ:
— Довольно:
На каторгу никто насъ не обрекъ, —
Къ чему жъ терзать другъ друга добровольно?
Я выбился изъ силъ! я изнемогъ!
— Ты изнемогъ? зачѣмъ же дѣло стало?
Разстанемся!
— Ну, этимъ ужъ давно
Грозимся мы — да толку что-то мало.
— А, если такъ — прекрасно! рѣшено!
Сегодня же . . . , ни часа, ни мгновенья . . . .
И, вся дрожа отъ гнѣвнаго смятенья;
— Ступай, ступай! закончила она:
— Я какъ-нибудь одна прожить сумѣю;
Мнѣ черная работа не страшна —
И о тебѣ, хоть буду голодна,
Не вспомню я — не то что пожалѣю!
Вѣдь насъ двоихъ кормилъ не ты, а я . . . .
Спѣши въ кабакъ! Тамъ ждутъ тебя друзья
И женщины продажныя, быть можетъ.
Пей до ночи, проснись и снова пей,
Пока вино всего тебя не сгложетъ, —
Но въ эту дверь стучаться ужъ не смѣй!

— Повремени! Я не уйду такъ скоро:
Какъ нищаго, ни съ чѣмъ, средь бѣла дня,
На улицу не вышвырнешь меня!
Я не дуракъ... такъ лучше ужъ безъ спора
Намъ порѣшить. Вѣдь это все мое:
Давай дѣлить по совѣсти....
— Твое?!
Изъ-за чего я сна порой не знала,
Что по крохамъ сбирала я, любя,
Надъ чѣмъ не разъ я слезы проливала —
Твое? Гдѣ стыдъ, гдѣ совѣсть у тебя?
Э, Богъ съ тобой! Чужого мнѣ не надо:
Уходишь ты — и то ужъ мнѣ отрада....
Давай дѣлить!
И начался дѣлежъ.
Безъ устали, порывисто, сурово —
Чтобы успѣть покончить до огня —
Работали они при свѣтѣ дня,
Лишь изрѣдка роняя два-три слова.
Мужъ былъ жестокъ; мужъ былъ неумолимъ.
Исполненный безумнаго злорадства,
Въ пыли, въ поту, съ усердіемъ тупымъ —
Сознательно творилъ онъ святотатство!
Въ той комнатѣ, гдѣ нѣкогда вдвоемъ
Живой любви зарю они встрѣчали
И гнали прочь сомнѣнья и печали, —
Царилъ теперь безжалостный разгромъ;
Тамъ слышались отрывисто и рѣзко:
— Мое... твое...
— Вотъ скатерть ... занавѣска...

— Стаканъ возьми, а чашку не отдамъ....
Кровать моя....
— Простыни пополамъ...
Подсвѣчники — тебѣ и мнѣ по штукѣ....
Такъ рушился былого счастья храмъ!
Такъ, все поправъ,— безъ слезъ, безъ тайной муки —
Жена и мужъ готовились къ разлукѣ!
Пришелъ къ концу супружескій раздѣлъ.
Какъ-бы застывъ въ нѣмомъ ожесточеньи;
Мужъ всѣ углы еще разъ оглядѣлъ —
И вдругъ въ шкапу, въ укромномъ углубленьи,
Чуть видимый замѣтилъ узелекъ....
А это что? Какіе-то наряды
Припрятала?
Онъ развернулъ платокъ..
И встрѣтились растерянные взгляды,
И дрогнули смущенныя сердца
Надъ платьицемъ ребенка-мертвеца!
Разсѣялось постыдное забвенье.
Въ душевный мракъ лучъ прошлаго проникъ, —
И дѣвочки прелестное видѣнье
Въ ихъ памяти воскресло въ этотъ мигъ....
И мужъ сказалъ тревожно и поспѣшно:
— Ужъ этого я не отдамъ, конечно....
— Нѣтъ, ты отдашь! На что оно тебѣ?
Я берегла... Возьми все остальное...
О, ангелъ мой! дитя мое родное!
Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ прибралъ ее къ себѣ,
Все мучусь я — и нѣтъ конца мученью....
Да что! теперь ужъ поздно горевать. —

И, смутному покорствуя влеченью,
Онъ уступилъ. Взволнованная мать,
Не отводя отчаяннаго взора
Отъ нѣжнаго, поблекшаго узора
Счастливыхъ дней любимаго труда, —
Безцѣнные останки бережливо
Сложила вновь и шопотомъ тоскливо
Промолвила:
—Теперь ужъ поздно! — Да?
Ты думаешь? — невнятный и покорный
Послышался вопросъ — а ради той,
Что къ намъ пришла? чей образъ дорогой
Смирилъ нашъ гнѣвъ безбожный и позорный?
Я виноватъ.... Я говорю: прости....
Ну, что жъ еще?... я не могу уйти!
Онъ смолкъ и сѣлъ, закрывъ лицо руками.
Она къ нему тихонько подошла....
Окликнула... Склонилась... обняла....
— Не уходи!
И залилась слезами.

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ.)

* * *

Я обниму тебя такъ крѣпко — что тоска,
Сжимавшая мнѣ грудь въ отчаяньи разлуки,
Утихнетъ и замретъ, и будетъ далека,
И будутъ мниться сномъ пережитыя муки.
Я обниму тебя такъ жарко, — что сильнѣй

Не станетъ жечь огонь—негаснущій—Эреба,
Который ждетъ меня за счастье этихъ дней,
За то, что для тебя я отреклась отъ неба.
Я обниму тебя такъ нѣжно, что въ раю
Святые ангелы, — съ любовью неподкупной
Взирая на любовь безмѣрную мою, —
Не назовутъ ее нечистой и преступной!

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ.)

* * *

Я люблю тебя, какъ море любитъ солнечный восходъ,
Какъ нарцисъ къ волнѣ склоненный, — блескъ и холодъ сонныхъ водъ.
Я люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ золотой,
Какъ поэтъ — свое созданье, вознесенное мечтой!
Я люблю тебя, какъ пламя — однодневки-мотылки,
Отъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски.
Я люблю тебя, какъ любитъ звонкій вѣтеръ камыши,
Я люблю тебя всей волей, всѣми струнами души.
Я люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны!

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ.)

* * *

Если бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула бъ я лукъ мой пѣвучей стрѣлой —
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала бъ и упилась дыханьемъ его!

Если бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ,
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ;
Я бъ русалкой за нимъ опустилась на дно, —
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

Если бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла на вѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно.

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ.)

Что такое весна?

О, видѣнья весны, вы со мной, вы со мной!
Разскажите вы мнѣ, что зовется весной?

Что такое — весна? Что такое — весна?
Это — трепетъ природы, возставшей отъ сна,
Это — говоръ и блескъ возрождаемыхъ струй,
Это — первой любви молодой поцѣлуй.
Что такое — весна? О весна! О весна!
Это — чаша, что нектаромъ жизни полна
И потоки блаженства лiетъ и лiетъ,
Это — чистыхъ мечтанiй могучiй полетъ,
Это — сладость дыханья жасминовъ и розъ,

Это — нѣга смѣшенья улыбокъ и слезъ,
Это — вишни въ цвѣту, это — въ золотѣ даль,
Это — юной души молодая печаль.

О, видѣнья весны, вы — со мной, вы со мной!
Вы повѣдайте мнѣ о печали земной.

Что такое — печаль? Что такое — печаль?
Это — сердце, которому прошлаго жаль,
Это — парусъ, плывущій въ лазурный туманъ,
Къ голубымъ берегамъ неизвѣданныхъ странъ.
Что такое — печаль? О печаль! О печаль!
Это — эхо, зовущее въ синюю даль,
Это — вздохъ, замирающій въ синей дали,
Далеко отъ небесъ, далеко отъ земли;
Это — лунная греза надъ тьмою земной,
Это — духъ, нисходящій съ ночной тишиной,
Это — боль, о которой поютъ соловьи,
Это — дѣвственный ликъ отраженной любви.

О, видѣнья весны, вы — со мной, вы — со мной!
Что зовется любовью въ печали земной?

Что такое — любовь? Что такое — любовь?
Это — лучъ, промелькнувшій и скрывшійся вновь.
Это — павшихъ цѣпей торжествующій смѣхъ,
Это — сладостный грѣхъ несказанныхъ утѣхъ,
Что такое — любовь? О любовь! О любовь!
Это — солнце въ крови, это — въ пламени кровь,
Это — вѣчной богини слетѣвшій покровъ,

Это — вешнее таянье горныхъ снѣговъ,
Это — музыка сферъ, это пѣнье души,
Это — вѣянье бури въ небесной тиши,
Это — райская сѣнь, обрѣтенная вновь.
Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью — любовь!

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ.)

* * *

Нивы необъятныя
Зыблются едва,
Шепчутъ сердцу внятныя,
Кроткія слова.
И колосья стройные
Въ мирной тишинѣ
Сны сулятъ спокойные, —
Но не мнѣ, не мнѣ!
Звѣзды блещутъ дальнія
Въ безпредѣльной мглѣ;
Глуше и печальныя
Стало на землѣ.
И томятъ мгновенія
Въ мертвой тишинѣ.
Ночь даетъ забвеніе, —
Но не мнѣ, не мнѣ!

В. Мазуркевичъ.

Письмо.

Дышала ночь восторгомъ сладострастья...
Неясныхъ думъ и трепета полна,
Я васъ ждала съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна.
Нашъ уголокъ убрала я цвѣтами,
Къ вамъ одному неслись мечты мои,
Мгновенья мнѣ казалися часами...
Я васъ ждала; но вы... вы не пришли.
Въ окно вливался ароматъ сирени,
Въ лучахъ луны дремалъ заглохшій садъ,
Дрожа мерцали трепетныя тѣни;
Съ надеждой въ даль я устремляла взглядъ;
Меня томилъ горячій воздухъ ночи,
Она меня, какъ поцѣлуй вашъ, жгла.
Я не могла сомкнуть въ волненьи очи, —
Но вы не шли... а я васъ такъ ждала.
Вдругъ соловей защелкалъ надъ куртиной,
Притихла ночь, въ молчаніи застывъ,
И этотъ рокотъ трели соловьиной
Будилъ въ душѣ таинственный призывъ.
Призывъ туда, гдѣ счастіе возможно
Безъ этой лжи, безъ пошлой суеты,
И поняла я сердцемъ, какъ ничтожна
Моя любовь, — дитя больной мечты.
Я поняла, что счастіе не въ ласкахъ
Грѣховныхъ сновъ съ возлюбленнымъ моимъ,
Что этотъ міръ разсѣется, какъ въ сказкахъ

Завѣтныхъ чаръ завороженный дымъ,
Что есть другое, высшее блаженство, —
Имъ эта ночь таинственно полна, —
Въ немъ чистота, отрада, совершенство,
Въ немъ утѣшенье, миръ и тишина.
Мнѣ эта ночь навѣяла сомнѣнье...
И вся въ слезахъ задумалася я.
И вотъ теперь скажу безъ сожалѣнья:
„Я не для васъ, а вы не для меня!“
Любовь сильна не страстью поцѣлуя!
Другой любви вы дать мнѣ не могли...
О, какъ же васъ теперь благодарю я,
За то, что вы на зовъ мой не пришли!

А. Н. Майковъ.

Любуша и Премыслъ.

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья,
Завели жестокій споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ споръ по правдѣ.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобы на судъ явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Поднялась княжна, и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:

У одной въ рукахъ доска была съ закономъ,
У другой былъ мечъ, каратель кривды;
Противъ нихъ зажженъ былъ огнь, свѣтильникъ правды,
И поставленъ былъ сосудъ съ водою очищенья.

И княжна сказала со злата престола:
„Вѣрные бояре! мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ:
По закону, какъ поставлено богами,
Должно имъ: или сообща владѣть землею,
Иль обоимъ раздѣлить по ровной части.“

Кланялись княжнѣ и старцы, и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили ужь довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса сбирать въ златую урну.
И собрали голоса, и сосчитавъ сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.

Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости;
Вскинулъ онъ рукою и, что туръ свирѣпый, рявкнулъ:
„Горе для птенцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣетъ ими.
Подобаетъ мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!“

Ратиборъ, старикъ, уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
„Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!
Наша правда по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши, въ эту землю.“
„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!“
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздалося:
„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!“

„Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!“
Порѣшила мудрая княжна Любуша;
И потомъ еще сказала: „Старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье!
Непристойно больше разбирать мнѣ ваши споры.
Изберите сильнаго вы мужа —
Пусть онъ вами по желѣзному владѣетъ:
Дѣвичьей рукѣ — ужь не подъ силу!“

И сказавъ, сошла съ престола золотого.
И молить ее усердно стали старцы и бояре,
Чтобъ она въ зазоръ не принимала
Грубіяномъ сказанное слово;
Но княжны уже не умолили.
„Такъ сама намъ укажи, по крайней мѣрѣ,“ —
Заключили старцы и бояре —
„Кто жь достоинъ будетъ нами править?“

И на то Любуша отвѣчала:
„Ужь богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!
Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте!

Передъ кѣмъ онъ остановится, тотъ князь вашъ!“
И съ коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила безъ узды на волю.

Ѣдутъ съ вѣча посланцы по князя,
Ѣдутъ съ ними вѣщія двѣ дѣвы;
Конь бѣжитъ гдѣ полемъ, гдѣ дорогой;
Побѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,
Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженному полю:
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большого роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился.

Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ смутясь остановились.
Но, оправясь, поклонились низко:
„Здравствуй, добрый человѣкъ, — сказали —
Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша
И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княженье надъ нами!“

И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь;
„Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!
Прежде жь чѣмъ о дѣлѣ заводить намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ,
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною —
Отпущу воловъ и кушайте во здравье!“
И, сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ землю,
И съ воловъ ярмо сложилъ, и крикнулъ:

„Гой! идите, милые, до дому!“
Только вдругъ волы — лишь крикнулъ онъ — исчезли,
Словно ихъ и не было тутъ вовсе,
А который жезлъ воткнулъ онъ въ землю,
Изъ него, глядятъ, растутъ три вѣтви —
Выше все и выше — выступаютъ
Изъ вѣтвей еще сучки — и много;
На сучкахъ выходятъ почки,
Почки — смотрятъ — развернулись въ листья,
А межъ листьевъ выступаютъ гнѣздами орѣхи.

Посланцы и пахарь изумились.
Только дѣвы вѣщія въ единый голосъ —
„Радуйтесь“ — воскликнули — „се явно
Боги намъ свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,
На коня садись Любушина и съ миромъ
Къ намъ въѣзжай во свѣтлый Вышградъ — Чешскимъ
Княземъ!“

Облачился пахарь въ княжія одежды,
На плеча накинулъ плащъ Любушинъ,
Сапоги надѣлъ ... однако лапти
Взялъ съ собой на память — и хранятся
Въ Вышеградѣ эти лапти и донынѣ.

Такъ Премыслъ сталъ славнымъ чешскимъ княземъ,
А княжнѣ Любушѣ — добрымъ мужемъ.

А. Н. Майковъ.

Мать.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу . . .
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ . .

Нѣтъ! не хочешь? . . сказки — вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ . .
Зашумѣлъ сыръ—теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ—темномъ бору . . .
Задремалъ мой крошка! . . .
. . . Я малинки наберу
Полное лукошко . . .
Во сыромъ—темномъ бору . . .
Тише! засыпаетъ . . .
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ . . .
„Во сыромъ бору“ поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ . . .
Тихо, долго ночь идетъ . . .
Ночь ужь день выводитъ —
Мать поетъ . . . рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдняя роняла . . .

И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется —
„Во темномъ—сыромъ бору“
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ, —
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!...

А. Н. Майковъ.

* * *

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣй?“
— Она была прекрасна...
— „Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Налъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?

Могла-ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньѣ никогда,
Съ твоими горячо-ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда-бъ застали васъ,
Достало ли бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
Глядѣла ли бъ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли бъ она любви своей позоромъ? . . .
Ты улыбаешься . . . Ты думаешь о ней . . .
О, хороша она . . . и образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей! . . .“

— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски . . .
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ
пощады . . .

Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо..
— „И вы разстались?“
— „Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли — должны мы были замолчать...

— „Любить! Молчать!!... И вы любили?!... Боже,
Боже!...

А. Н. Майковъ.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

(Апол. Алекс. Григорьеву.)

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла...

Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска —
И влетѣлъ ко мнѣ юноша — свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.

Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись:
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...

Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
„Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой!

„Оглянися я — богъ, богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
И блаженство небесъ я впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы...“

Говорилъ — и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами...

Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „ты моя! ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

А. Н. Майковъ.

Тарантелла.

(На голосъ: Già la luna è mezz'al mare...).

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко ужь идетъ!
Вонъ ужь скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!...
Вонъ — ужь кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчались въ кругъ живой —
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!...
Вслѣдъ за ними намъ — смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьйоръ, синьйоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьйора? Вы бъ и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...

Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки —
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо!... шибче скрипки
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что, смотришь такъ сурово.
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былова,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну — такъ къ намъ — и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары
Не сидится старикамъ...
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль! вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно,
Что такое человѣкъ!...
Что тутъ думать!... шибче скрипки!
Наши — юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

А. Н. Майковъ.

Дурочка.

Идиллія.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня — семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...

Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. „Да поди!“
Говорю: „тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!“

— „Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!“ — „Какъ такъ?“
— „Что мнѣ съ этакими злыми“ . . .
И забьется на чердакъ.

Только встала — полетѣла!
Всю деревню обѣжитъ! . . .
Это — первое ей дѣло —
Все друзья вѣдь — просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за то жь и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали . . .
Баловала только я —

И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ,

Надорветъ мое сердечко...
„Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!“

„Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?“ говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути.
Что лечить тутъ? Противъ Бога —
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „гдѣ ты пропадала?“
Вздоръ разсказываетъ намъ —

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Что бъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ — дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужь осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

„Взглянь-ко," говорю я: „Саша" —
А сама-то вся дрожу:
„Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?"
Такъ и есть, она!... Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужъ мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жь!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами . . .
Такъ ужь, видно, суждено.

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ . . .
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ . . .

А. Н. Майковъ.

Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани:
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
„Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?“

— „Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ,
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!“

А. Н. Майковъ.

* * *

Я бъ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидитъ мѣсяцъ,
Ясны звѣздочки увидятъ;
Съ неба звѣздочка скатится,
И разскажетъ синю-морю,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнаетъ Мара, —
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ;
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебреная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

С. Маковскій.

Любить.

Любить — это слушать нездѣшніе хоры
И рокоты арфъ неземныхъ, —
Постигнуть, что міръ — чьи-то близкіе взоры
И міры, отраженные въ нихъ.
Любить — это ночью томиться беззвѣздной,
Грустить и не знать, что грустишь, —
Стоять одиноко надъ бездной, надъ бездной,
И не знать, что надъ бездной стоишь.
Любить — это небо похитить у Бога
И небо за ласку отдать, —
Страдать такъ покорно, такъ много, такъ много,
Чтобы сердце устало страдать.
Любить — это падать, и въ этомъ паденьи
Другого съ собою увлечь:
Любить — это бредить, сгорая въ мгновеньи,
И мгновенье зажечь.

Л. А. Мей.

Вихорь.

При дорогѣ нива...
Доня—смуглоличка
День—деньской трудится —
Неустанно жнетъ:
Видно, не лѣнива,
А — что Божья птичка —
На зарѣ ложится,
На зарѣ встаетъ.

Противъ нашей Дони
Поискать красотки —,
Развѣ — что далеко,
А въ сосѣдствѣ нѣтъ...
Косы по ладони;
Грудь, какъ у лебедки;
Очи съ поволокой;
Щеки — маковъ цвѣтъ.

Солнце такъ и жаритъ,
Колетъ, какъ иглою;
Стелется на полѣ
Дымъ, не то туманъ;
Съ самой зорьки паритъ —
Знать, передъ грозою;
Скинешь поневолѣ
Душный сарафанъ.

Разгорѣлась жница:
Жнетъ, да жнетъ, да вяжетъ,
Вяжетъ безъ подмоги
Полные снопы...
А въ дали зарница
Красный пологъ кажетъ...
Ходятъ вдоль дороги
Пыльные столпы...

Ходятъ вихри, ходятъ,
Вертятся воронкой —
Все по одиночкѣ:
Этотъ, тотъ и тотъ —

Очередь заводятъ...
А одинъ сторонкой,
Къ Дониной сорочкѣ
Такъ-себѣ и льнетъ.

Оглянулась дѣвка —
И сама не рада:
Кто-то за спиною...
Выросъ изъ земли...
На губахъ издѣвка,
А глаза безъ взгляда;
Волосы копною,
Борода въ пыли.

Сѣрый, сѣрый, зыбкій, —
Онъ по вѣтру гнется,
Вьется въ жгутъ и пляшетъ,
Пляшетъ и дрожитъ,
Словно бы съ улыбкой,
Словно бы смѣется,
Головою машетъ —
Донѣ говоритъ:

„Вѣтерокъ поднялся, —
Славная погодка!
Свѣтится зарница
Среди бѣла дня:
Я и разыгрался...
Бѣлая лебедка,
Красная дѣвица,
Полюби меня!“

Отскочила Доня —
Ей неймется вѣры,
За снопами кроясь,
Силится уйти;
А за ней погоня —
Настигаетъ сѣрый,
Кланяется въ поясъ,
Сталъ ей на пути: —

„Что-жъ не молвишь слова,
Что не приголубишь?
Аль еще не знаешь —
Что за зелье страсть?
Полюби сѣдого: —
Если не полюбишь,
И его сконаешь,
И тебѣ пропасть . . .“

Самъ по полю рыщетъ,
Къ Донѣ бокомъ—бокомъ —
Тѣсными кругами
Хочетъ закружить:
Будто въ жмуркахъ ищетъ,
Будто ненарокомъ
Пыльными руками
Тянется схватить.

Вотъ схватилъ и стиснулъ . . .
Да она рванулась:
„Аль серпа хотѣлось?
На тебѣ, лови!“

Серпъ блеснулъ и свистнулъ...
Пыль слегка шатнулась,
Да и разлетѣлась...
Только серпъ въ крови...

Съ призракомъ пропали,
Словно вихорь шаткій,
И дѣвичьи грезы...
Отчего-жъ потомъ
Мать съ отцомъ видали,
Что она украдкой
Утирала слезы
Бѣлымъ рукавомъ?

Отчего гурьбою
Сватовъ засылали,
А смотринъ ни разу
Не пришлось запить?...
Думали семьею,
Думали—гадали
И рѣшили: „съ глазу!“ —
Такъ тому и быть...

Зимка проскрипѣла
И весной запахло;
Зеленя пробили
Черный слой земли...
Доня все хирѣла,
Сохнула и чахла...
Знахари ходили,
Только не дошли.

Рожь поспѣла снова...
Свѣтится зарница...
Ходятъ вдоль дороги
Пыльные столпы...
Только нѣтъ Сѣдого,
И другая жница
Вяжетъ безъ помоги
Полные снопы.

— „Эхма! Жалко Домны!“ —
Всѣмъ селомъ рѣшили:
Этакой напасти
Гдѣ избыть серпомъ!
Старики-то скромны —
Видно, не учили:
— „Отъ бѣды да страсти
Оградись крестомъ.“

Л. А. Мей.

Отойди отъ меня, сатана.

На горѣ первозданной стояли они
И надъ ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы — пустыни,
А подъ ними земля — вся въ туманѣ, въ тѣни.
И одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей,
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей;
А другой былъ мрачнѣе эреба;
Изъ глубокихъ зѣницъ вылетали огни;

На челѣ его злоба пылала.
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана:
„Раввуни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...“
И десницу простеръ...
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ,
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь... Палестина...
Вотъ сѣдой Араратъ; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая нить Іордана;
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на немъ праздный — Голгоѳа...
Къ югу — степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада

Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья.
Смуглоликихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ въ встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ
Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Сѣрой, гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще, — на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко,
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
Полногрудные сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око
Мимо...

Индъ и Гангесъ, среброводной четой,
Катятъ волны въ далекое море;
Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
Мелкой сѣтью заткали ліаны
Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
Попугаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигренокъ сосетъ;
Птичекъ носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,

Слонъ тяжелою поступнью мѣрно, бредетъ;
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучъ священной лампады слегка золотитъ;
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняясь во прахъ, благовонія жгутъ
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...
Сѣверъ... Теряясь съ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Хмурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры;
Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ, вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется вовѣкъ задремавшій колосъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной!

Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ!
Мимо...
Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской,
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды —
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ...
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпого пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочитаньемъ цвѣтовъ;
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...
Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своею нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ...

Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ —
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столбовъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За когортой проходитъ когорта;
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса.
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
На зыбяхъ отдаленнаго порта.
Форумъ стелется пестрою массой головъ;
Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы —
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь
И въ куски изорветъ человѣка...
Мимо...
Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,

На лазурныхъ волнахъ Тирринеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посрединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ
Вознеслася надменно обитель —
Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
Въ благолѣпныя формы строитель.
Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ,
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
Насторожѣ — хранители-боги
И трехглавый, изъ золота вылитый песъ.
Купы миртъ и оливъ и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропятъ...
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
У фонтана гетэра-наяда,
И нагая плясунья-дріада
Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе кесаря годы,
Прорицая безсмертье ему впереди,
И, подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ съ змѣей на груди,
Среди сонма Ларисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта — Тиверій.

— „Падши ницъ, поклонись — и отдамъ все сполна
Я Тебѣ . . .“ говоритъ искуситель.
Отвѣчаетъ Небесный Учитель:
— „Отойди, отойди отъ Меня, сатана!“

Л. А. Мей.

Русалка.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное . . .
Тучей потемнѣло; брызжетъ мелкой зернью —
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью . . .
Вѣтеръ по дубровѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ;
И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынырнули со-дна рѣзвыя русалки! . . .
Любо некрещенымъ въ бурю—непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Громкимъ, звучнымъ смѣхомъ съ громомъ
окликаться!
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ!
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
Лишь одна отстала, — отплыла въ сторонку . . .
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,

Блѣдными руками ивняки разводитъ;
Притаилась въ листвѣ на прибрежьѣ черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
Вотъ — ужъ понемногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;
Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубого
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотого...
Чу! переливаясь межъ густой осокой,
По водѣ несется благовѣстъ далекій —
Благовѣстъ далекій по водѣ несется
И волною звучной прямо въ душу льется.
Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая, —
И сама-собою крестъ творитъ десная...
И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,
Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...
Вотъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка;
А въ избушкѣ съ дочкой няньчится старушка.
Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ...
Да и вышла-жъ дѣвка при такомъ уходѣ:
Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...
Вотъ и боръ сосѣдній — тамъ грибовъ, да ягодъ
За одну недѣлю неберешься на-годъ;
А начнутъ подъ осень, грызть орѣхи бѣлки,
Сыпь орѣхъ въ лукошко — близко посидѣлки.
Тутъ-то погуляютъ парни удалые,

Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!...
Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ;
Огоньку добыла — на дворѣ ужъ ночка —
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...
Оттого и долго: — парень приглянулся
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;
А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незванный...
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,
Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ,
Да и насмѣялся — разлюбилъ и кинулъ...
Позабылъ голубку сизокрылый голубь —
И остались бѣдной смѣхъ мірской да прорубь...
Вспомнила русалка — бѣлы руки гложетъ,
Рада-бъ зарыдала — и того не можетъ;
Сотворить молитву забытую хочетъ —
Нѣтъ для ней молитвы, и она хохочетъ...
Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичекъ проснулся и стегаетъ сивку,
Лобъ и грудь, и плечи крестно знаменуетъ,
Да съ сердцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

Л. А. Мей.

Пѣсня.

Ты — краса ли моя дѣвичья,
Ты — коса ль моя трубчатая,
Не на радость ты мнѣ, дѣвицѣ,
Не въ утѣху доставалася!
Что тебѣ ли, русой косынькѣ,

Люди добрые завидуютъ,
За тебя ли, косу русую,
Извели меня младешеньку,
Опоили горемычную
Зельемъ — лютою отравою...
Охъ, не зельемъ извели меня,
Опоили не отравою,
А извелъ меня соколій глазъ,
Опоила рѣчь медовая...

Л. А. Мей.

Пѣсня.

Снаряжай скорѣй, матушка родимая,
Подъ вѣнецъ свое дитятко любимое.
Я гнѣвить тебя нынче зарекалася —
Отъ сердечнаго друга отказалася...
Расплетай же мнѣ косыньку шелкòвую,
Уложи меня на кровать тесовую,
Пелену набрось мнѣ на груди бѣлыя
И скрести подъ ней руки помертвѣлыя;
Въ головахъ зажги свѣчи воску яраго
И зови ко мнѣ жениха-то стараго:
Пусть войдетъ старикъ — смотритъ да дивуется —
На красу ль мою дѣвичью любуется.

Л. А. Мей.

Пѣсня.

Ты житье ль мое,
Ты бытье ль мое,
Ты житье-бытье мое ли горемычное!
Что хозяйкой быть,
За сѣдымъ ходить —
Молодешенькѣ мнѣ — дѣло непривычное...
Охъ, ты, милый, мой,
Разудалый мой!
Научи меня съ недолей потягатися:
Не топить избы,
Не слыхать журьбы,
Со постылымъ, старымъ мужемъ не якшатися.

Л. А. Мей.

По грибы.

(Пѣсня изъ оперы М. А. Балакирева „Ивановская ночь".)

Рыжичковъ, волвяночекъ,
Бѣлыихъ бѣляночекъ
Наберу скорешенько
Я, млада — младешенька,
Что для свекра — батюшки,
Для свекрови — матушки:
Перестали бъ скряжничать —
Сѣли бы пображничать.

А тебѣ постылому,
Старому да хилому,
Суну я въ окошечко
Полное лукошечко.

Мухомора стараго,
Стараго — поджараго...
Старый ѣстъ — не справится:
Мухоморомъ давится.

А тебѣ треклятому,
Бѣлу—кудреватому,
Высмотрю я травушку,
Травушку—муравушку, —
На постелю браную,
Свахой—ночкой стланую,
Съ пологомъ—дубровушкой,
Да со мной ли, вдовушкой.

Л. А. Мей.

Пѣсня.

(В. В. Крестовскому.)

Какъ вечо̀ръ мнѣ, молодешенькѣ,
Малымъ — мало ночью спалося,
Малымъ — мало ночью спалося —
Нехорошій сонъ привидѣлся:
У меня бъ на правой рученькѣ,
Что на маломъ на мизинчикѣ,
Распаялся жаръ — золо̀тъ перстень,
Выпалъ камешекъ лазоревый...
Знать, что мой мило̀й угадчивый,
Съ нами, дѣвками, назойливый,
Изъ бѣлыхъ изъ рукъ выпадчивый,
Со бѣлой груди уклончивый.

Л. А. Мей.

Еврейскія пѣсни.

I.

„Поцѣлуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнѣе вина;
Запахъ черныхъ кудрей чище мирры стократъ,
Скажутъ имя твое — пролитой ароматъ!
Оттого — отроковица —
Полюбила я тебя...
Царь мой, гдѣ твоя ложница?
Я сгорѣла полюбя...
Милый мой, возлюбленный, желанный,
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?..“

II.

„Хороша я и смугла;
Дочери Шалима!
Не корите, что была
Солнцемъ я палима —
Не найдете вы стройнѣй
Пальмы на Энгаддѣ:
Дѣти матери моей
За меня въ разладѣ.
Я за братьевъ вертоградъ
Ночью сторожила,
Да дѣвичій виноралъ
Свой не сохранила...
Добрый мой, душевный мой,
Что ты не бываешь?
Гдѣ пасешь въ полдневный зной?

Гдѣ опочиваешь?
Я найду, я сослѣжу
Друга въ полдень жгучій
И на перси положу
Смирною пахучей.
По опушкѣ лѣса гналъ
Онъ козлять, я — тоже,
И тѣнистый лѣсъ постлалъ
Намъ двойное ложе —
Кровлей лиственной нависъ,
Темный, скромный, щедрый;
Наши звенья — кипарисъ,
А стропила — кедры.“

Л. А. Мей.

Въ альбомъ.

(Татьянѣ Павловнѣ Еремѣевой.)

Я видѣлъ мелькомъ васъ, но мимолетной встрѣчей
Я былъ обрадованъ: она казалась мнѣ
Чего-то новаго отрадною предтечей, —
И хоть на мигъ одинъ я счастливъ былъ вполнѣ.
Простите же мое невольное желанье —
Оставить по себѣ у васъ воспоминанье:
Все легче на душѣ, все какъ-то веселѣй . . .
Такъ путникъ, встрѣтивъ храмъ среди чужой пустыни,
На жертвенникъ ему невѣдомой богини
Приноситъ скудный даръ — и въ путь идетъ смѣлѣй.

Л. А. Мей.

Колыбельная пѣсня.

Баю—баюшки—баю,
Баю Оленьку мою!
Что на зорькѣ — на зорѣ,
О весенней о порѣ,
Пташки Божіи поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Соловейка-соловей,
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ, —
Подъ высокій теремокъ,
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть
Олѣ пѣсеньку пропѣть;
Баю—баюшки—баю,
Баю Оленьку мою!

Д. Мережковскій.

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнутъ въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ, —
Это смерть, — но безъ борьбы мучительной;
Это смерть, плѣняя красотой,
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный, —

Лучшій даръ природы всеблагой.
У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

Д. Мережковскій.

Сакья—Муни.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло:
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды,
Что-то тамъ мелькнуло на пути:
Это храмъ — они вошли подъ своды,
Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ —
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ —
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: „Братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше

У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ . . .“
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ, —
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло . . .
Лишь одинъ, спокойно — величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло.
Говоритъ онъ Буддѣ: „Ты не правъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой, —
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсилной, жалкою толпой! . . .
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ — грозенъ и могучъ, —
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою, —
Я стою, какъ равный, предъ тобою
И, высоко голову поднявъ,

Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты не правъ!“
Онъ умолкъ, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли.
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ — царь вселенной,
Богъ, великій богъ, лежалъ въ пыли!

Д. Мережковскій.

* * *

Пощады я молю! не мучь меня, Весна,
Не подходи ко мнѣ съ болѣзненною лаской;
И сердце не буди отъ мертвеннаго сна
Своей младенческой, но трогательной сказкой.

Ты видишь, какъ я слабъ, — о, сжалься надо мной!
Меня томитъ и жжетъ твой вѣтеръ благовонный!
Я дорого купилъ забвенье и покой, —
Оставъ же ихъ душѣ, страданьемъ утомленной . .

Д. Мережковскій.

Не думала ли ты . . .

Не думала ли ты, что блѣдный и безмолвный,
Я вновь къ тебѣ приду, какъ нищій, умолять,
Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,
Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,

Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
Что гдѣ-то есть борьба, и мысль и честный трудъ,
И что предъ ними ты — ничто съ твоей красою?
Смотри, — меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
Есть у меня безсмертная природа,
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
И думать ты могла, что я томиться буду,
Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?
Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать, —
Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила. —
Но если бъ ты могла понять, какая сила
Была у ногъ твоихъ, когда со мной шутя,
Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила, —
Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты въ отчаяньи нѣмомъ
Рыдала бы теперь горючими слезами.

Н. Минскій.

Изъ „Бѣлыхъ ночей“.

Ночь третья.

Въ шумный досугъ, за работой нѣмою,
Въ тихую ночь и въ рокочущій день —
Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
Чья то воздушная тѣнь.

Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ;
Свѣтитъ — лучится любовь всепобѣдная
Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.

Всѣ мои думы, глубоко хранимыя,
Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя —
Все это вѣдомо ей.

Вѣчно мнѣ въ сердце глядитъ она, нѣжная..
Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,
Кроткій покой и любовь безмятежная —
Взоръ ея счастьемъ горитъ.

Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стихъ превращается въ мечъ,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...

Кто ты? Уйди, о подруга воздушная!
Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
Видишь: враговъ безпощадно — бездушная
Насъ обступила стѣна.

Полно шептать мнѣ слова безполезныя!
Намъ безъ вражды невозможно любить,
Какъ невозможно оковы желѣзныя
Кроткой слезою разбить.

Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
Муки дай сѣять и муки принять!...
— Что-же ты снова глядишь умоляюще,
Что-же ты плачешь опять?...

Н. М. Минскій.

Молчаніе.

Къ чему твердить скалѣ: ты чувства лишена,
И тѣлу мертвому ты болѣе не живо,
Къ чему твердить душѣ порочной: ты грязна,
И къ сердцу лживому взывать съ тоской: ты лживо.
Гдѣ правды тлѣетъ лучъ, — тамъ пусть звучатъ слова!
Когда-жъ любовь и стыдъ погибли безъ возврата,
И радуетъ блудницъ пророка голова,
И агнецъ связанный предсталъ предъ судъ Пилата, —
Лишь ты, молчаніе, взявъ раскаленный мечъ,
Тогда становишься у вратъ пустого рая.
Невинной жертвы взоръ умѣешь ты зажечь
Такимъ могуществомъ, что, на нее взирая,
Насмѣшливый палачъ вдругъ прерываетъ рѣчь
Дрожитъ, потупя взоръ и руки омывая.

Л. М. Михайловъ.

Бѣлое покрывало.

I.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ, —
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ.
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна, —
Больному сердцу въ ней отрада:
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться!
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться . . .
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ дѣтскимъ сномъ.

Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою;
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, въ часъ позорной казни,
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ.“

Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой,
Я сердце разбужу на тронѣ, —
И поутру, какъ поведутъ

Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай — неизбѣжна смерть твоя . . .
Неправда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь навстрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но, если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!“
И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать:
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

II.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ —
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его ревниво провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ . . .
Тамъ на балконѣ мать стоитъ,

Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.
И заиграло сердце въ немъ —
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ; съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачемъ,
И ясенъ въ петлѣ поднимался,
И въ самой петлѣ улыбался!
Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
О, ложь святая! Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!

С. Я. Надсонъ.

Надъ свѣжей могилой.

Я вновь одинъ — и вновь кругомъ
Все та же ночь и мракъ унылый,
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ свѣжею могилой:
Чего мнѣ ждать, къ чему мнѣ жить,
Къ чему бороться и трудиться: —
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться!...

С. Я. Надсонъ.

* *
*

Завѣса сброшена... Ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...

Какъ мало прожито, — какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено, — и не воскреснетъ вновь!...
Я въ братство вѣровалъ, — но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы, —
А міръ — все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ;
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей, —
И въ храмѣ истины — въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!...
Любовь — на мигъ.. любовь — забава отъ бездѣлья,
Любовь — не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь — больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмелья, —
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!...
Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся — мысль, вся — красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!...
Бѣдна, какъ нищая, и, какъ рабыня, лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена,
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу, — и ты поймешь обманъ
Ея величія подъ ветхой мишурою,
И красоты ея подъ маскою румянъ.

С. Я. Надсонъ.

За что?

Любили-ль вы, какъ я. Безсонными ночами
Страдали-ль за нее съ мучительной тоской?
Молились-ли о ней съ безумными слезами
Всей силою любви, высокой и святой?
Съ тѣхъ поръ, когда она въ землѣ была зарыта,
Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ,
Съ тѣхъ поръ была-ль для васъ вся ваша жизнь разбита,
И свѣтъ, послѣдній свѣтъ, угаснулъ ли для васъ?
Нѣтъ!... Вы, какъ и всегда, и жили и желали;
Вы гордо шли впередъ, минувшее забывъ,
И послѣ, можетъ-быть, сурово осмѣяли
Страданій и тоски утихнувшій порывъ
Вы, баловни любви, слѣпыя дѣти счастья,
Вы не могли понять души ея святой,
Вы не могли цѣнить ни ласки, ни участья
Такъ, какъ цѣнилъ ихъ я, усталый и больной!
За что-жъ, въ печальный часъ разлуки и прощанья
Вы, только вы одни, могли въ нѣмой тоскѣ
Приникнуть пламенемъ послѣдняго лобзанья
Къ ея безжизненной и мраморной рукѣ?
За что-жъ, когда ее въ могилу опускали
И погребальный хоръ ей о блаженствѣ пѣлъ,
Вы ранній гробъ ея цвѣтами увѣнчали,
А я лишь издали, какъ чуждый ей, смотрѣлъ?
О, если-бъ знали вы безумную тревогу
И боль души моей, надломленной грозой,
Вы раступились бы и дали мнѣ дорогу
Стать ближе всѣхъ къ ея могилѣ дорогой!

С. Я. Надсонъ.

Мать.

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской!
Меня окружало довольство... Лишеній
Не зналъ я, за то и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ — угрюмый, больной,
Съ умомъ, не по дѣтски печалью развитымъ
И съ чуткой, болѣзненно-чуткой душой.
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!....
Ночь.. Въ комнатѣ душно.. Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!...
Чу! Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй“, и чьи-то объятья
Кольцомъ обвилися вкругъ шеи моей...
„Ты здѣсь, ты со мной, о, моя дорогая,
О, милая мама!... Ты снова пришла...
Какіе-жъ дары изъ далекаго рая

Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи, взяла ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтною чешуею,
Изъ темныхъ садовъ — ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ фиміама святаго
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?
Сегодня, родная, я стою награды,
Сегодня... о, какъ ненавижу я ихъ —
Опять они сердце мое безъ пощады
Измучили злобой упрековъ своихъ...
Скорѣй же, скорѣй!..“
И подъ тихія ласки
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкалъ утомленные глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ.

С. Я. Надсонъ.

Грезы.

(Отрывокъ.)

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся пестрѣющій толпою,

Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ.
Былъ пиръ — веселый пиръ въ честь юной королевы,
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей . . .

День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ сернъ и царственныхъ оленей
Упали жертвами разгоряченнымъ псамъ;
А ночью данъ былъ балъ . . . Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой. Межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплеталися въ узоры
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ.
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза до полу сплошныя зеркала.
Но близокъ ужъ разсвѣтъ, и гости утомились:
„Пѣвца!“ Зовутъ они: „Пусть выйдетъ онъ впередъ!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы
насладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!“
И, робкій инажъ, впередъ я выступилъ . . . Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ.

Въ началѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужъ слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,
Ужъ осѣнилъ меня крылами вдохновенья,

И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ.
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!...
Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимаютъ мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста,
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка — кристальна и чиста.

И льется пѣснь моя, и мощною грозою
Гремитъ, разсыпавшись на стонущихъ струнахъ...
Не громъ ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы-ль молніи сверкнули въ небесахъ?...
Какъ грозенъ былъ ударъ!... Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули, и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрусталя
На серебрѣ цѣпей, померкнувъ, задрожала...
Но буря пронеслась, и струны недвижимы...
И вновь звучатъ онѣ подъ бѣглою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы,
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой.
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ,
И вотъ, послѣдній звукъ, какъ легкій ѳиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздами бездоннымъ небесамъ!

Я кончилъ... Всѣ уста окованы молчаньемъ,
Всѣ груди поднялъ вздохъ... Но вотъ къ моимъ ногамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ,
И нѣтъ конца меня осыпавшимъ цвѣтамъ!...

Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;
Ростетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ;
Такъ хмурый лѣсъ шумитъ, взволнованный грозою,
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.

Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній,
Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный,
О, неужели ты меня не поняла?...
Но, вѣрить ли очамъ: она встаетъ!... Мгновенно
Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
Глаза ея горятъ свѣтло и вдохновенно,
Подъ золотомъ парчи высоко дышетъ грудь...
Она идетъ ко мнѣ — идетъ легка, какъ греза,
Чаруя прелестью улыбки и лица,
И вотъ, съ ея груди отколотая роза
Трепещетъ ужь въ рукѣ счастливаго пѣвца!...

Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...
Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей...
— — — — — — — — —
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою:
Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю
И утомленному я руку подаю!

И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой, —
Онъ мнѣ дарилъ зато и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой! . . .

С. Я. Надсонъ.

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой;
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь: —
Вѣрь, настанетъ пора — и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ, —
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, — зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой, —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи полныя скорбной мольбой! . . .

С. Я. Надсонъ.

* * *

Испытывалъ-ли ты, что̀ значитъ задыхаться?
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы, — и плакать, и метаться,
И рваться на просторъ, — въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?
Что̀ значитъ съ бѣшенствомъ и жгучими слезами,
Остервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
Пытаться оторвать изнывшими руками
Желѣзною броней окованную дверь?
Я это испыталъ; но былъ моей тюрьмою
Весь міръ — огромный міръ, раскинутый кругомъ;
О, сколько разъ его горячею мечтою
Я облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!
Какъ жаждалъ я, — чего, не нахожу названья:
Нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески-тяжелаго страданья,
Лишь не дѣлить съ толпой пустой ея удѣлъ! . . .
Съ пылающимъ челомъ и влажными очами
Я отворялъ окно въ дремавшій чутко садъ,
И пилъ, и жадно пилъ — прохладными волнами
Съ росистыхъ цвѣтниковъ плывущій ароматъ,
И къ звѣздамъ я взывалъ, чтобъ тишиной своею
Смирила эта ночь тревогу юныхъ силъ,
И уходилъ къ пруду, въ глубокую аллею,
И до разсвѣта въ ней задумчиво бродилъ;
И, лишь дыханьемъ дня и солнцемъ отрезвленный,
Я возвращался вновь въ покинутый мой домъ,
И крѣпко засыпалъ, въ конецъ изнеможенный,
Тяжелымъ, какъ недугъ, и безпокойнымъ сномъ . . .

Куда меня влекли неясныя стремленья,
Въ какой безвѣстный міръ, — постигнуть я не могъ,
Но въ эти ночи думъ и страстнаго томленья,
Ничтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ:
Мой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,
Онъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсъ,
И вѣчность цѣлая въ лицо мое глядѣла
Изъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ!

С. Я. Надсонъ.

* * *

Бываютъ дни, когда надъ хмурою землей
Сплошныя облака стоятъ, не пролетая,
Туманной дымкою, какъ сѣрой пеленой,
И рощи и луга тоскливо одѣвая;
Нѣтъ въ воздухѣ игры причудливыхъ лучей,
Рельефы сглажены, оттѣнки мутно слиты,
Даль какъ-то кажется и площе, и тѣснѣй,
И волны озера дремотою повиты.

И вдругъ, какъ будто вздохъ раздастся и замретъ,
И вѣтеръ налетитъ, порывистый и крѣпкій,
И крылья мельницы со скрипомъ повернетъ,
И броситъ пыль въ глаза, и заволнуетъ вѣтки...
Разорванъ пологъ тучъ! Какимъ-то волшебствомъ
Природа красками мгновенно расцвѣтилась,
И въ вышинѣ, въ просвѣтъ, и блескомъ, и тепломъ.
Небесная лазурь, сверкая, заструилась...

Такъ въ дни унынія и будничныхъ заботъ
Порывомъ въ грудь пѣвца слетаетъ вдохновенье,
И озаряетъ міръ, и будитъ, и зоветъ —
Зоветъ идти во храмъ и совершить служенье.
Разорванъ пологъ тучъ. Душа потрясена,
И жизнь ужъ не томитъ безцвѣтной пустотою,—
Нѣтъ, въ ней открылась мысль, блеснула глубина,
И вѣетъ истиной, добромъ и красотою!...

С. Я. Надсонъ.

* * *

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ.
Весь облитъ серебромъ потонувшій въ туманѣ заливъ;
Синихъ горъ полукругъ наклонился къ цвѣтущей долинѣ,
И чуть дышетъ листва кипарисовъ и пальмъ, и оливъ.
Я ушелъ-бы бродить, — и бродить, и дышать ароматомъ,
Я-бъ на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шумитъ,
Гдѣ спускается берегъ кремнистымъ, сверкающимъ скатомъ,
И жемчужная пѣна каменья его серебритъ;
Да не тянетъ меня красота этой чудной природы,
Не зоветъ эта даль, не пьянитъ этотъ воздухъ морской,
И какъ узникъ въ тюрьмѣ жаждетъ свѣта и жаждетъ свободы,
Такъ я жажду отчизны, отчизны моей дорогой!...

С. Я. Надсонъ.

* * *

Нѣтъ, муза, не зови! . . . Не увлекай мечтами,
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей . . .
Путь слишкомъ былъ тяжелъ . . . Сомнѣнья и тревоги
На части рвали грудь . . . Усталый пилигримъ
Не вынесъ всѣхъ преградъ мучительной дороги,
И гибнетъ, пораженъ недугомъ роковымъ . . .
А жить такъ хочется! . . . Страна моя родная,
Когда-бъ хоть для тебя я могъ еще пожить! . . .
Какъ я-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить! . . .
Какъ пѣлъ бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
Громилъ твоихъ враговъ! . . Твой песъ сторожевой, —
Я-бъ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!
Но — поздно . . Смерть не ждетъ . . Какъ туча грозовая,
Какъ вихрь несется смерть . . . Въ крови — палящій жаръ,
Въ бреду слабѣетъ мысль, безсильно угасая . . .
Рази-жъ, скорѣй рази, губительный ударъ! . . .

С. Я. Надсонъ.

* * *

Умерла моя муза! . . . Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,

Непроглядная ночь, какъ могила темна!...
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу;
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь, и безъ пѣсни грущу...
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу — и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колонады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!...
А теперь! Я одинъ.. Непріютно темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ —
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!....
Умерла моя муза! Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила темна...

С. Я. Надсонъ.

На кладбищѣ.

На ближнемъ кладбищѣ я знаю уголокъ:
Свѣжѣе тамъ трава, не смятая шагами,
Роскошнѣй тѣнь отъ липъ, склонившихся въ кружокъ,

И звонче пѣнье птицъ надъ старыми крестами.
Я часто тамъ брожу, переждая зной . . .
Читаю надписи, грущу, когда взгрустнется,
Иль, лежа на травѣ, смотрю, какъ надо мной,
Мелькая сквозь листву прозрачной бѣлизной,
Куда-то облачко стремительно несется.
Сегодня крестъ одинъ сломался и упалъ;
Онъ падалъ медленно, за сучья задѣвая,
И подойдя къ нему, на немъ я прочиталъ:
„Спѣши — я жду тебя подруга дорогая!“
Должно-быть, вешній дождь вчера его подмылъ.
И я задумался съ невольною тоскою,
Задумался о томъ, чей прахъ онъ сторожилъ,
И кто гніетъ теперь подъ этою землею. —
„Спѣши, я жду тебя!“ — Завѣтныя слова! . . .
Услышала-ль она загробный голосъ друга? . . .
Пришла-ль къ тебѣ на зовъ, иль все еще жива
Твоя любимая и нѣжная подруга? . . .
Я имени ея не нахожу кругомъ . . .
Ты тлѣешь, окруженъ чужой тебѣ толпою,
Забытъ и одинокъ — и ни однимъ вѣнкомъ
Ея любовь къ тебѣ не говоритъ съ тобою . . .
Жизнь увлекла ее въ водоворотъ страстей,
И жгучую печаль, какъ рану, исцѣлила,
И не придетъ она подъ тѣнь густыхъ вѣтвей
Поплакать надъ твоей размытою могилой,
И только этотъ крестъ, заботливой рукой
Поставленный тебѣ когда-то къ изголовью,
Храня съ минувшимъ связь, смѣется надъ тобой,
Надъ памятью людской и надъ людской любовью!

Н. А. Некрасовъ.

Зеленый шумъ.

Идетъ—гудитъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вкругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ листы ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако; все зелено,
И воздухъ и вода.

Идетъ—гудитъ Зеленый Шумъ!
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка,
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!
Въ избѣ самъ-другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла.
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль, сердечную!
Стерпѣть, — такъ силы нѣтъ!

А тутъ зима косматая
Реветъ и день и ночь:
„Убей, убей измѣнницу!
„Злодѣя изведи!
„Не то, весь вѣкъ промаешься, —
„Ни днемъ, ни долгой ноченькой
„Покоя не найдешь.
„Въ глаза твои бестыжіе
„Сосѣди наплюютъ! . . .“
Подъ пѣсню—вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая, —
Припасъ я вострый ножъ . . .
Да вдругъ весна подкралася . . .

Идетъ—гудитъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистная,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ . . .
Шумятъ они по-новому,
По-новому, весеннему . . .

Идетъ — гудитъ Зеленый Шумъ!
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна — въ лѣсу, въ лугу:
„Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Богъ тебѣ судья!“

Н. А. Некрасовъ.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ,

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли — колосились?

Нѣтъ! Мы не хуже другихъ, — и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?“

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ — не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли, и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Н. А. Некрасовъ.

Власъ.

Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ — старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ: великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря, —
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется,
Годъ прошелъ, — а Власъ лежитъ
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ: ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма—егоза,
Ефіопы — видомъ черные
И, какъ угліе, глаза, —

Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ — шестикрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается, —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго
И у царственной Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтнія жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Н. А. Некрасовъ.

Въ дорогѣ.

„Скучно! Скучно!... Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ нибудь мою скуку!
Пѣсню, что-ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку;
Небылицей какой посмѣши,
Или, что ты видалъ, разскажи, —
Буду, братецъ, за все благодаренъ.“ —

„Самому мнѣ невесело, баринъ:
Сокрушила злодѣйка-жена!...
Слышь ты, смолоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать, —
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣвалась не то, что у насъ
На селѣ сарафанницы наши,
А примѣрно представить, въ атласъ;
Ѣла вдоволь и меду и каши,
Видъ вальяжный имѣла такой,
Хоть бы барынѣ, слышь ты, природной,
И не то, что нашъ братъ крѣпостной,
То-ись сватался къ ней благородный, —
(Слышь, учитель-ста врѣзамшись былъ,
Баитъ кучеръ, Иванычъ Торопка),
Да, знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не нужна-ста въ дворянствѣ холопка!“

„Вышла замужъ господская дочь
Да и въ Питеръ .. А, справивши свадьбу,
Самъ-атъ, слышь ты, вернулся въ усадьбу;
Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ зятекъ, —
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
А потомъ добрался и до Груши...
Знать, она согрубила ему
Въ чемъ-нибудь, али на-просто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно, —
Воротилъ онъ ее на село: —
Знай-де мѣсто свое ты — мужичка!
Взвыла дѣвка: — крутенько пришло;
Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!“

„Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
Мнѣ въ ту пору случись .. посадили
На тягло да на ней и женили...
То-ись, сколько я нажилъ хлопотъ!
Видь такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
Да вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова или воду несла,
Какъ на барщину шла, — становилось
Инда жалко подъ часъ... да куды!
Не утѣшишь ее и обновкой:

То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
При чужихъ и туда и сюда,
А украдкой реветъ, какъ шальная . . .
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!“

„На какой-то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку . . .
Инда страхъ меня, слышь ты, щемитъ,
Что погубитъ она и сынишку:
Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижетъ,
Словно барченка, каждый день чешетъ,
Бить не бьетъ, — бить и мнѣ не даетъ . . .
Да не долго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щепка, худа и блѣдна,
Ходитъ то-ись совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна, —
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу . . .
А съ чего? . . . Видитъ Богъ, не томилъ
Я ее безустанной работой . . .
Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ, то-ись, вотъ какъ, съ охотой . . .
А, слышь, бить, — такъ почти не бивалъ,
Развѣ только подъ пьяную руку . . .“

— „Ну довольно, ямщикъ! Разогналъ
Ты мою неотвязную скуку! . . . .“

Н. А. Некрасовъ.

Тишина.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ . . .
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ

И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула, — и съумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны, —
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ . . .

Н. А. Некрасовъ.

Школьникъ.

Ну, пошелъ же ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Не веселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! —

Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь
Не стыдися, что за дѣло!
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку:
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ;

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?... Ну, что-жъ!
Случай тоже ужъ не новый, —
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ, —
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ, —
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко:
Знай — работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то-и-знай, —

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ, любящихъ душой,
Посреди тупыхъ холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Гдѣ твое личико смуглое,
Нынѣ смѣется кому?
Эхъ, одиночество круглое
Не посулю никому...

А, вѣдь, бывало, охотно
Шла ты ко мнѣ вечеркомъ,
Какъ намъ съ тобой беззаботно,
Весело было вдвоемъ.

Какъ выражала ты мило
Нѣжныя чувства твои...
Помнишь, тебѣ особливо
Нравились зубы мои.

Какъ ими ты любовалась,
Какъ цѣловала меня,
Но и зубами своими
Не удержалъ я тебя.

Н. А. Некрасовъ.

Мы съ тобой безтолковые люди...

Мы съ тобой безтолковые люди:
Что минута, то вспышка готова,
Облегченье взволнованной груди —
Неразумное, рѣзкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнуетъ и мучитъ,
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ — и скорѣе наскучитъ.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возьмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья!

Н. А. Некрасовъ.

Внимая ужасамъ войны...

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! Утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То — слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Н. А. Некрасовъ.

Я за то глубоко презираю себя...

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу день за днемъ безполезно губя;

Что я — силы своей не пытавъ ни на чемъ —
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ,

И лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался, какъ рабъ;

Что доживъ кое-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ никого не любя,

Что любить я хочу, что люблю я весь міръ,
А брожу дикаремъ, безпріютенъ и сиръ,

И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
А до дѣла дойдетъ, — замираетъ рука!

Н. А. Некрасовъ.

„Размышленіе у параднаго подъѣзда.“

(Отрывки.)

Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ-бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ

У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бичевой!...
Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля —
Гдѣ народъ — тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
Что-же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно на вѣки почилъ?...

Н. А. Некрасовъ.

Тройка.

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.
И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?...
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:

Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ, черныхъ какъ ночь;
Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.
Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.
Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка . . .,
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.
Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.
Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Будешь няньчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни — появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.
И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу,
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу,
Поскорѣй навсегда заглуши!
Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки, и сыты, и бойки, —
И ямщикъ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой . . .

Н. А. Некрасовъ.

Рыцарь на часъ.

(Отрывокъ).

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечемъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ — старикъ
На свою колокольню — руину,
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!

Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ — все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,

Всю ты жизнь прожила для другихъ!
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, Кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ? . . .

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои.
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь . . .
Треволненья мірского далекая,

Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты; прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да, я вижу тебя блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой—царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу,
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя,
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ,
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,

Снова падалъ — и вовсе упалъ...
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

В. И. Немировичъ-Данченко.

Каторжникъ.

Лежалъ онъ, блѣдный и больной,
Съ своею каторжною цѣпью.
А день сіялъ, дышалъ весной
Надъ зеленѣющею степью.

Къ далекимъ пріискамъ легла
Широкой лентою дорога,
А тамъ, за ней — туманъ и мгла
Въ стѣнахъ плѣснѣющихъ острога.

Не ждетъ суровый часовой:
„Вставай скорѣе, шутъ кандальный!“
И вспомнилъ каторжникъ больной
Забытый міръ и городъ дальній;

И яркимъ маревомъ объятъ,
Какъ будто не было разлуки,
Опять онъ видитъ милый взглядъ,
Друзей протянутыя руки.

Широкихъ улицъ длинный строй
И жизнь, кипящую разладомъ,
Но гонитъ грезы часовой
И бьетъ колодника прикладомъ.

— „Вставай, варнакъ!“ — и онъ встаетъ,
И, чуть дыша, зеленой степью
Къ далекимъ пріискамъ идетъ,
Гремя заржавѣвшею цѣпью.

И. С. Никитинъ.

Хозяинъ.

Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откорменъ на диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай—Господи пожить;
Широкоплечъ, — какъ клюква, красенъ,
Казной отъ бѣдъ обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,

Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругомъ....
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
И кулакомъ объ столъ стучитъ.
— „И выпью!... кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью... самъ чортъ не запретитъ!
Пей, Марья!...“ — То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платье обѣщалъ...
— И кончено! Сказалъ — и ладно,
Будетъ такъ, какъ я сказалъ!
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта —
И все... вотъ выпрягу коня
И прогуляю до разсвѣта,
И баста! Обними меня!“
Вода шумитъ — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горитъ.
Но даль темна и молчалива.
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользитъ по листьямъ лозняка.
Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною стопой.
Ужъ поздно. Свѣчка догорѣла,

Больной лежитъ и смерти ждетъ,
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты.
Такъ, освѣщенные зарею
Въ замолкшемъ надолго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь —
И радость навѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если бъ раньше ты пришла, —
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вьетъ свои,
И вѣетъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго. —
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежитъ больной, лицо печально,
И будто тѣнью лобъ покрытъ;
Такъ лѣтомъ, только озаритъ
Румяной зорьки лучъ прощальный,
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и теменъ лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,

Облокотясь на столъ рукой;
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца — этотъ рай земной —
Все унесло, умчало горе,
Какъ бурный вѣтръ уноситъ пыль,
Когда въ степи шумитъ ковыль,
Шумитъ взволнованный какъ море,
И догораетъ вся до-тла
Грозой зажженная ветла.
Плачь, бѣдное созданье!
И не слезами, — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачъ.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба!
Ты жизнь убила, какъ раба,
И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено, —
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! Сгубилъ тебя запой!
Твоя слеза на кровь походитъ...
Плачь больше! Въ воздухѣ чума!
Любимый сынъ въ могилу сходитъ,
Другой давно сошелъ съ ума.

Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
Правой рукою взадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ, и пѣсню поетъ:
„На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ...
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!...“
Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками,
И плачетъ горькими слезами:
„Больно мнѣ! больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка, полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать!
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой горитъ!
Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ:
Сказать хотѣлъ онъ:
— Дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы

Дождаться мира въ часъ кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна,
Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И, догорающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути
Хоть точку свѣтлую найти —
И не сыскалъ.
Такъ въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродитъ,
И влаги капли не находитъ
И падаетъ, едва живой,
На землю, съ болью головной...
— „Ну, отпирай! заснули скоро!“
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,

Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
И плаха съ топоромъ лежитъ!
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ, —
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ.

И. С. Никитинъ.

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что-же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна...

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная, —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается . . .
Тише! . . . О жизни покончень вопросъ —
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ.

И. С. Никитинъ.

Ссора.

„Не пора-ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей —
Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно;
Словно въ трубы трубятъ: что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
Чай, опять загулялъ съ бурлаками.
И сердечко въ груди закипитъ, закипитъ,
И вздохнувши, зальешься слезами!“
— Не дурачь ты меня, — мужъ женѣ отвѣчалъ. —
Я не первый денекъ тебя знаю:
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ,
И теперь ни за что пропадаю!
Не вино съ бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю,
И тебя и себя проклинаю!

Ахъ, ты, время мое, золотая пора,
Не видать ужъ тебя вѣрно болѣ! . . .
Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгѣ съ двора
Ѣдемъ рожь убирать свое поле: —
Сбруя вся на заказъ, кони — любо взглянуть,
Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, вожжей шевельнуть, —
Ужъ, голубчики, вихремъ несутся.
Пашешь — пѣсню поешь, косишь — устали нѣтъ;
Придетъ праздникъ — помолишься Богу,
По деревнѣ идешь — и почетъ и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь . . . Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно не густо;
На тебя поглядишь, — что откуда идетъ! . . .
Что ни праздникъ, — иная обновка . . .
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится . . . что-то неловко . . .
„Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ ходить?“
Покраснѣвши жена отвѣчала. —
„Кажись, было на что мнѣ обновки купить:
Я вѣдь цѣлую зимушку пряла,
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь онъ рѣчи какія заводитъ! . . .
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ-то онучи не стоитъ!“
— Поистерся немного — не всѣмъ щеголять! . . .

Бѣдняку, что Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей то по платью встрѣчать?
Сосѣдъ ходитъ не даромъ нарядно. —
„Ахъ, родные мои, — закричала жена, —
Ужъ и гостя привѣтить нѣтъ воли!
Ну, хорошъ муженекъ, хороши времена;
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Да вотъ на-ка тебѣ! Не по твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!“
— Коли такъ, ну и такъ! — мужъ женѣ
отвѣчалъ. —
Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда попробовать можно...
Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда...
„Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь! —
Жена, съ лавки вскочивши, сказала, —
Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...“
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ,
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ — вотъ онъ — идетъ,
Шляпа на бокъ, халатъ на распашку,

Отъ коневьихъ сапогъ чистымъ дегтемъ несетъ,
И застегнута лентой рубашка.
„Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ, братъ, носъ? —
Аль запала въ головушку дума?“
— Видишь, бойкій какой! А ты что мнѣ за спросъ? . . .
Пантелей ему молвилъ угрюмо.
„Что такъ больно сердитъ? Знать, болитъ голова
Или просто некстати зазнался? . . .“
Пантелей второпяхъ засучивъ рукава,
Исподлобья кругомъ озирался . . .
— Эхъ, была, не была! . . . Ну, держися, дружокъ! . . .
И мужикъ во всю мочь развернулся,
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ бѣднякъ — протянулся . . .
Ввечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабакѣ,
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

И. С. Никитинъ.

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается;
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая —

Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за—полночь,
Гибнетъ она, — и никто нейдетъ на помочь;
Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса . . .,
Теплаго сердца, знакомаго голоса . . .
Горькій полынь — эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещитъ и воетъ вьюга;
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растетъ сугробъ.
И, молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита.
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ . . .
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ;
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ:
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:

Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ;
Его посѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный, — все не радость:
Жена недолго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она;
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
Иль, молча, спицами звенитъ,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все груститъ, и все груститъ.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши;
Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ;
Его глаза глядятъ безъ цѣли;
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца...

„Что-жъ ты не спишь?“ она сказала.
— Такъ, скучно! Хоть бы разсвѣло . . .
Ты не озябла? — „Мнѣ тепло . . .“
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣть иль воромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда итти? Кого просить? . . .
Иль самого себя убить? . . .
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ,
Дочь посинѣла и дрожитъ . . .
Хотѣлъ заплакать, — слезъ не стало . . .
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ, — на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было . . .
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло . . .
И, наконецъ, онъ шапку снялъ:
„Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ, вотъ въ сторонѣ,
Могилу приготовить мнѣ?“
— Ого! — могильщикъ улыбнулся,
Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь, — зароютъ, не грусти . . .

Грѣшно болтать-то безъ пути...
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю,
Вѣдь, дочь-то, дочь моя больна;
Куда просить пойдетъ она?...
Кого?... Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... Я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!...
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко. —
„Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно, — нужда!“
— Пожалуй, вырыть не бѣда.

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „Полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь,
И чай налитъ: онъ есть теперь,
И есть дрова, и хлѣба много, —
Все дали люди. Встань, родной!“
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...“
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

Н. И. Огаревъ.

Изъ „Монологовъ“.

Чего хочу? . . . Чего? . . . О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что, кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности, затерянным созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ . . .
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей волѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ;
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ.
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить — отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать.
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,

За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!.. Чего? О! Такъ желаній много.
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что, кажется, порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Н. И. Огаревъ.

Ночь.

Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши
Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся какъ тѣни;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ нѣтъ:
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Что жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ;
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

* * *

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,

Ни губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки,
И чудная мечта нашептываетъ сказки.
Но тщетно все! . . . отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи . . .
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ
И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась.
Хозяинъ умеръ — пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

Н. И. Огаревъ.

Старый домъ.

Старый домъ, старый другъ! Посѣтилъ я,
Наконецъ, въ запустѣньи тебя, —
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.
Дворъ лежалъ предо мной неметеный
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый —
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.
Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила

И все плакала, глядя на домъ.
Я вошелъ. Тѣ же комнаты были —
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили —
Насъ страшилъ его черствый языкъ.
Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой;
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.
Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.
Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ . . .
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.
И мнѣ страшно вдругъ стало . . . Дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ!

А. Н. Плещеевъ.

Молитва.

О, Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый;
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я,
И въ немъ я ощупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его — не знаю.

Въ изнеможенья скорбный часъ,
Простри спасительныя руки,
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озаренъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о, Боже, голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой
Пойду я вновь — и безъ возврата!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

(Изъ Гейне.)

Если хочешь ты, чтобъ мирно,
Ясно дни твои летѣли,
Брось тревожные вопросы
И возвышенныя цѣли.

Пусть орлы парятъ высоко,
Гдѣ-то тамъ, подъ облаками, —
Что тебѣ до нихъ! По-волчьи
Вой себѣ, живя съ волками.

Вѣрь: гораздо ближе къ дѣлу —
Отложивъ пустыя бредни
О воздушныхъ этихъ замкахъ —
Постоять часокъ въ передней.

Чаще льстить тому, кто силенъ
(Но не грубо, льстить съ умѣньемъ),
Чѣмъ безъ проку на неправду
Нападать съ ожесточеньемъ.

Не гнушайся дураками:
Это сила — въ наше время;
Ты насмѣшкой не убавишь
Ихъ плодящееся племя.

Слушай вздоръ ихъ терпѣливо;
Въ люди выскочить поможетъ
Кто-нибудь изъ нихъ, пожалуй, —
А нагадить всякій можетъ.

Чтобъ бѣды такой не вышло,
Дипломата изрѣченью
Вѣренъ будь: „Не поддавайся
Сердца первому движенью!“

Брось мечты о благѣ ближнихъ,
Семьяниномъ будь примѣрнымъ:
И жену и ребятишекъ
Обезпечь доходомъ вѣрнымъ . . .

И твой вѣкъ пройдетъ счастливо.
А покинешь міръ нашъ бренный,
Скажутъ всѣ, идя за гробомъ:
„Вотъ скончался мужъ почтенный!

Слишкомъ былъ хорошъ для міра,
Потому и взятъ онъ Богомъ“ —
И почтятъ тебя, быть можетъ,
Даже въ прессѣ некрологомъ.

А. Н. Плещеевъ.

* *
*

О, если бъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходятъ дни мои въ волненіяхъ безплодныхъ!

Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый;
Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ, зарылъ какъ рабъ лѣнивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умѣнье:
На что же тратилъ я священный сердца жаръ?
Упорно ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья?

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О, больно, больно мнѣ! Скорбитъ душа моя;
Казнитъ меня палачъ неумолимый — совѣсть
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда безплодной жизни повѣсть.

А. Н. Плещеевъ.

Юдоль плача.

(Изъ Гейне.)

Уныло въ трубахъ раздаются
Ночного вѣтра завыванья . . .
На чердакѣ, блѣдны и тощи,
Лежатъ два бѣдныя созданья.

И говоритъ одно: „Рукою
Обвей мнѣ крѣпче шею,
Къ устамъ моимъ прильни устами,
Согрѣй меня, я холодѣю.“

И говоритъ другое: „Если
Любовь въ твоемъ мнѣ свѣтитъ взорѣ,
Я забываю стужу, голодъ
И все свое земное горе.“

Они другъ другу жали руки,
И цѣловались, и рыдали . . .
Порой смѣялись, пѣсню пѣли,
И вдругъ затихли, замолчали.

Явился утромъ полицейскій,
И съ нимъ хирургъ, здоровый малый, —
Для подтвержденья, что на свѣтѣ
Двухъ бѣдняковъ еще не стало.

И объявилъ хирургъ, что холодъ —
Въ соединеньи съ пустотою
Желудка — смерти ихъ считаетъ
Онъ несомнѣнною виною.

— Изъ байки нужны одѣяла,
Прибавилъ онъ! — Зима сурова.
Потомъ сказалъ, что пища также
Сытна должна быть и здорова.

Я. П. Полонскій.

Казимиръ Великій.

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
Нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казимиръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой, веселою женой.

Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
Позвонки бренчатъ на хомутахъ;
Впереди, на всемъ скаку, не видно,
Кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ;

Позади, въ саняхъ несется свита...
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ собачьи морды,
Свѣсилась оленья голова...

Казимиръ на пиръ спѣшитъ съ охоты;
Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино.

Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
На морозѣ дышитъ горячо; —
Королева съ ласкою склонилась
На его могучее плечо...

— Что съ тобою, государь мой?! другъ мой?!
У тебя такой сердитый видъ...
Иль ты охотой недоволенъ?
Иль мною? — на меня сердитъ?...

— „Хороши мы“ — молвилъ онъ съ досадой —
„Хороши мы! Голодаетъ край,
Хлопы мрутъ, — а мы и не слыхали,
Что у насъ въ краю неурожай!...

Погляди-ка, ѣдетъ-ли за нами
Тотъ гусляръ, что встрѣтили мы тамъ...
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
То, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ!...“

Мчатся кони: рѣзче раздается
Звукъ роговъ и топотъ, — и встаетъ
Надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы;
Музыка и пиръ идетъ горой:
Казимиръ сидитъ въ полукафтанѣ,
Подпираетъ бороду рукой.

Борода впередъ выходитъ клиномъ,
Волосы подстрижены въ кружокъ.
Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ,
Въ золотой оправѣ — турій рогъ;

Позади, — въ чешуйчатыхъ кольчугахъ,
Стражниковъ колеблющійся строй...
Надъ его бровями дума бродитъ,
Точно тѣнь отъ тучи грозовой.

Утомилась пляской королева, —
Дышитъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка:
— Государь мой, веселѣе будь! . . .

„Гусляра вели позвать, покуда
Гости не успѣли задремать.“ —
И къ гостямъ идетъ она, и гости:
— „Гусляра, кричатъ, скорѣй позвать!“

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы,
И венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.

А у ногъ хозяйки-королевы —
Не на табуретахъ и скамьяхъ —
На ступенькахъ трона сѣли панны
Съ розовой усмѣшкой на устахъ.

Ждутъ — и вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной,
Изъ народа вызванный гусляръ.

Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.

Низко передъ царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой.

Правою подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ...,
— „Начинай!“ — и дрогнувшіе пальцы
Звонко пробѣжали по струнамъ.

Подмигнулъ король своей супругѣ,
Гости брови подняли... гусляръ
Затянулъ про славные походы
На сосѣдей, — нѣмцевъ и татаръ...

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat!“ огласили залъ;
Только круль махнулъ рукой, нахмурясь;
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

— Пой другую!“ — и потупивъ очи,
Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
Молодость и чары королевы
И любовь — щедротъ ея вѣнецъ.

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat!“ огласили залъ...
Только круль сердито сдвинулъ брови:
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

„Каждый шляхтичъ, — молвилъ онъ, — поетъ ихъ
На ухо возлюбленной своей:
Спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
Лѣсника, та будетъ поновѣй...

— Да не бойся!“ — Но гусляръ, какъ-будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:

„Ой, вы, холопы, ой, вы, Божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ, —
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ
И, кого ни встрѣтитъ, — валитъ съ ногъ.

Продаетъ за пудъ муки корову
Продаетъ послѣдняго конька...
Ой, не плачь, родная по ребенкѣ! —
Грудь твоя давно безъ молока.

Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ! —
По веснѣ, авось, помрешь и ты...
Ужъ растутъ, — должно быть къ урожаю, —
На кладбищахъ новые кресты...

Ужъ на хлѣбъ, — должно быть къ урожаю, —
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...
Только паны потираютъ руки:
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ...“

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
„Правда-ли?!“ вдругъ вскрикнулъ Казимиръ,
И привсталъ, и, въ гнѣвѣ, весь багровый,
Озираетъ онѣмѣвшій пиръ.

Поднялись.. дрожатъ.. блѣднѣютъ гости.
„Что-же вы не славите пѣвца?!
Божья правда шла съ нимъ изъ народа —
И дошла до нашего лица...

Завтра-же, въ подрывъ корысти вашей,
Я мои амбары отопру...
Вы.. лжецы! глядите: я король вашъ,
Кланяюсь, за правду, гусляру...“

И пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казимиръ, — и пиръ его притихъ...
„Хлопскій круль!“ въ сѣняхъ бормочутъ паны..
„Хлопскій круль!“ лепечутъ жены ихъ.

Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
Ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ —
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

Я. П. Полонскій.

Кузнечикъ музыкантъ.

(Отрывки.)

Пѣснь I.

Не сверчка нахала, что̀ скрипитъ у печекъ,
Я пою: герой мой — полевой кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый:
Тонконогій, тощій и широколобый,
Былъ онъ, сущій геній — даръ имѣлъ особый;
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ...

Въ самый жаръ, въ Петровки, около полудня,
Мой герой, кузнечикъ, понаѣвшись студня,
То-есть за обѣдомъ, начинивъ желудокъ,
Вышелъ насладиться видомъ незабудокъ
И, вдыхая запахъ алаго горошка,
Легъ, прищуря глазки, — и мечталъ немножко.
Много пролетало мимо насѣкомыхъ, —

Осъ, шмелей сердитыхъ — трубачей знакомыхъ, —
Съ разными вѣстями... Ни къ кому съ вопросомъ
Онъ не обратился. Все, что передъ носомъ
У него вертѣлось, ползало, жужжало —
Было чуждо сердцу, — и не занимало...
Моему герою вѣрно бы вздремнулось,
Какъ и вамъ, читатель, если-бъ не взгрустнулось.

Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣнье,
Бабочка-такая, что мое почтенье!
Бѣлизны жемчужной крылышки съ каемкой,
Глазки-изумрудны, носикъ нѣжный, тонкій,
Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ...
Увидалъ кузнечикъ — затряслись въ немъ жилки..
Бабочка все ниже и такъ близко вьется,
Что невольно сердце у артиста бьется.
Бабочка, — не знаю, видѣла-ль бѣдняжку
Или не видала — только кушать кашку
Сѣла — и, конечно, ничего не съѣла.
„Ахъ!“ она сказала: „еслибъ я умѣла
Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный
Всѣмъ артистъ-кузнечикъ! — Если бы небесный
Голосъ я имѣла, — какъ бы я запѣла!
О, какъ я бездарна, о, какъ я...“
— Напрасно...
Перебилъ кузнечикъ... (Онъ влюбился страстно
Въ милую болтунью).
Бабочка украдкой
На него взглянула:
„Ахъ, какой онъ гадкій!“

Думаетъ . . Однакожъ, улыбнулась мило,
Подняла свой носикъ и проговорила:
„Отчего-жъ напрасно?“
— Отчего! . . . —
Смѣшался
Мой артистъ, однако, рекомендовался.
„Очень, очень рада!“ — молвила кокетка,
(Бабочки бываютъ безъ кокетства рѣдко),
„Очень рада! очень! Звуки вашей скрипки
Часто долетаютъ даже къ намъ подъ Липки.“
Покраснѣлъ кузнечикъ, началъ завираться,
Умоляя гостью чаще съ нимъ видаться.
Бабочка вспорхнула и, не давши слова
Прилетѣть вторично, прилетѣла снова
И заговорила:
„Даже въ свѣтѣ знаютъ,
Что большой вы геній, — всѣ васъ изучаютъ . . .
Только я къ вамъ съ просьбой; сдѣлайте такую
Божескую милость, — напишите злую,
Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
Бабочку кокетку, что недавно въ сѣтку
Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
Эти братцы также преболыпіе фаты, —
И воображаютъ, что они богаты!
Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
Музыку, — такую . . . самую смѣшную.“

Упорхнула гостья, — а кузнечикъ бѣдный
Такъ былъ озадаченъ, что нѣмой и блѣдный,
Шелъ онъ, глядя въ землю, (такъ, видалъ я, въ воду

Сунувшись, мальчишки ищутъ въ рѣчкѣ броду),
Шелъ, повѣся носъ свой, чуть переступая
Длинными ногами и соображая:
Тьфу! Да какъ же это? — развѣ эпиграммы
Можно класть на ноты? Ахъ, какъ глупы дамы!
Шелъ онъ, шелъ, и бредилъ: то ему казалось,
Что она хитрила и надъ нимъ смѣялась;
То воображалъ онъ, что Сильфида эта
Захотѣла только испытать поэта
И ему такую задала задачу,
Что хоть плачь!
— Однакожъ, что-жъ я время трачу!
Думаетъ кузнечикъ: развѣ не сумѣю
Я въ смѣшномъ и жалкомъ — отразить идею.
И съ такимъ рѣшеньемъ за работу смѣло
Принялся онъ: мигомъ закипѣло дѣло —
И слова, и звуки. — Хоть и не бывалъ онъ
Въ обществѣ Жоржъ-Занда, — вотъ что написалъ
онъ:
„Къ мальчику подъ сѣтку бабочка попалась, —
„Краски полиняли, крылышко помялось.
„Если врагъ лукавый разставляетъ сѣти,
„Кто въ нихъ попадаетъ? — попадаютъ дѣти.
„Боже! отчего же за поступокъ дѣтскій
„Ихъ казнитъ такъ страшно судъ великосвѣтскій?“
Кончено!
И началъ сочинять онъ ноты,
И усталъ онъ, бѣдный, отъ такой работы.
Но любовь всесильна! Оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ — и начать пиликать.

Я. П. Полонскій.

Гаданье.

— Подойди ко мнѣ, старушка,
Я давно тебя ждала. —
И косматая въ лохмотьяхъ
Къ ней цыганка подошла.
— Я скажу тебѣ всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляетъ обмануть...

И она въ открытомъ полѣ
Сорвала себѣ цвѣтокъ,
И лепечетъ, обрывая
Каждый бѣлый лепестокъ:
— Любитъ — нѣтъ — не любитъ — любитъ.
Да, — сказалъ цвѣтокъ ей томнымъ,
Сердцу внятнымъ языкомъ.

На устахъ ея — улыбка,
Въ сердцѣ — слезы и гроза;
Съ упоеніемъ и грустью
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу, — и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все такъ-же грустно;
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами

Припадая, говоритъ:
Берегись меня! — Я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю! . . .

Я. П. Полонскій.

Ночь смотритъ тысячами глазъ.

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ;
Но солнца нѣтъ, — и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ . . .

Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви, — и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ . . .

Я. П. Полонскій.

Орелъ и змѣя.

На горахъ подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ: — изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается,
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.

У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное...
— „Высоко ты, змѣя, забираешься!“
Молвилъ онъ, „будешь плакать, —
раскаешься!“...

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
„Изъ-подъ камня горючаго
„Я давно тебя въ небѣ замѣтила,
„И тебя полюбила, могучаго...
„Не пугай меня злыми угрозами,
„Нѣтъ! — бери меня въ когти желѣзные,
„Познакомь меня съ темными грозами,
„Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя.“

Засвѣтилися глазки змѣиныя
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному, —
Распахнулися крылья орлиныя, —
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному...

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное...
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася...
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя...
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
Вдругъ, —
Змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилося,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ подъ гранитной разсѣлиной.

Я. П. Полонскій.

Поцѣлуй.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я недаромъ такъ жарко цѣлую тебя, —

Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти, — былъ робокъ и нѣмъ,
И за ту, что меня обожгла безъ огня
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да убитая спитъ подъ могильнымъ крестомъ.

Все, что̀ въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догорая, пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ.

Я. П. Полонскій.

Пѣсня цыганки.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ — и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

Я. П. Полонскій.

Молитва.

Отче нашъ! сына моленью внемли!
Все-проникающую,
Все-созидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ святый! правды источникъ живой!
Дай силу страждущему!
Разуму жаждущему
Ты вожделѣнныя тайны открой!

Боже! спаси Ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

Я. П. Полонскій.

Ночь.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!

Что̀ мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!

Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ? —
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой?

Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души,
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ, —
Все, что жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши?

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что страдая, любуюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

Я. П. Полонскій.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я,
Что я боюсь — она не отзовется
Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
Опять въ душѣ моей проснется!
Другъ! разрушать мечты ужъ я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
Не въ первый разъ мнѣ суждено
Быть самому себѣ тираномъ.
Но.. если я любимъ.. но если съ первыхъ словъ
Она сама мнѣ бросится на шею!..
Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?

Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто пріученъ людьми не вѣрить ихъ участью,
Кто къ лицемѣрію привыкъ, —
Тому нужна привычка къ счастью.
Такъ, если бъ грѣшнику нежданно отворенъ
Былъ рай небесный, — долго бъ онъ
Не могъ войти въ него, растерянъ и смущенъ,
Измученной душой какъ бы не довѣряя
Гостепріимной сѣни рая.

П. Порфировъ.

Послѣднее письмо.

Вчера твое письмо — хорошее, простое —
Прочелъ съ волненьемъ я, прочелъ наединѣ.
Покой души смущенъ, но — каюся — во мнѣ.
Не пробудилося счастливое былое...
О, если-бы тогда, когда въ груди моей
Кипѣлъ огонь любви порывистой и знойной,
Такъ написала ты, — счастливый, безпокойный,
Я грезилъ-бы всю ночь надъ вѣсточкой твоей.
Теперь — съ тоской слѣжу въ письмѣ за словомъ слово.
„Прости! Забудь меня! не вспоминай былого!...“

Такъ осенью, когда повсюду тишь и сонъ,
Нѣтъ пѣсенъ, даль чиста, холодная, нѣмая, —
Вдругъ пташка поздняя, куда-то пролетая,

Надъ лѣсомъ запоетъ... И чуткій, пробужденъ,
Какъ бѣдный лѣсъ груститъ, что пѣснію безплодной
Развѣянъ сонъ его, спокойный и холодный...
„Зачѣмъ," промолвитъ онъ: „нарушенъ мой покой?"
Зачѣмъ поешь о томъ, чему не воротиться?..."
Промолвитъ и — уснетъ, чтобъ съ первою весной
Для радостей любви, для пѣсенъ пробудиться.

С. В. Потресовъ.

* * *

Когда нянюшка, бывало,
На колѣняхъ усыпляла
Юнаго меня —
Безъ конца старушка врала:
Чинъ сулила генерала,
Стройнаго коня.
Про красотокъ говорила,
И всегда такъ выходило,
Что красавицъ рой
Мною страстно увлекался
И въ любви мнѣ признавался
Съ милой простотой...
Годы мчались, какъ въ туманѣ...
Вопреки сказаньямъ няни,
Я не генералъ.
Никого не покоряю
И, по милой изнывая,
Самъ къ ней въ плѣнъ попалъ..

Гдѣ-жъ ты, няня? Какъ бывало,
Ты бы снова укачала,
Бѣднаго меня,
Снова-бъ сказкой обманула...
Можетъ, сердце-бъ и уснуло,
Горе схороня...
Но давно ужъ на погостѣ
Отдыхаютъ няни кости,
Конченъ бѣдной путь.
Кто-жъ поплачетъ надо мною,
Сможетъ сердце мнѣ больное
Сказкой обмануть?

С. В. Потресовъ.

Яблоня.

Полная силъ, ароматная, нѣжная
Яблоня въ нашемъ саду расцвѣла.
Словно невѣста, фатой бѣлоснѣжною
Скромно покрылась и ласки ждала.
Снились ей солнца лобзанія знойныя,
Душная ночь!.. тишина... соловей...
Грезы неясныя, сны безпокойные
Тихо кружились, витали надъ ней...

Вдругъ, колыхая крылами могучими,
Вѣтеръ, соперникъ ревнивый и злой,
Небо задернулъ свинцовыми тучами,
Чтобъ не пробрался къ ней лучъ золотой.
Пѣлъ онъ красавицѣ пѣсни побѣдныя,

Бѣшено плакалъ, метался, молилъ,
И лепестки ароматные, блѣдные,
Съ хохотомъ злобнымъ срывалъ и кружилъ.

— Будешь моею! — шепталъ, задыхаясь, —
Стану я нѣжить, какъ юный зефиръ,
Буду я пѣть тебѣ, тихо ласкаясь,
Сказки про чудный, плѣнительный міръ...
Я пролетаю равнины безводныя,
Пышныя нивы, пространство морей.
Южныя страны и страны холодныя
Я покажу тебѣ въ пѣснѣ своей!
Я принесу тебѣ сны лучезарные,
Бабочекъ пестрыхъ, прохладу степей, —
Небо и воды, и тучки янтарныя
Будутъ завидовать милой моей!
Громче и громче мольба разросталася,
Яблоню звуки томили и жгли.
Ниже и ниже она наклонялася,
Полная нѣги, до самой земли...
Ночь протекла безпокойная, бурная...!
Къ утру порывистый вѣтеръ утихъ.
Тучи умчались, и небо лазурное
Кротко сіяло въ лучахъ золотыхъ;
Птичка въ кустахъ шаловливо смѣялася,
Все отдыхало подъ лаской лучей...
Стройная яблоня только сломалася,
Слезы — росинки дрожали на ней...

К. Прутковъ.

Помѣщикъ и трава.

(Басня.)

На родину со службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всемъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: „Друзья, межъ нами связь —
Залогъ утѣхи!
Пойдемте же мои осматривать поля!“ —
И, преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно...
— „Что жь здѣсь мое?“ — Да все, — отвѣтилъ голова: —
Вотъ тимофеева трава...
— „Мошенникъ!“ тотъ вскричалъ: „ты поступилъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю,
Но эту возвратить, немедля, Тимофею!“
Оказія сія, по мнѣ, ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь, — но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

К. Прутковъ.

Нѣмецкая баллада.

Баронъ фонъ-Гринвальусъ
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралахъ и латахъ,
На камнѣ предъ замкомъ,

Предъ замкомъ Амальи,
Сидитъ принахмурясь;
Сидитъ и молчитъ.
Отвергла Амалья
Баронову руку!
Баронъ фонъ-Гринвальусъ
Отъ замковыхъ оконъ
Очей не отводитъ,
И съ мѣста не сходитъ;
Не пьетъ и не ѣстъ.
Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ!
Баронъ фонъ-Гринвальусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той-же позицьи
На камнѣ сидитъ.

К. Прутковъ.

Древней греческой старухѣ.

Отстань, беззубая!... твои противны ласки!
Съ морщинъ безчисленныхъ искуственныя краски,
Какъ известь, сыплются и падаютъ на грудь...
Припомни близкій Стиксъ, и страсти позабудь!
Козлинымъ голосомъ не оскорбляя слуха,
Замолкни фурія!... Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергаментъ желтыхъ плечъ
И шею, коею ты мнишь меня привлечь!

Разувшись, на руки надѣнь свои сандальи;
А ноги спрячь отъ насъ куда-нибудь подалѣй! . . .
Сожженной въ порошекъ, тебѣ бы ужъ давно
Во урнѣ глиняной покоиться должно.

К. Прутковъ.

Память прошлаго.

(Какъ будто изъ Гейне.)

Помню я тебя ребенкомъ,
Скоро будетъ сорокъ лѣтъ;
Твой передничекъ измятый,
Твой затянутый корсетъ . . .

Было въ немъ тебѣ неловко . . .
Ты сказала мнѣ тайкомъ:
„Распусти корсетъ мнѣ сзади;
Не могу я бѣгать въ немъ.

Весь исполненный волненья,
Я корсетъ твой развязалъ . . .
Ты со смѣхомъ убѣжала,
Я жъ задумчиво стоялъ.

К. Прутковъ.

Незабудки и запятки.

(Басня.)

Трясясь Пахомычъ на запяткахъ,
Пукъ незабудокъ везъ съ собой;
Мозоли натеревъ на пяткахъ,
Лечилъ ихъ дома камфорой.
Читатель! въ баснѣ сей откинувъ незабудки,

Здѣсь помѣщенныя для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будутъ у тебя мозоли,
Такъ, чтобъ извавиться отъ боли,
Ты, какъ Пахомычъ нашъ, ихъ камфорой лечи.

А. С. Пушкинъ.

Бахчисарайскій Фонтанъ.

(Отрывокъ.)

..... Я шла къ тебѣ;
Спаси меня; въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.
Родилась я не здѣсь, далеко.
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы,
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...
Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ тѣни гарема расцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьи
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньи,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньи,
Дышали счастьемъ; и не разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты приступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;

Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья,
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ,
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна . . .
Я плачу, видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея! . . .
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его,
Клянись . . . (Хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя.) Клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею . . .
Но слушай: если я должна
Тебѣ . . . кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.“

А. С. Пушкинъ.

Погасло дневное свѣтило.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь:
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ...
И вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній
Я васъ бѣжалъ, — отечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной радости минутные друзья,
И вы наперсницы, порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя, моей весны, златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

А. С. Пушкинъ.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ.
Колокольчикъ однозвучно
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.
Ни огня, ни черной хаты...

Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный путь свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не, разлучитъ.
Грустно, Нина! Путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ...

А. С. Пушкинъ.

Деревня.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность, вольную подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной — подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда!
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца, въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньѣ величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ,
Не видя слезъ; не внемля стона.
На пагубу людей, избранное судьбой,

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ:
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манiи царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

А. С. Пушкинъ.

Споръ (1841).

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою[1])
Былъ великiй споръ.

---

[1]) Эльбрусъ.

„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.“

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ-тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари — орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ —
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,

У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —
„Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ-боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на-брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

А. С. Пушкинъ.

Анчаръ.

(Древо яда.)

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила;
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.
И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ!
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ:
Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами, —
И потъ по бѣлому челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки, —
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

А. С. Пушкинъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы,
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи

Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.“

А. С. Пушкинъ. 1830.

* * *

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ; увы, гдѣ неба своды,
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
А съ ними поцѣлуй свиданья...
Но жду его; онъ за тобой!

А. С. Пушкинъ.

Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя, тятя, наши сѣти
Притащили мертвеца!“
— „Врите, врите, бѣсенята“,
Заворчалъ на нихъ отецъ.
„Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ, ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?“ „Вотъ, тятя, эвотъ!“

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно, трупъ ужасный,
Посинѣлъ и весь распухъ:
Горемыка-ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ? —
Мужику какое дѣло:
Озираясь, онъ спѣшитъ
И потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой.
Проводивъ его глазами
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте,
Будетъ вамъ по калачу,
Но смотрите-жъ, — не болтайте!
А не то — поколочу.“
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла

Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ — хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ...
Буря воетъ. Вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
„Кто тамъ?“ „Эй, впусти, хозяинъ!“
„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь Каинъ?!
Чертъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою —
Дома тѣсно и темно...“
И лѣнивою рукою
Поднимаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится,
„Что-же?“ — голый передъ нимъ,
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И, въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились...
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ
Такъ и обмеръ: „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались
Трясся ночь онъ напролетъ;
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:

Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры, мужикъ несчастный,
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

А. С. Пушкинъ.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна —
Что-же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжанье
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?

Сердцу будетъ веселѣй!
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То, какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

А. С. Пушкинъ.

Золото и булатъ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

А. С. Пушкинъ.

Роза.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза
Дитя зари.
Не говори!
Такъ вянетъ младость!

Не говори!
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется унынie одно.

Д. М. Ратгаузъ.

Вѣянье прошлаго.

Ты-ли это, другъ мой нѣжный,
Въ дуновеньѣ ароматномъ
Надъ душой моей мятежной
Вѣешь счастьемъ невозвратнымъ?

Я не знаю, что со мною....
Но въ груди такъ сердце бьется....
Надъ усталой головою
Что-то радостное вьется....

Тихо льются чьи-то рѣчи
Съ безконечною любовью....
Чьи-то мраморныя плечи
Приникаютъ къ изголовью.

Чьи-то свѣтятся мнѣ очи....
На устахъ горятъ лобзанья,
И въ тиши безмолвной ночи
Чьи-то носятся признанья....

Другъ далекій, другъ мой нѣжный!
Ты-ли, съ силой непонятной,
Надъ душой моей мятежной
Вѣешь лаской невозвратной?

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки.
Съ тихой пѣсней проплыли домой рыбаки.
Солнца лучъ золотой за рѣкой догоралъ....
И тебѣ я тогда ничего не сказалъ.

Загремѣло вдали.... Надвигалась гроза....
По рѣсницамъ твоимъ покатилась слеза....
И съ безумнымъ рыданьемъ къ тебѣ я припалъ...
И тебѣ ничего, ничего не сказалъ.

И теперь, въ эти дни я, какъ прежде, одинъ,
Ужъ не жду ничего отъ грядущихъ годинъ...
Въ сердцѣ жизненный звукъ ужъ давно отзвучалъ..
Ахъ, зачѣмъ я тебѣ ничего не сказалъ!

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Снова, какъ прежде одинъ,
Снова объятъ я тоской,
Смотрится тополь въ окно
Весь озаренный луной....
Смотрится тополь въ окно,
Шепчутъ о чемъ-то листы....
Въ звѣздахъ горятъ небеса....
Гдѣ теперь, милая, ты?
Все, что творится со мной,
Я передать не берусь...
Другъ! помолись за меня, —
Я за тебя ужъ молюсь....

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Снова сонъ на усталыя очи нейдетъ,
Я одинъ, — но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.
Замираетъ душа, очарованный слухъ
Ловитъ звуки знакомыхъ рѣчей...
То не ты ли, желанный, невѣдомый другъ,

Греза дѣтскихъ, умчавшихся дней?
То не ты ли, къ кому тщетно рвусь я всегда
И къ кому я взываю душой! —
О, подруга души! то не ты ль? . . . если да,
То явись поскорѣй предо мной.
Истомилася грудь отъ вседневныхъ тревогъ,
Гаснетъ въ сердцѣ желаній всѣхъ пылъ,
И давно уже мнѣ мой безжалостный рокъ
Всѣ дороги къ блаженству закрылъ.
Догораетъ свѣча. Ночь глухая плыветъ . . .
Я одинъ, — но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.

К. Р.

* * *

Ужъ гасли въ комнатахъ огни . . .
Благоухали розы . . .
Мы сѣли на скамью въ тѣни
Развѣсистой березы.
Мы были молоды съ тобой;
Такъ счастливы мы были
Насъ окружавшею весной;
Такъ горячо любили!
Двурогій мѣсяцъ наводилъ
На насъ свое сіянье;
Я ничего не говорилъ
Боясь прервать молчанье;
Безмолвно синихъ глазъ твоихъ
Ты опускала взоры: —

Краснорѣчивѣй словъ иныхъ
Нѣмые разговоры.
Чего не смѣлъ повѣрить я,
Что въ сердцѣ ты таила,
Все это пѣсня соловья
За насъ договорила.

К. Р.

Розы.

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури;
Безпечно жили мы съ тобой.
Для насъ — цвѣты благоухали,
Луна свѣтила — только намъ:
Лишь мнѣ съ тобою — по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
Въ тѣ беззаботные года,
Не знали мы житейской прозы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!
Тѣ годы минули давно!
Извѣдавъ горя и печали,
Мы много скорби повстрѣчали.
Но унывать, мой другъ, грѣшно!...
Взгляни, какъ Божій міръ прекрасенъ:
Небесный сводъ — глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ тѣнистъ, такъ душистъ,
И теплый день — и тихъ и ясенъ —

Пахнулъ въ растворенную дверь,
Въ цвѣтахъ — росы сіяютъ слезы...
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!
За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Жизнь пронесется вереницей;
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Сойдетъ волшебница-весна,
Засвѣтитъ кроткая луна,
Польется рокотъ соловьиный —
И отдохнемъ мы отъ труда.
Вернутся радости и грёзы....
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

К. Р.

* *
*

На балконѣ цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.
Тихій голосъ въ ушахъ раздавался, —
Но твоихъ я не слышалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.
Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ —
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ яркихъ очахъ.

Не могли бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь.

К. Р.

* * *

Распустилась черемуха въ нашемъ саду,
На сирени — цвѣты благовонные;
Задремали деревья .. Листы, какъ въ бреду,
Съ вѣтромъ щепчутся, словно влюбленные.
А отливы заката, алѣя, горя,
Синеву ужъ румянятъ небесную.
На весну наглядѣться не можетъ заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.
Напоенный душистымъ дыханьемъ березъ,
Воздухъ въ полную грудь такъ и просится,
И волшебныхъ чарующихъ полная грезъ,
Далеко моя пѣсня разносится.

К. Р.

* * *

Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ,
Осыпаются кисти пушистыя...
Ужъ пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ;
Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
Золотитъ ихъ стволы серебристые.
Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
Васильками всю ниву зеленую;

Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ,
И опять незабудками сплошь заростетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.
Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ..
Какъ бы досыта, всласть, грудью жадною
Надышаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
Пока міръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
Усыпленный зимой безотрадною.

К. Р.

Поэту.

Мы рождены для вдохновенья.
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое — лишь сонъ,
Пусть знанье молится кумиру
А лишь науки чтитъ законъ.

Но ты, поэтъ! вѣрь въ жизнь иную,
Тебѣ небесъ открыта дверь:
Вѣрь въ силу творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!

Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что свѣтитъ правдой вѣчной,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь — твое да будетъ знанье:
Проникнись ей — и пѣснь твоя
Въ себѣ включитъ и все страданье,
И все блаженство бытія.

К. Р.

Колыбельная пѣсенка.

Спи въ колыбели нарядной,
Весь въ кружевахъ и шелку,
Спи, мой сынокъ ненаглядный,
Въ тепломъ своемъ уголку.

Въ тихомъ безмолвіи ночи
Съ образа, въ грусти святой,
Божіей Матери очи
Кротко слѣдятъ за тобой.

Сколько участья во взорѣ
Этихъ печальныхъ очей!
Словно имъ вѣдомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время!
Часъ неизбѣжный пробьетъ!
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и заботъ.

Будь-же ты вѣренъ преданьямъ
Доброй, простой старины;
Будь-же всегда упованьемъ
Нашей родной стороны.

Съ вѣрою твердой, слѣпою,
Честно живи ты свой вѣкъ;
Сердцемъ, умомъ и душою
Русскій ты будь человѣкъ.

Пусть тебѣ въ годы сомнѣнья,
Въ пору тревогъ и невзгодъ,
Служитъ примѣромъ терпѣнья
Нашъ православный народъ.

Спи-же! Еще не настали
Годы смятеній и бурь;
Спи-же, не зная печали, —
Глазки, малютка, зажмурь.

Тускло мерцаетъ лампадка
Передъ иконой святой...
Спи-же безпечно и сладко, —
Спи, мой сынокъ дорогой!

Ж. Роденбахъ.

Жизнь комнатъ.

Пусть каждый думаетъ: у комнатъ нѣтъ души, —
Въ нихъ все безмолствуетъ среди недвижныхъ тканей,
О нѣтъ! онѣ живутъ въ таинственной глуши;
Заводятъ съ нами рѣчь, чутъ зыблютъ кругъ мечтаній,
И голоса звучатъ порою въ ихъ тиши!
Есть комнаты, гдѣ все плѣняетъ суетой;
Въ другихъ, съ улыбкою покорной и печальной,
Все дышитъ бѣлизной, глядитъ исповѣдальней,
Пріемной ордена, монашеской, святой;
А въ тѣхъ измѣны слѣдъ, тамъ всюду трауръ мрачный,

Тамъ пеленою слезъ покрыто все прозрачной!
Какъ сестры, комнаты порой ласкаютъ насъ,
Порой встрѣчаютъ насъ недобрыми глазами,
За то, что сонъ зеркалъ мы будимъ всякій разъ.
Мечту Офеліи подъ спящими водами!
Да... жизнью странною всѣ комнаты живутъ,
Перевивая сны съ воспоминаній роемъ,
Что надъ поблекшими портретами цвѣтутъ,
Дыша Офеліи безжизненнымъ покоемъ;
Роняютъ лепестки на зеркала, какъ розы,
Давно забытыхъ дней увянувшія грезы...
Пустыя комнаты завѣтныхъ сновъ полны,
И чуждыхъ суеты земной, святыхъ мечтаній,
И символическихъ тѣней и очертаній!...
На окнахъ тюль — уборъ воздушной бѣлизны,
Уборъ причастницы, вкусившей свѣтъ луны;
Плѣняетъ люстра насъ, какъ блескъ души кристальной,
Вотъ лепестки свои она сжимаетъ вдругъ,
Мгновенно отраженъ мимозою хрустальной
Ей сердце ранившій случайный, легкій звукъ.
Витаютъ въ комнатахъ загадочные сны;
А тамъ, гдѣ царствуетъ въ вещахъ порядокъ чинный,
Лишь кресла зябкія глядятъ средь тишины,
Толпою стариковъ, собравшейся въ гостиной!

А. С. Сафоновъ.

Это было давно ....

Это было давно ... Я не помню, когда это было ...
Пронеслись, какъ видѣнья — и канули въ вѣчность года,
Утомленное сердце о прошломъ теперь позабыло ...
Это было давно ... Я не помню, когда это было,
Можетъ быть — никогда ...
Я не знаю тебя ... послѣ долгой, печальной разлуки
Какъ мнѣ вспомнить твой голосъ, твой взглядъ, очертанья лица,
И ласкавшія нѣкогда, милыя, нѣжныя руки? —
Я не знаю тебя ... послѣ долгой, печальной разлуки,
Послѣ слезъ безъ конца ....
Иногда .... иногда мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю
Въ вихрѣ жизни безумной, въ разгарѣ людской суеты,
Жду тебя и зову, всѣ движенья твои замѣчаю ...
Иногда ... иногда мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю,
Но взгляжусь, — нѣтъ, не ты! ...
Это было давно ... Я не помню, когда это было
Но безсонныя ночи, но думы .... Какъ жутко тогда,
Какъ мнѣ хочется счастья, какъ прошлое близко и мило ....
Это было давно ... Я не помню, когда это было, —
Но со мной ты всегда!

А. С. Сафоновъ.

Кетъ.

Спитъ ... полуоткрыла губки ...
Тише подойду ...
Миренъ сонъ моей голубки
На травѣ, въ саду.

Въ знойный день и розы словно
Въ полуснѣ цвѣтутъ ...
Какъ малютка дышитъ ровно! ...
Какъ ей славно тутъ! ...

Сколько нѣги, сколько лѣни ...
Безмятежна высь ...
Свѣта отблески и тѣни
Въ кружева сплелись ...

Поцѣлую ... Не проснется!
Кэтъ, люблю ... люблю! ...
— Ай! ...
Вскочила — и смѣется:
— „Думаете, сплю?“
Въ чашѣ кустовъ притаилась, плутовка, — смѣется ...
Личико такъ и пылаетъ, а сердце какъ бьется!
Духъ переводитъ, сжимая рученками грудь ...
Вдругъ онъ догонитъ, увидитъ, найдетъ какъ-нибудь!
— Вотъ ты гдѣ, Кэтъ!? Ну, попробуй теперь увернуться!
Вскрикнула, бьется, дрожитъ, — а глазенки смѣются!

Скиталецъ.

* * *

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и остротъ —
Оттого, что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого, что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.
Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды!
Слишкомъ долго шелъ я грязью подъ дождемъ,
Я хочу веселья, я хочу свободы —
Оттого, что былъ я скованнымъ рабомъ!
Я хочу рубиться, мстить съ безумной страстью
Оттого, что долго былъ покоренъ злымъ.
И хочу любви я, и хочу я счастья —
Оттого, что не былъ счастливъ и любимъ.

Скиталецъ.

* * *

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!
Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.
Эхъ, лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Погоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ

Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ
рѣсницъ...
Эй, вы, шире, сторонитесь, — раздавлю!
Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...
Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...
Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки.
Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая,
Тайны нѣжныя, замѣтныя мои!
Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованой дугой.
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.
Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ,
Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Скиталецъ.

Сказка.

Мы вамъ непонятны, мы — витязи моря,
Мы — дѣти таинственной вамъ глубины.
Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ: мы — голосъ волны.

Не знаемъ мы страха — ударъ вашей стали,
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлую вѣчность титаны ковали.
Мы всѣ — закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы — гордыя дѣти царя Океана;
Суровъ онъ и страшенъ въ коронѣ изъ слезъ...

И сквозь изумрудные синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды,
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, луннымъ сіяніемъ ночи,
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы,
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ...
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя...
Мы чужды и странны, мы — витязи моря,
Мы — вольныя дѣти морского царя.

Вл. Соловьевъ.

* *
*

Бѣдный другъ! истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ и вѣнокъ твой измятъ.
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.
Потускнѣлъ, дорогая, закатъ . . .

Гдѣ была и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча къ сердцу прижму я тебя.

Смерть и время царятъ по землѣ, —
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ
Неподвижно лишь солнце любви!

Всев. Соловьевъ.

* *
*

Замело, занесло меня вьюгой ночною,
Утомительный путь безнадежно далекъ —
И одинъ только . . . тамъ, за холодною мглою
То померкнетъ, то вспыхнетъ вдали огонекъ . . .
Для кого онъ? и гдѣ? и зачѣмъ онъ мерцаетъ?
И къ нему ли мой путь одинокій лежитъ? . . .
Но меня онъ влечетъ, и томитъ, и смущаетъ,
Въ этой тьмѣ онъ о жизни одинъ говоритъ . . .

И спѣшу я впередъ занесенной тропою...
Но къ нему ли спѣшу? и куда мнѣ итти?
Только если угаснетъ онъ вдругъ предо мною, —
Я погибъ на невѣдомомъ этомъ пути!

Федоръ Сологубъ.

* * *

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду, — о тебѣ помечтать,
О тебѣ разсказать, перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.
Я позвалъ бы тебя, — не умѣю назвать;
За тобой — бы послалъ, — да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ, — да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь, — такъ боялся бъ идти.
Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ и сокрытаго жду, —
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня,
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня.

Федоръ Сологубъ.

* * *

Бѣлая луна
Сѣетъ свѣтъ надъ лѣсомъ.
Звонкая слышна
Подъ его завѣсомъ
Пѣсня соловья...
Милая моя!

Вѣтеръ тихо плачетъ
Въ вѣткахъ надъ рѣкой,
А грусти, что силы
Отраженъ водой,
Темный стволъ березы...
Вспомнимъ наши грезы.

Сходитъ къ намъ покой,
Нѣжный, безконечный
Съ тверди голубой,
Гдѣ сіяетъ вѣчный,
Тихій звѣздный строй...
Въ этотъ часъ ночной.

Ф. Сологубъ.

* * *

Родился сынъ у бѣдняка.
Въ избу вошла старуха злая,
Тряслась костлявая рука,
Сѣдыя космы разбирая.
За повитухиной спиной
Старуха къ мальчику тянулась,
И вдругъ уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.
Шепча невнятныя слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понялъ колдовства.
Прошли года своей чредою, —
Сбылось велѣнье тайныхъ словъ:
На свѣтѣ встрѣтилъ онъ печали,
А счастье, радость и любовь
Отъ знака темнаго бѣжали.

Ѳ. Сологубъ.

* *
*

Другъ мой тихій, другъ мой дальній,
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свѣтъ зари.
Я напрасно ожидаю
Божества, —
Въ блѣдной жизни я не знаю
Торжества.
Надъ землею скоро встанетъ
Ясный день,
И въ нѣмую бездну канетъ
Злая тѣнь, —
И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Другъ мой тайный, другъ мой дальній . .
Я умру.

Ф. Сологубъ.

* *
*

Люби меня ясно, какъ любитъ заря,
Жемчугъ разсыпая и смѣхомъ горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой,
И тихо погасни за мглистой чертой.
Люби меня тихо, какъ любитъ луна,
Сіяя безстрастно, ясна, холодна.
Волшебствомъ и тайной мой міръ освѣти, —
Помедлимъ съ тобою на темномъ пути.
Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь, — не бойся, не лги.

И. З. Суриковъ.

* * *

Не грусти, что листья
Съ дерева валятся, —
Будущей весною
Вновь они родятся, —
А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...
Только лишь весною
Теплою повѣетъ —
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...
Силы жъ молодыя
Сгибнутъ, не вернутся,
Сердце очерствѣетъ,
Думы не проснутся.

И. Сѣверянинъ.

Въ грѣхѣ — забвенье.

Ты женщина, и этимъ ты права.
Вал. Брюсовъ.

Вся радость — въ прошломъ, въ такомъ далекомъ и безвозвратномъ,
А въ настоящемъ — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ закатномъ,
Любви и страсти; — его плѣняетъ неосторожность..

Устало сердце отъ узкихъ рамокъ благополучья,
Оно въ унынiи, оно въ оковахъ, оно въ томленьи . . .
Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ безлучьи,
Оно трепещетъ такою скорбью, все въ гипсѣ лѣни . . .

А жизнь чаруетъ и соблазняетъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущенiи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ сиротъ . . .
Но одиноко его бiенье, и нѣтъ единства . . .
А жизнь проходитъ, и склепъ холодный, быть-можетъ, вырытъ . . . .

О, сердце, сердце! твое спасенье — въ твоемъ безумьи!
Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грѣши отважнѣй! — пусть добродѣтель — удѣломъ мумiй:
Въ грѣхѣ — забвенье! а тамъ — хоть пуля, а тамъ — хоть рельсы!

Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!
Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты — право! сомнѣнья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

И. Сѣверянинъ.

Въ березовомъ котэджѣ.

На сѣверной форелевой рѣкѣ
Живете вы въ березовомъ котэджѣ.
Какъ Богомать великаго Корреджи,
Вы благостны. Въ сребристомъ парикѣ
Стряхаетъ пыль съ рельефовъ гобелена
Дворецкій вашъ. Вы грезите, Мадлена,
Со страусовымъ вѣеромъ въ рукѣ.

Вашъ хрупкій сынъ одиннадцати лѣтъ
Пьетъ молоко на мраморной террасѣ;
Онъ въ земляникѣ носъ себѣ раскрасилъ;
Какъ пошло вамъ! Вы кутаетесь въ плэдъ
И, съ отвращеньемъ, хмуря чернобровье,
Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдругъ видите брильянтовый браслетъ,
Какъ бракоцѣпь, повиснувшій на кисти
Своей руки: вамъ скоро.. много лѣтъ,
Вы замужемъ, вы мать.. Вся радость въ прошломъ,
И будущее кажется вамъ пошлымъ...
Чего же ждать? Но морфій — или выстрѣлъ?

Спасеніе — въ бездумьи! Загорись,
Люби меня, дающаго былое,
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смѣлѣе въ свой капризъ!
Безгрѣшенъ грѣхъ — пожатіе руки
Тому, кто дастъ и молодость, и нѣгу.
Мои слѣды къ тебѣ одной по снѣгу
На берега форелевой рѣки!

И. Сѣверянинъ.

Примитивный романсъ.

Моя ты или нѣтъ? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтобъ онъ тебя пустилъ ко мнѣ, моя родная!

Боюсь, онъ не пойметъ; боюсь, осудитъ онъ;
Боюсь, тебя чернить онъ станетъ подозрѣньемъ...
Приди жъ ко мнѣ сама! Ты слышишь ли мой стонъ?
Ты вѣришь ли тоскѣ и позднимъ сожалѣньямъ?

Иль нѣтъ, — не приходи! и не пиши въ отвѣтъ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная
Такъ лучше... такъ больнѣй... Моя ты или нѣтъ?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

И. Сѣверянинъ.

Ея монологъ.

Не можетъ быть! вы лжете мнѣ мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои.. сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары:
Жжетъ молнія надменныя вершины,
Поэтъ — изъ перловъ бурные костры,
И фабрикантъ — дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забывшія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище дворца,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И геніи сжигаютъ мощь свою
На алкоголѣ — символѣ безсилья . . .
Но письма сжечь, — гдѣ я тебѣ пою,
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя — какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя — какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба . . .
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

И. Сѣверянинъ.

Chanson russe.

Зашалила, загуляла по деревнѣ молодуха.
Было въ полѣ, да на волѣ, было въ день Святого Духа.
Мужъ-то старый, мужъ-то хмурый укатилъ въ село подъ Тройцу.
Хватитъ хмелю на недѣлю, — жди-пожди теперь пропойцу!
Это что же? развѣ гоже отъ тоски сдыхать молодкѣ?
Надо парня, пошикарнѣй, чтобъ на зависть въ околоткѣ!
Зашалила, загуляла! знай, лущитъ себѣ подсолнухъ! . . .

Ходятъ груди, точно волны на моряхъ, водою полных.
Разжигаетъ, соблазняетъ молодуха Ваньку-парня,
Шумъ и хохотъ на деревнѣ, будто бѣшеная псарня!..
Всѣ старухи взбеленились, расплевались, да-по хатамъ;
Старикамъ отъ нихъ влетѣло и метлою, и ухватомъ.
Всполошились молодухи, всѣхъ мужей-мгновенно въ избы!
А звонарь на колокольнѣ заоралъ: „Скорѣе внизъ бы!“
Поспѣшилъ, да такъ ретиво, что свалился съ колокольни...
А молодка все гуляла, вѣтра буйнаго раздольнѣй!

И. Сѣверянинъ.

Пасхальный гимнъ.

Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!
Сонъ смерти — глуше, чѣмъ спитъ скала..
Поютъ побѣду въ огнѣ экспрессій,
Поютъ Безсмертье колокола.

Свѣтло цѣлуйте уста другъ другу,
Послѣдній нищій — сегодня Крезъ...
Дорогу сердцу къ святому Югу! —
Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!

И. Сѣверянинъ.

Сонетъ.

Любви возврата нѣтъ, и мнѣ, какъ будто жаль
Бывалыхъ радостей и дней любви бывалыхъ;
Мнѣ не сіяетъ взоръ очей твоихъ усталыхъ,
Не озаряетъ онъ таинственную даль.

Любви возврата нѣтъ, — и на душѣ печаль,
Какъ на снѣгахъ вокругъ осѣвшихъ, полуталыхъ.
— Тебѣ не возвратить любви мгновеній алыхъ:
Любви возврата нѣтъ, — прошелестѣлъ февраль.

И миріады звѣздъ въ безводномъ океанѣ
Мигали холодно въ безсчетномъ караванѣ,
И оскорбителенъ былъ ихъ холодный свѣтъ:

Въ немъ не было былыхъ ни ласки, ни участья...
И понялъ я, что нѣтъ мнѣ больше въ жизни счастья,
Любви возврата нѣтъ!....

И. Сѣверянинъ.

Весенній день.

(Дорогому К. М. Фофанову.)

Весенній день горячъ и золотъ, —
Весь городъ солнцемъ ослѣпленъ!
Я снова-я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты“ . . .
Какой просторъ! какая воля!
Какія пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы — въ бричкѣ по ухабамъ!
Скорѣй бы — въ юные луга.
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ!
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

И. Сѣверянинъ.

Элементарная соната.

О, милая, какъ я печалюсь! о, милая, какъ я
тоскую!
Мнѣ хочется тебя увидѣть — печальную и
голубую . . .

Мнѣ хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мнѣ хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, какъ угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро — скоро окончится мое
страданье . . .

Но, Господи! съ какою скорбью забуду я свое
мученье!
Но, Господи! съ какою болью познаю я свое забвенье!

Мнѣ кажется, гораздо лучше надѣяться, хоть безнадежно,
Чѣмъ мертвому, въ нѣмомъ безгрезьи покоиться безстрастно — нѣжно...

О, призраки надежды — странной — и сладостной, и страстно-больной,
О, свѣтлые, не покидайте мечтателя съ душою знойной!

Не надо же тебя мнѣ видѣть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мнѣ слышать, печальная и голубая...

Ахъ, встрѣчею боюсь разсѣять желанное свое страданье,
Увидимся — оно исчезнетъ: чудесное — лишь въ ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чѣмъ вѣчное къ нему стремленье,
Но все-таки біенье мига прекраснѣе вѣковъ забвенья!...

И. Сѣверянинъ.

Это все для ребенка.

О, моя дорогая! вѣдь теперь еще осень, вѣдь теперь еще осень...
А увидѣться съ вами я мечтаю весною, бирюзовой весною...

Что отвѣтить мнѣ сердцу, безутѣшному сердцу, если
сердце вдругъ спроситъ,
Если сердце простонетъ: „Грезишь мракомъ зеленымъ?
грезишь глушью лѣсною?“

До весны мы въ разлукѣ. Повидаться не можемъ.
Повидаться нельзя намъ.
Развѣ только случайно. Развѣ только въ театрѣ.
Развѣ только въ концертѣ.
Да и то безсловесно. Да и то безпоклонно. Но зато
— осіяннымъ —
И брилльянтовымъ взоромъ обмѣняться успѣемъ . . .
Какъ и словомъ въ конвертѣ . . .

Вы всегда подъ охраной. Вы всегда подъ надзоромъ.
Вы всегда подъ опекой.
Это все для ребенка. Это все для ребенка . . .
Это все для ребенка . . .
Я въ васъ вижу подругу. Я въ васъ женщину вижу.
Вижу въ васъ человѣка.
И мнѣ дорогъ вашъ крестикъ, какъ и ваша слезинка,
Какъ и ваша гребенка . . .

И. Сѣверянинъ.

Все по старому.

— Все по-старому . . . — сказала нѣжно:
Все по-старому . . .
Но смотрѣлъ я въ очи безнадежно —
Все по-старому . . .

Улыбалась, мягко цѣловала —
Все по-старому...
Но чего-то все не доставало —
Все по-старому! —

И. Сѣверянинъ.

И ты шелъ съ женщиной.

И ты шелъ съ женщиной, — не отрекись. Я все
замѣтила — не говори.
Блондинка. Хрупкая. Ея костюмъ былъ черный.
Англійскій. На головѣ —
Сквозная фетэрка. Въ левкояхъ вся. И въ померанцовыхъ лучахъ зари
Вы шли печальные. Какъ я. Какъ я! Журчали
ландыши въ сырой травѣ.

Не испугалась я, — я поняла: — она мгновеніе, а
вѣчность — я.
И улыбнулась я подъ плачъ цвѣтовъ, такая свѣтлая.
Избытокъ силъ
Въ душѣ почувствовавъ, я скрылась въ глубь.
Весь вечеръ пѣла я. Была-дитя.
Да, ты шелъ съ женщиной. И только ей ты неумышленно взоръ ослезилъ.

И. Сѣверянинъ.

Русская.

Кружевѣетъ, розовѣетъ утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ.

Брилліантится веселая роса;
Что за воздухъ! Что за свѣтъ! Что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видѣть птичку, лягушонка и осу,

Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхо: „ха—ха—ха!“

Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,

Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,

Пробудить ея невыспавшійся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,

Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь!

И. Сѣверянинъ.

Ты ко мнѣ не вернешься . . . .

„Златѣ.“

Ты ко мнѣ не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки въ родѣ крола:
У тебя теперь дачи, за обѣдомъ — омары,
Ты теперь подъ защитой вороного крыла . . .

Ты ко мнѣ не вернешься: на тебѣ теперь бархатъ;
Онъ скрываетъ безкрылье утомленныхъ плечей...
Ты ко мнѣ не вернешься: предсказатель на картахъ
Погасилъ за цѣлковый вспышки позднихъ лучей!..

Ты ко мнѣ не вернешься, даже... даже проститься,
Но надъ гробомъ обидно ты намочишь платокъ...
Ты ко мнѣ не вернешься въ тихомъ платьѣ изъ ситца,
Въ платьѣ радостно-жалкомъ, какъ грошовый цвѣтокъ.

Какъ цвѣтокъ... Помнишь розы изъ кисейной бумаги?
О живыхъ ни полъ слова у могильной плиты!
Ты ко мнѣ не вернешься: грезы больше не маги, —
Я умру одинокимъ, понимаешь ли ты?!...

И. Сѣверянинъ.

Шампанскій полонезъ.

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію! —
Ея цѣломудріемъ святѣетъ оно.
Mignon съ Escamillio! Mignon съ Escamillio!
Шампанское въ лиліи — святое вино.

Шампанское, въ лиліи журчащее, искристо —
Вино, упоенное бокаломъ цвѣтка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обоженною восторгомъ глотка!

Голубку и ястреба! Рейхстагъ и Бастилію!
Кокотку и схимника! Порывность и сонъ!
Въ шампанское лилію! Шампанскаго въ лилію!
Въ моряхъ Дисгармоніи — маякъ Унисонъ!

И. Сѣверянинъ.

Это было у моря.

(Поэма-миньонетъ.)

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла — въ башнѣ замка-Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

И. Сѣверянинъ.

Кэнзели.

Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ муаровомъ
По аллеѣ олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная отъ листвы разузорена —
Точно лапы паучныя, точно мѣхъ ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная.
Упоенье любовное Вамъ судьбой предназначено...
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ муаровомъ —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же въ любовники? и найдется ли пара Вамъ?

Ножки плэдомъ закутайте дорогимъ, ягуаровымъ,
И, садясь комфортабельно въ ландолетѣ бензиновомъ,
Жизнь довѣрьте Вы мальчику, въ макинтошѣ резиновомъ,
И закройте глаза ему Вашимъ платьемъ жасминовымъ —
Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ муаровымъ!...

И. Сѣверянинъ.

Хабанера III.

Отъ грезъ Кларета — въ глазахъ рубины,
Рубины страсти, фіалки нѣгъ.
Въ хрустальныхъ вазахъ кораллъ рябины,
И бѣлопудрый, и сладкій снѣгъ.

Струятся взоры.. Лукавятъ серьги..
Кострятъ экстазы.. Струнятъ глаза..
— Какъ онъ возможенъ, миражный берегъ..
Въ бокалъ шепнула синьора Za.

О, бездна тайны! О, тайна бездны!
Забвенье глуби.. Гамакъ волны..
Какъ мы подземны! Какъ мы надзвѣздны!
Какъ мы бездонны! Какъ мы полны!

Шуршатъ истомно муары влаги,
Вино сверкаетъ, какъ стихъ поэмъ...
И закружились отъ чаръ Малаги
Головки женщинъ и кризантэмъ...

И. Сѣверянинъ.

Поэза

о солнцѣ, въ душѣ восходящемъ.

Въ моей душѣ восходитъ солнце,
Гоня невзгодную зиму.
Въ экстазѣ идолопоклонца
Молюсь таланту своему.

Въ его лучахъ легко и просто
Вступаю въ жизнь, какъ въ листный садъ.
Я улыбаюсь, какъ подростокъ,
Пріемлю все, всему я радъ.

Ахъ, для меня, для беззаконца,
Одинъ дѣйствителенъ законъ:
Въ моей душѣ восходитъ солнце,
И я лучиться обреченъ!

И. Сѣверянинъ.

Грезовое царство.

Я — царь страны несуществующей,
Страны, гдѣ имени мнѣ нѣтъ...
Душой, созвѣздія колдующей,
Витаю я среди планетъ.

Я, интуитъ съ душой мимозовой,
Постигъ безсмертія процессъ.
Въ моей странѣ есть теремъ грезовый
Для намагниченныхъ принцессъ.

Въ моемъ междупланетномъ теремѣ
Звучатъ мелодіи Тома.
Принцессы въ геній мой повѣрили,
Забывъ земные терема.

Ихъ много, дѣвъ неразсуждающихъ,
Въ экстазѣ сбросившихъ плащи,
Такъ упоительно страдающихъ
И переливныхъ, какъ лучи.

Имъ подсказалъ инстинктъ ихъ звончатый
Избрать мой грезовый гаремъ.
Онѣ вошли душой бутончатой,
Вошли — какъ Ромулъ и какъ Ремъ.

И распустилось царство новое,
Страна безразумныхъ чудесъ...
И, восхищенъ своей основою,
Дышу я душами принцессъ!...

И. Сѣверянинъ.

Миссъ Лиль.

Котикъ милый, дѣточка! встань скорѣй на цыпочки,
Алогубы—цвѣтики жарко протяни...
Въ грязной репутаціи хорошенько выпачкай
Имя свѣтозарное генія въ тѣни!...

Ласковая дѣвонька! крошечная грѣшница!
Ты еще пикантнѣе отъ людскихъ помой!
Вѣрю: ты измучилась.. Надо онездѣшниться,
Надо быть улыбчатой, тихой, и нѣмой.

Всѣ мои товарищи (какъ зовешь нечаянно
Ты моихъ поклонниковъ и незлыхъ враговъ...)
Какъ-то усмѣхаются и глядятъ отчаянно
На ночную бабочку выше облаковъ.

Развѣ вѣрятъ скептики, что ночную бабочку
Любитъ сострадательно молодой орелъ?
Честная безчестница! бѣлая арабочка!
Брызгай грязью чистою въ славный ореолъ!...

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня изъ за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.

Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочка моя,
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я.

Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клена
Сидѣлъ надо мной соловей,

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
„Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
То время вернется опять“.

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней веренищей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: „Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь кликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы, —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы.“

Гр. А. К. Толстой.

* * *

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто:
— Дурачье! — сказалъ дьякъ, — изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли! —

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичекъ-то, вишь, простъ; знай, везетъ черезъ мостъ —
Такъ ли?
— Вишь дуракъ! — сказалъ дьякъ: — тебѣ мостъ, чай, пустякъ,
Дудки?
Ты бъ его поберегъ, вѣдь плыли жъ поперекъ
Утки!

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусачка,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да паймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ: — Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало Васькѣ и дать
Таску!

Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ: — Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.
И не лечь, и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
— Вишь дуракъ! — сказалъ дьякъ: — ну, не ѣшь натощахъ —
Только!

Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ: — Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ — видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ —
Я бъ те всыпалъ, ей ей, въ шапку десять рублей,
Шутка?
— Сыпь сейчасъ! — сказалъ дьякъ, подставляя колпахъ: —
Нутка!

Гр. А. К. Толстой.

Алеша Поповичъ.

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алеша богатырь.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлённый щитъ;
Супротивъ его царевна
Полоненная сидитъ.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

— „Ты почто меня, Алеша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты-жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!“

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
— „Не похитчикъ я тебѣ,
Ты пошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою,
Знаменитымъ птицеловцемъ
Я слыву въ моемъ краю;

Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей;

Но въ плѣну, кого поймаю
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна
Сдайся мнѣ, богатырю!“

Но она къ нему: — „Алеша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Вмѣстѣ ко дну мы пойдемъ!“

Онъ же къ ней: — „Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнце быстро блещутъ
Стаи легкія стрекозъ?

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,
Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрекозы!“

И душистый гнетъ онъ аиръ
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рветъ сверкающимъ весломъ.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ,
Но Поповичу царевна,
Озираясь говоритъ:

„Птицеловъ ты безпощадный,
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль!“

Онъ же въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: — „Сдайся,
Сдайся, дѣвица — душа!

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей,
Ты должна меня любить.“

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкіе беретъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очерётъ...

Звуки льются, звуки таютъ
То не вѣтеръ ли во ржи?
Не крылами-ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

Пламя-ль блещетъ? Дождь ли льется?
Буря-ль встала, пыль крутя?
Конь-ли по полю несется?
Мать ли пѣстуетъ дитя?

Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье?
Или смерти то конецъ?

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
И кружится голова.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

Погремокъ, пестрецъ и шильнихъ,
И болотная заря
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

Такъ съ царицей по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаетъ пѣнью
Руку бѣлую поднявъ.

Что внезапно въ ней свершилось?
Тосковань-ль улеглось?
Сокровенное-ль открылось?
Невозможное-ль сбылось?

Словно давніе печали
Разошлися, какъ туманъ,
Словно всѣ преграды пали —
Или были лишь обманъ!

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капають изъ глазъ;

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ побѣждено.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камышъ...

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темно голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На̀ полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу, стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда — не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,

Выросъ въ чистомъ полѣ;
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ
Съ бритой головою,
Молча свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со Кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!“
Говоритъ державный,
„Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный!“
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
Чаемъ господина!“

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,

Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу —
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темно голубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на ножкѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ міръ и сумракомъ и тайной,
Блисталъ надъ степью искрами стожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный.

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи

Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жизнь сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили, да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказныхъ по боку да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка бъ царь нашъ, всю правду бы вѣдалъ!

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Шумитъ на дворѣ непогода,
А въ домѣ давно уже спятъ;
Къ окошку, вздохнувъ, подхожу я:
Чуть видѣнъ чернѣющій садъ.

На небѣ такъ темно, такъ темно,
И звѣздочки нѣтъ ни одной,
И въ домѣ старинномъ такъ грустно
Среди непогоды ночной.

Дождь бьетъ, барабаня, по крышѣ,
Хрустальныя люстры дрожатъ,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умретъ,
Наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
Гдѣ жилъ его доблестный родъ,

И домъ навсегда запустѣетъ,
Заглохнутъ ступени травой . . .
И думать объ этомъ такъ грустно
Среди непогоды ночной! —

Гр. А. К. Толстой.

* * *

1. Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты;

2. Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

3. Мнѣ станъ твой понравился тонкій,
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой и грустный и звонкій
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

4. Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь.

5. И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю . . .
Люблю ли тебя, я не знаю —
Но кажется мнѣ — что люблю.

Гр. А. К. Толстой.

Змѣй Тугаринъ.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И молвитъ Владиміръ: что-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по-небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитычъ Добрыня.

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть,
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче — каганская воля!

— Стой, молвитъ Илья, твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

— Стой, молвитъ Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
Лицомъ, повернемся къ Обдорамъ!

— Стой! молвитъ, поднявшись, Добрыня, не смѣй,
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей,
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Поподчую я каленою стрѣлой —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послушавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

— Тьфу, гадина! молвитъ Владиміръ, и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада,
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣснѣ не несъ, —
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветъ,
И смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай пѣсни теперь уже намъ не споетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Смѣется Владиміръ: — Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо.
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, примолвилъ свѣтъ солнышко-князь,
Неволя заставитъ пройти черезъ — грязь,
Купаться въ ней — свиньи лишь могутъ!

Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ свѣтѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: — За князя мы пьемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

— Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада:
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слушать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Гр. А. К. Толстой.

Князь Михайло Репнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильевичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,

Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
— „Да здравствуютъ тіуны, опричники мои:
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
Я первый открываю веселый хороводъ!
За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, бояны-соловьи!“
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ;
Одинъ не поднялъ кубка. Михайло князь Репнинъ.
— „О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричиной на горе престолъ свой окружилъ!
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“
Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать ослабъ.
Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
Или, клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь.
— „Опричина да сгинетъ! — онъ рекъ, перекрестясь.
Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ, какъ измѣну, безстыдный лести гласъ!

Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“
Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ . . .
— „Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь —
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь . . .
И вновь подняты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ.
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
— „Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу.“
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.

Гр. А. К. Толстой.

Минула страсть . . .

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучитъ сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все, что не ты — такъ суетно и ложно,
Все, что не ты — безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипитъ бунтующая кровь —
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же, прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ нахмуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшійся потокъ
Изъ царства тучъ, грозы и непогоды
Въ просторъ степей выноситъ тѣ-же воды
И вдаль течетъ спокоенъ и глубокъ.

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умомъ-разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и на долго ли?
Ты не спрашивай, не разпытывай:
Что, сестра ль ты мнѣ, молода ль жена,
Или дѣтище ты мнѣ малое?

И не знаю я, и не вѣдаю,
Какъ назвать тебя, какъ прикликати.
Много цвѣтиковъ во чистомъ полѣ,
Много звѣздъ горитъ по поднебесью,
А назвать то ихъ нѣтъ умѣнія,
Распознать то ихъ нѣту силушки.
Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не разгадывалъ, не распытывалъ;
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйную голову.

Гр. А. К. Толстой.

* *
*

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
И до чела твоя восходитъ кровь;
Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

Ты не его въ немъ видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя онъ могъ —
Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
Онъ для тебя отысканный предлогъ.

То лишь обманъ неопытнаго взора,
То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
И золотитъ, лаская безъ разбора
Все, что къ нему случайно подойдетъ.

А. Н. Толстой.

Приворотъ.

Покатилось солнце съ горки,
Пало въ кованный ларецъ,
Вышелъ ночью на задворки
Чернобровый молодецъ.

Въ красномъ золотѣ рубаха,
Станъ — яровая сосна;
Расчесала кудри пряха —
Двадцать-первая весна.

— Что-жъ, не любишь, такъ не надо,
Приворотомъ привяжу,
Въ расписной полюбу ладу,
Красный теремъ посажу.

За болотомъ въ мочежинѣ,
Подъ купальскій хороводъ,
Выростаетъ на трясинѣ
Алымъ цвѣтомъ Приворотъ.
Парень въ лѣсъ. А лѣсъ дремучій,
Мѣсяцъ вытянулъ рога;
То-ли вѣдьмы, то-ли тучи
Растянули полога.
Волчій страхъ сосетъ дѣтину, —
— Вотъ такъ пень, а можъ, старикъ . . .
О дубовую стволину
Чешетъ спину лѣсовикъ.
На лету сова мигнула —
— Будетъ лихо, не ходи!
За корнями подсопнуло,
Кто-то чмокнулъ позади.
Кочки, пни, и вотъ болото.
Парень легъ за буреломъ —
— Зачинается работа,
Завозился чортовъ домъ.
Вѣдьмы ловятъ мѣсяцъ бѣлый,
Въ черныхъ космахъ, нагишомъ,
Легкій, скользкій, распотѣлый
Мѣсяцъ тычется ребромъ.
Навалились, схоронили,
Напустили темноты.
И въ осокѣ загнусили
Длинношеіе коты.
Потянулись черезъ кочки
Губы въ рыжей бородѣ;

Завертѣлся въ низкой бочкѣ
Куреногій по водѣ.
И почло пыхтѣть да гнуться,
Шишкой скверной обрастать,
Раскорякою тянуться,
Рожи мерзкія казать.
Перегнется, раскосится,
Уши на носъ, весь въ губу...
Ну и рожа! самъ дивится...
Гладитъ лапой по зобу.
Вѣдьмы тиной обливаютъ
Разгорѣвшійся животъ...
А по кочкамъ выростаетъ
Ясно — алый Приворотъ.
Парень хвать, что ближе было,
И бѣжать. — Лови... Держи...
По болоту завопило...
Въ ноги бросились ежи.
Машутъ сосны, тянутъ лапы,
Крылья бьютъ по головѣ...
Одноногіе арапы
Кувыркаются въ травѣ...
Рано утромъ закричали
На повѣтяхъ кочета;
Рано утромъ отворяли
Красны—дѣвки ворота.
По селу паленый запахъ.
Парень — камень у воротъ,
А на немъ въ паучьихъ лапахъ
Алой каплей — Приворотъ.

А. Н. Толстой.

Часы.

Въ старинномъ замкѣ скребутся мыши,
Въ старинномъ замкѣ, гдѣ много книгъ,
Гдѣ легкій шорохъ такъ чутко слышенъ;
Въ ливреѣ спитъ лакей старикъ.
Въ старинномъ замкѣ больна царевна.
Въ подушкахъ бѣлыхъ, прозрачнѣй льда . .
И только слышно на башнѣ древней
Стучатъ часы: всегда . . . всегда . . .
А у камина сидятъ старушки
И что-то шепчутъ, чего-то ждутъ.
Царевнѣ плечи томятъ подушки . . .
Часы стучатъ: мы тутъ . . . мы тутъ . . .
И смерть на башнѣ рукой костлявой,
Какъ минетъ время, о доску бьетъ,
И гулко въ сводахъ и смѣхъ гнусавый
Изъ тьмы сырой дрожитъ, зоветъ . . .
Во время звона царевнѣ страшно:
Придетъ за нею нѣмой звонарь.
И снова тихо на древней башнѣ
Шагаетъ смерть, прикрывъ фонарь.

А. Турскій.

Вѣтеръ.

По полямъ и рощамъ, шелестя травою,
Пробѣгаетъ вѣтеръ легкою волною.
То въ густыхъ вершинахъ тихо онъ застонетъ,
То къ землѣ сгибая, спѣлый колосъ клонитъ.

То подыметъ вихремъ листья надъ землею
И несетъ и кружитъ рѣзвою толпою.
Подлетѣлъ онъ къ вѣткѣ молодой березы;
Въ листьяхъ не обсохли утреннія слезы;
Видно въ каждой почкѣ нѣгу и истому —
Какъ не погулять тутъ вѣтру удалому!
Шепчетъ ей онъ тихо, листьями играя:
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!
„Долженъ я скитаться надъ сырой землею;
„Нѣтъ мнѣ ни отрады, нѣтъ мнѣ и покою.
„Погляди мнѣ въ очи съ необычной лаской,
„Я тебя потѣшу заунывной сказкой,
„Я къ тебѣ склонюся буйной головою,
„И обвѣю нѣжно отъ жары и зною.
„Пригоню къ тебѣ я птичекъ разныхъ стаю.
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!“
И въ тревогѣ тайной отъ нежданной встрѣчи
Слушаетъ малютка ласковыя рѣчи,
Листьями на солнце радостно играетъ,
Сладко ей и больно почему — не знаетъ;
Сладко ей склониться предъ безвѣстной властью,
А красавецъ-вѣтеръ такъ и дышитъ страстью,
Льнетъ, цѣлуя нѣжно, ближе и смѣлѣе,
Словно нѣтъ на свѣтѣ никого милѣе.
Дунулъ онъ порывомъ, будто съ ней играя,
Дунулъ — и сломалась вѣтка молодая;
Листьями поблекла, листья пожелтѣли,
Отъ дорожной пыли почки потускнѣли,
На землю скатились утреннія слезы:
Нѣтъ, ужъ не родятся въ ней былыя грезы! . . .

Посмотрѣлъ на вѣтку вѣтеръ съ тихимъ смѣхомъ,
Много-ль въ ней осталось играмъ и потѣхамъ?
И порхнулъ онъ снова по полямъ и чащамъ,
Отъ росы хрустальной юнымъ и блестящимъ.
То въ густыхъ вершинахъ смѣло забушуетъ,
То младыя вѣтки ласково цѣлуетъ,
И твердитъ, небрежно листьями играя:
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!“

Тэффи.

Пчелки.

Мы — бѣдныя пчелки, работницы пчелки.
И ночью, и днемъ все мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.
Мы солнца не видимъ, мы счастья не знаемъ,
Закончимъ работу и вновь начинаемъ
Съ покорной тоскою въ сердцахъ.
Былъ праздникъ недавно, — чужой — насъ не звали,
Но мы потихоньку туда прибѣжали
Взглянуть на веселье другихъ.
Гремѣли оркестры на пышныхъ эстрадахъ,
Кружилися трутни въ богатыхъ нарядахъ,
Въ шитьѣ и камняхъ дорогихъ.
Мелькало роскошное платье за платьемъ,
И каждый стежекъ въ нихъ былъ нашимъ проклятьемъ,
И мукою — каждая нить!
Мы долго смотрѣли безъ вздоха, безъ слова...
Такой красоты и веселья такого

Мы были не въ силахъ простить!
Чѣмъ громче лились ликованія звуки,
Тѣмъ ныли больнѣе усталыя руки
И жить становилось не въ мочь!
Мы видѣли радость, мы поняли счастье,
Безпечности смѣхъ, торжество самовластья . . .
Мы долго не спали въ ту ночь.
Въ ту ночь до разсвѣта мигала иголка:
Сшивали мы полосы краснаго шелка
Полотнищемъ длиннымъ, прямымъ . . .
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будемъ таить его долгіе годы,
Но мы не разстанемся съ нимъ!
Все слушаемъ мы — не забьетъ ли тревога.
Не стукнетъ ли жданный сигналъ у порога. —
Намъ чужды и жалость, и страхъ! . . .
Мы, бѣдныя пчелки, работницы пчелки,
Мы ждемъ . . . и проворно мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Дочери.

I.

Все, что сберечь мнѣ удалось
Надежды, вѣры и любви,
Въ одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

II.

Когда на то нѣтъ Божьяго согласья,
Какъ ни страдай она любя,
Душа — увы — не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя.

Душа, душа, которая всецѣло
Одной завѣтной предалась любви
И ей одной дышала и болѣла,
Господь тебя благослови!

Онъ милосердный, всемогущій,
Онъ, грѣющій своимъ лучомъ
И пышный цвѣтъ на воздухѣ цвѣтущій
И чистый перлъ на днѣ морскомъ . . .

Ѳ. И. Тютчевъ.

О вѣщая душа моя.

О вѣщая душа моя,
О сердце, полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойнаго бытія.
Такъ, ты жилище двухъ міровъ,
Твой день — болѣзненный и страстный, —
Твой сонъ — пророчески неясный,
Какъ откровеніе духовъ.
Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Нашъ вѣкъ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое томительно выноситъ . . .
И сознаетъ свою погибель онъ
И жаждетъ вѣры . . . но о ней не проситъ.
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой, —
Приди на помощь моему невѣрью . . .“

Ѳ. И. Тютчевъ.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ,
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпенѣньѣ ледяномъ.

Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

Такъ и въ груди осиротѣлой.
Убитой хладомъ бытія
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.

Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

„Silentium.“

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь!
Взрывая возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ себѣ самомъ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Ѳ. И. Тютчевъ.

* *
*

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь — лучезарно, тамъ — сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ, и дышитъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ . . .
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты . . .

Ѳ. И. Тютчевъ.

* *
*

Дума за думой, волна за волной —
Оба проявленія стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ-же все призракъ тревожно-пустой!

Ѳ. И. Тютчевъ.

Весеняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ:
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ;
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила! . . .

А. Ѳ. Федотовъ.

Охота.

Охота. Всюду сборы, толки.
Собачій лай. Въ поляхъ, въ лѣсахъ
Блестятъ и хлопаютъ двухстволки,
Охотниковъ повсюду страхъ! . . .
Я на охотѣ двѣ недѣли:
— Да чтожъ? Мы дичью обѣднѣли? . . .
Нѣтъ, дичи страсть, запасъ большой.
Мнѣ скажутъ: „Э, да полно, что ты:
Стрѣлять не мастеръ, мой дружокъ!“
Неправда-съ, въ обществѣ охоты
Всѣ говорятъ, что я стрѣлокъ.
Да-съ, я стрѣляю превосходно.
— Такъ въ чемъ же дѣло? — Дѣло въ томъ,
Пожалуй, если вамъ угодно,

Я вамъ признаюсь, все въ одномъ;
Во мнѣ-съ, въ характерѣ . . . не знаю,
Какъ это выразить яснѣй . . .
Я такъ животныхъ обожаю,
Я такъ люблю ихъ, ей—же—ей,
Что, право, совѣстно признаться . . .
Собаки лаютъ, рогъ трубитъ,
А сердце хочетъ разорваться,
Глаза въ слезахъ, въ виски стучитъ,
И баста . . . мучу́сь, заставляю
Себя . . . пойду убью! . . . такъ нѣтъ!
Нарочно зайца выбираю
Постарше, въ 20—30 лѣтъ.
Вѣдь жалко: дѣти, можетъ статься,
Жена, семья . . .
Что-съ? вамъ смѣшно?
Грѣшно, грѣшно, такъ улыбаться,
Ей Богу, право же, грѣшно!
Вѣдь мы гуманность забываемъ . . .
Положимъ, заяцъ . . . но вопросъ,
Кого мы въ зайцѣ убиваемъ?
А онъ бы, можетъ-быть, принесъ
Семейству пользу? вы смѣетесь?
А еслибъ онъ не заяцъ былъ?
Посмотримъ, какъ вы улыбнетесь,
Когда бы я да вдругъ убилъ
Не зайца, глупаго, смѣшного,
А вашего отца родного?
Нѣтъ, надо справедливымъ быть!
Нельзя всегда и всѣмъ шутить!

Никто навѣрное не знаетъ,
Кто нынче больше уважаетъ
Родителей въ нашъ черствый вѣкъ,
Скотина, или человѣкъ?
Гдѣ чаще дѣти помираютъ,
У нихъ ли или здѣсь, у насъ?
Я не видалъ нигдѣ, чтобъ утка
На няньку бросила дѣтей...
А воспитаніе не шутка!
Кокетокъ женъ и матерей
Встрѣчали вы между дроздами, —
Чтобъ разоряли такъ мужей
Какъ вы, mesdames? И, между нами,
Ни волкъ, ни заяцъ, ей-же-ей,
Олени даже не носили.
Такихъ роговъ, какъ носимъ мы.
Не я—съ, — мужья, кого женили:
Я отъ невѣстъ, какъ отъ чумы,
Я холостой... а вы видали,
Чтобъ въ ресторанахъ кулики
Всю ночь, какъ гуси, гоготали,
И, разстегнувши сюртуки,
Плясали, пили, пѣли, ѣли,
И спать ложились поутру,
Ползкомъ добравшись до постели?
Видали? Нѣтъ? Не понутру
Имъ это, нѣтъ, имъ пьянство гадко
Они честнѣй, скромнѣй живутъ.
Слыхали вы, чтобъ куропатка,
Когда всѣ въ городѣ уснутъ,

На тройкѣ въ „Самаркандъ“ летѣла?
Вѣдь, нѣтъ? А рябчикъ взятки бралъ?
Какое волкъ обдѣлалъ дѣло?
А тетеревъ, кому онъ вралъ?
Ну развѣ дупель, защищая
Лисицу, могъ посмѣть сказать:
„Я судъ народный презираю
И мнѣ на общество плевать!“
Вѣдь это прямо невозможно!
Вѣдь правда? Вы согласны? Да?
Скажите, кто неосторожно
Изъ птицъ, изъ дичи, господа,
Родныхъ полей, лѣсовъ не знаетъ?
Посмотрите — дергачъ, и тотъ
Свое болото стережетъ.
Замѣтьте, волкъ не грабитъ волка.
А мы? — и вьявь, и втихомолку
Всечасно, всячески, всегда...
Ну, развѣ лгу я, господа?
Оставимъ мрачныя картины, —
Вѣдь мы серьезнаго бѣжимъ.
Вѣдь такъ-съ? Что день, то именины,
Что день, то праздника хотимъ.
Недаромъ въ карты Русь играетъ,
И крики: „пасъ“, „безъ козырей“
Россію нынче оглашаютъ
Какъ прежде крикъ лѣсныхъ звѣрей.
Медвѣжье жъ, волчье, птичье племя
Живетъ безъ картъ, живетъ въ трудѣ,
Они не убиваютъ время...

Пари держу, что вы нигдѣ
Въ лѣсу или въ любомъ болотѣ
Такихъ курьезовъ не найдете,
Такихъ идей, такихъ газетъ,
Какіе есть у насъ! Ихъ нѣтъ тамъ, нѣтъ.
Шантажи, напримѣръ, тамъ рѣдки,
Ихъ нѣту даже у лисицъ.
Кафе-шантаны, оперетки
И хоры сиплые дѣвицъ
Имъ даже вовсе неизвѣстны.
Ну и не тащатъ, не крадутъ,
Живутъ скромненько, просто, честно
И сыты тѣмъ, что поклюютъ...
Повѣрьте, еслибъ мы учились
У нихъ... хоть даже у волковъ.
У насъ бы крахи не случались!
И тотъ...
Кончается на „овъ“
Ну тотъ, что помните, попался, —
На Невскомъ, не гулялъ бы онъ,
Онъ бы далеко прогулялся!
А тотъ чуть-чуть не осужденъ...
Ну, этотъ помните, устроилъ...
Ага, знакомы? Онъ, небось,
Домовъ бы здѣсь теперь не строилъ,
Не толковалъ бы вкривь и вкось
О правдѣ, совѣсти и чести,
А пребывалъ бы въ злачномъ мѣстѣ.
А та красавица... а тѣ...
Ну вотъ, что мы по простотѣ

Вездѣ любезно принимаемъ...
Однако жъ, что мы совершаемъ?
Я говорю о томъ, о семъ,
О ворѣ, плутѣ, конокрадѣ...
А вы... скажите, Бога ради!...
Да вы ихъ знаете! и вы
На нихъ спокойно такъ глядите?...
Нѣтъ звѣри... нѣтъ, не таковы,
Тамъ, что про нихъ не говори,
А у звѣрей: хорошъ — лизнетъ,
А нѣтъ — и шкуру обдеретъ.
Такъ вотъ съ...
Ну развѣ хватитъ силы
При этихъ чувствахъ убивать?
Повѣрьте, такъ мнѣ звѣри милы,
Такъ близки къ сердцу.. цѣлюсь, чтобъ стрѣлять,
Вдругъ чувство... Ну, и пуделяю...
Чѣмъ больше знаю я людей,
Чѣмъ больше жизнь я изучаю,
Тѣмъ больше я люблю звѣрей.

А. А. Фетъ.

* * *

Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ. Лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней.
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ за пѣснею твоей.

Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты-одна, любовь, что нѣтъ любви иной, —
И такъ хотѣлось жить, чтобъ звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!...

И много лѣтъ прошло томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь —
И вѣетъ, какъ тогда, во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь,

Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!

А. А. Фетъ.

* * *

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной, полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга,
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май.
Какая ночь! Всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь.
Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ;
Онѣ дрожатъ. Такъ, дѣвѣ новобрачной
И радостенъ и чуждъ ея уборъ.
Нѣтъ, никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о ночь, не могъ меня томить;
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной и послѣдней, можетъ быть!

А. А. Фетъ.

Бабочка.

Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ
Я такъ мила.
Весь бархатъ мой съ его живымъ миганьемъ —
Лишь два крыла.
Не спрашивай, — откуда появилась,
Куда спѣшу:
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась
И вотъ-дышу.
Надолго ли, безъ цѣли, безъ усилья,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ, сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья
И улечу!

А. А. Фетъ.

Смерть.

— „Я жить хочу!“ кричитъ онъ, дерзновенный,
„Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!“
И въ мысляхъ нѣтъ, что это-ледъ мгновенный,
А тамъ, подъ нимъ, — бездонный океанъ...

Бѣжать? — Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что ни расцвѣтъ живой, что ни улыбка, —
Уже подъ ними торжествуетъ смерть...

Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ слѣпымъ поводырямъ,
Но если жизнь — базаръ крикливый Бога,
То только смерть Его безсмертный храмъ.

А. А. Фетъ.

Курганъ.

— „Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ средь братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей:

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не взращенъ твой подвигъ отмѣчать
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ — избранія печать?

Какъ на всѣхъ, орелъ съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты
И срѣзаетъ плугъ неумолимый
Всѣхъ примѣтъ послѣдніе слѣды...

Что жъ ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зубъ!..."

— „Оттого-то, странникъ, безпримѣтный,
На степи я вѣчно и молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ завѣтный
Ото всѣхъ я затаить хочу."

А. А. Фетъ.

* * *

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни, —
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы, —
И заря, заря! . . .

А. А. Фетъ.

Ива.

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой — какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты . . .
Мягче взоръ твой горделивый . . .
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты . . .

А. А. Фетъ.

* *
*

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова,

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть, — но только пѣсня зрѣетъ!

А. А. Фетъ.

* *
*

Люби меня! Какъ только твой покорный
Я встрѣчу взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Живой коверъ.

Окрылены невѣдомымъ стремленьемъ,
Надъ всѣмъ земнымъ, —
Въ какомъ огнѣ, съ какимъ самозабвеньемъ! —
Мы полетимъ.

И, просіявъ въ лазури сновидѣнья,
Предстанешь ты
Царить навѣкъ въ дыханьи пѣснопѣнья
И красоты.

А. А. Фетъ.

* *
*

Нѣтъ, я не измѣнилъ: до старости глубокой
Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви,
И старый ядъ цѣпей, отрадный и жестокій,
Еще горитъ въ моей крови.

Хоть память и твердитъ, что между насъ могила,
Хоть каждый день бреду томительно къ другой, —
Не въ силахъ вѣрить я, чтобъ ты меня забыла,
Когда ты здѣсь, передо мной.

Мелькнетъ ли красота иная на мгновенье,
Мнѣ чудится, — вотъ-вотъ — тебя я узнаю, —
И нѣжности былой я слышу дуновенье
И, содрогаясь, я пою.

А. А. Фетъ.

* *
*

Далекій другъ, пойми мой рыданья,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ:
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья
И дорожить тобой я не отвыкъ!

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

— Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ, —
— Попрежнему готова міръ обнять, —
Напрасный жаръ, — никто не отвѣчаетъ!...
Воскреснутъ звуки — и замрутъ опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ:
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье...
Прочь этотъ сонъ, — въ немъ слишкомъ много
слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ, —
Что̀ жизнь, и смерть!... — А жаль того огня,
Что̀ просіялъ надъ цѣлымъ міроздaньемъ, —
И въ ночь идетъ!... И плачетъ уходя!...

А. А. Фетъ.

* * *

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцѣлуи
всесильны!
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи, покоряясь богинѣ, —
Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ живыхъ;
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ
любви.

А. А. Фетъ.

* *
*

Какое счастіе: и ночь, и мы одни!
Рѣка — какъ зеркало и вся блеститъ звѣздами,
А тамъ-то — голову закинь-ка, да взгляни
Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! Назови,
Чѣмъ хочешь: въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю!

Я боленъ, я влюбленъ; но, мучась и любя, —
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

А. А. Фетъ.

* *
*

О другъ, не мучь меня жестокимъ приговоромъ!
Я оскорбить тебя минувшимъ не хочу:
Оно плѣнительнымъ промчалось метеоромъ...
Съ твоимъ я встрѣтиться робѣлъ и жаждалъ взоромъ
И приходилъ молчать... Я и теперь молчу:

Добра и красоты въ чертахъ твоихъ сіянье
Попрежнему еще мой подкупаетъ умъ;
Я вижу, — вотъ оно, то нѣжное созданье,
Къ которому я несъ весь пылъ, все упованье
Безумныхъ, радостныхъ, невысказанныхъ думъ;

Но — помнишь ли? — весной гремѣла пѣснь лѣсная
И кликалъ соловей серебряные сны;
Теперь душистѣй лѣсъ, пышнѣе тѣнь ночная,
И хочетъ соловей запѣть, какъ утромъ мая, —
Но робко такъ не пѣлъ онъ въ первый день весны!..

А. А. Фетъ.

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всѐ грачи летали
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится,
На дворѣ темно,
Листь сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно...

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ...

Выйдешь, — по неволѣ
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь, — черезъ поле
Перекати—поле
Прыгаетъ какъ мячъ...

А. А. Фетъ.

* * *

Только станетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ:
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечерокъ!

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи, —
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло;

Стану слушать тѣ дѣтскія грезы,
Для которыхъ все блескъ впереди
(Каждый разъ благодатныя слезы
У меня закипаютъ въ груди!);

До зари осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И вдоль стѣнъ, озаренныхъ луною,
Я тебя до воротъ провожу.

А. А. Фетъ.

* * *

Тихая, звѣздная ночь.
Трепетно свѣтитъ луна.
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой, въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?
Ты же свѣтла какъ любовь
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой, я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь,
Ты же-еще мнѣ милѣй
Въ тихую звѣздную ночь.

А. А. Фетъ.

* *
*

На зарѣ ты ея не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ,

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучáмъ игру,
Что, скользя, затѣвала луна,

И, чѣмъ ярче играла луна
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жъ ты ея, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

А. А. Фетъ.

* * *

Ночь крещенская морозна.
Будто зеркало луна.
— „Побѣгу, — еще не поздно..
Да боюсь итти одна.“

— „Я, сестрица, за тобою
Не пойду: одна иди.
Я съ тобою, — за избою
Наводи да наводи!

Ничего: песъ рябый ходитъ,
Вотъ и сѣрый у воротъ...“
И красавица наводитъ —
И никакъ не наведетъ.

— „Вижу, вижу! Потянулись, —
Разъ, два, три, четыре, пять...
Заструились — покачнулись —
Стало только три опять...

Ну, захочетъ почудесить?
Со страстей рехнуся я!...
Шесть, семь, восемь, девять, десять, —
Чешуя какъ чешуя...

Вотъ одиннадцать, — все лица!...
Вотъ собаки лай и вой...
Чуръ меня!..“ — Ну, что, сестрица?”
— „Раскрасавецъ молодой!“

А. А. Фетъ.

* *
*

Эти думы, эти грезы —
Обручальное кольцо!
И текутъ ручьями слезы
На горячее лицо.

Сердце хочетъ, сердце проситъ,
Слезы льются въ два ручья;
Далеко меня уноситъ,
А куда — не знаю я.

Не могу унять стремленье,
Я не въ силахъ не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

А. А. Фетъ.

* *
*

О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ:
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ вьявь.

Скажи: не я ль, на первыя воззванья
Страстей, въ отвѣтъ.
Искалъ блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?

Что̀ жъ? Рухнула съ разбѣга колесница,
Хоть цѣль вдали,
И, распростертъ, заносчивый возница
Лежитъ въ пыли...

Я это зналъ: съ послѣднимъ увлеченьемъ —
Конецъ всему!
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.

Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ вьявь.

И не зови, — но пѣсню, на-удачу,
Любви запой:
На первый звукъ я, какъ дитя заплачу
И за тобой!

А. А. Фетъ.

Воротъ.

— „Спать пора! Свѣча сгорѣла.
Да и ты, моя краса, —
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза...

Стань вотъ тутъ передъ иконы, —
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать!

Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.“

— „Отчего же, няня, надо?“
— „Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангелъ твой.

Твой хранитель, ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ, —
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ!

Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ, — и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь сядетъ онъ.

А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, — мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила —
И тебя перекрещу.“

А. А. Фетъ.

* *
*

Забудь меня, безумецъ изступленный,
Покоя не губи:
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты грезы не люби!

О, вѣрь, и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чѣмъ ближе ты къ мечтѣ своей воздушной,
Тѣмъ дальше отъ меня.

Такъ надъ водой младенецъ, восхищенный
Луной, подъемлетъ крикъ:
Онъ бросится, — и съ влаги возмущенной
Исчезъ сребристый ликъ...

Дитя, отри заплаканное око,
Не довѣряй мечтамъ:
Луна плыветъ и свѣтится высоко;
Она не здѣсь, а тамъ!

К. Фофановъ.

Старые часы.

Межъ старой рухляди въ лавчонкѣ у еврея,
Гдѣ дремлетъ роскошь баръ, сгнивая и темнѣя,
Гдѣ между пыльныхъ вазъ и старомодныхъ лампъ
Мерцаетъ рамою весь выцвѣтшій эстампъ,
Гдѣ блѣдный купидонъ съ отбитою рученкой
Подъ паутиною, какъ подъ фатою тонкой,
Лукаво щурится въ мечтательной тоскѣ,

Гдѣ зелень плѣсени на яркомъ завиткѣ
Узорныхъ канделябръ ложится изумрудомъ,
Гдѣ въ томной нѣжности, надъ золоченымъ блюдомъ
Изъ рамы смотритъ ликъ напудренной красы, —
Стоятъ, безмолвствуя, старинные часы.
Ихъ маятникъ молчитъ, ихъ стрѣлки безъ
движенья . . .
И мнится — давнія слетаютъ къ нимъ видѣнья.
И старые часы прадѣдовскихъ палатъ
Припоминаютъ вновь событій длинный рядъ,
Тотъ долгій, смутный сонъ, ушедшій безъ возврата,
Когда двѣ стрѣлки ихъ по кругу циферблата
Ползли, — минуты, дни, года разя съ плеча,
Какъ два холодные, безстрастные меча
Суровой вѣчности . . .
Бывало, въ сумракъ томный,
Когда дремалъ угрюмо залъ огромный,
И алый свѣтъ, колебля, лилъ каминъ,
И вѣтки тощія расшатанныхъ вершинъ
Изъ сада темнаго стучались въ окна зала,
И ночь осенняя, какъ грѣшница, рыдала. —
Тогда задумчивый владѣлецъ тѣхъ часовъ
Печально вспоминалъ утраченныхъ годовъ
Разгуломъ и стыдомъ запятнанную повѣсть,
И плакала его встревоженная совѣсть,
И теплая, никѣмъ незримая слеза,
Слеза раскаянья, туманила глаза.
А маятникъ часовъ спѣшилъ безъ содроганья
Спугнуть въ мракъ вѣчности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда въ покояхъ шумныхъ

Гремѣло пиршество, и гамъ рѣчей безумныхъ
Заздравнымъ звономъ чашъ былъ дружно заглушенъ,
Вдругъ дерзко слышался часовъ докучный звонъ,
Какъ жизнь томительный, какъ старость монотонный,
Напоминая сонъ толпѣ неугомонной:
И кубки медленнѣй ходили по рукамъ,
И гости блѣдные, поднявши къ небесамъ
Свой утомленный взоръ, зѣвая, различали
Сіяніе утра въ посеребренной дали...
А сколько чудныхъ тайнъ подслушали они
У нѣжной юности въ тѣ ночи и въ тѣ дни,
Когда, довѣрившись безстрастному ихъ лику,
Влюбленная чета на нихъ, какъ на владыку
Свиданья краткаго, смотрѣла, торопясь
Послѣдній поцѣлуй продлить въ прощальный
часъ...
И что-жъ!... Прошли года, которые такъ ровно,
Съ такой ироніей, такъ зло и хладнокровно
Спѣшили погубить безстрастные часы...
И вотъ-наперсники сатурниной косы —
Они забытые, какъ памятникъ могильный,
Стоятъ межъ рухляди, и циферблатъ ихъ пыльный,
Какъ инвалидъ слѣпой, нестрашный никому,
Глядитъ безсмысленно въ таинственную тьму
Недвижной вѣчности. И грозный геній тлѣнья
Надъ ними празднуетъ побѣду разрушенья.

К. Фофановъ.

Старый дубъ.

Какъ причастница нарядна,
Вся въ снѣгу, какъ въ чистой шали,
Дремлетъ липа молодая
Въ очарованной печали.
Передъ нею дубъ, какъ старецъ
Убѣленный сѣдинами,
Наклонился и колышетъ
Оснѣженными вѣтвями...
А вокругъ все бездыханно,
Мертвы снѣжныя поляны,
И въ лѣсу по мерзлымъ вѣткамъ
Бродятъ зимніе туманы.
И дремля въ волшебной грезѣ,
Липа дубу шепчетъ тайно:
„Посмотри, какъ въ чашѣ лѣса
Хорошо — необычайно!
„Посмотри, вдали алѣетъ
Зорь румяныхъ позолота;
Слышишь шорохъ звонкихъ капель?
Это юный бродитъ кто-то!
„Не весна ли это бродитъ,
Отряхая иней бѣлый?..“
— „Полно вздоръ болтать, малютка,
Дубъ промолвилъ престарѣлый:
— Это западъ остываетъ
Алымъ пламенемъ истекши,
Этотъ шорохъ торопливый —
Отъ прыжковъ неловкихъ векши...

„До весны еще далеко,
Да и много ли въ ней толку...
Поучись терпѣнью, глядя
На выносливую елку!“
И замолкъ сурово старецъ
Подъ своею ризой снѣжной,
И задумалася липа
О веснѣ въ тоскѣ мятежной...
Дни идутъ, теплѣе солнце
Съ каждымъ днемъ въ лазурь восходитъ
И проталины по снѣгу
Тѣнью легкою обводитъ.
Липа къ дубу снова съ рѣчью:
„Что задумался такъ, старче?
Посмотри, весна приходитъ,
Воздухъ сталъ звучнѣй и ярче...
„Слышу я, какъ надо мною
Разогрѣтый снѣгъ сочится,
Какъ по утру, пробуждаясь,
Лѣсъ чернѣетъ и дымится!“
Но на рѣчь веселой липы
Грустно шепчетъ дубъ унылый:
„Какъ землею нынче пахнетъ,
Точно вырытой могилой!...“
Дни идутъ; апрѣль румяный
Изъ вѣтвей глядитъ лукаво,
Сыплетъ свѣтомъ цвѣтоноснымъ
И налѣво, и направо.
Дубъ нахмурился сердито,
Липа юная ликуетъ,

У нея въ вѣтвяхъ сегодня
Тайно горлинка ночуетъ.
И въ восторгѣ липа шепчетъ
Сквозь весеннюю истому:
„Посмотри, какъ ходятъ тучи
По эѳиру голубому,
„Точно лебеди по морю...
Видишь — май идетъ лѣсами,
Раздвигая мокрый ельникъ
Лучезарными перстами...
„Какъ свѣжо зеленымъ вѣткамъ,
Какъ тепло пригрѣты корни;
Мотылекъ сегодня утромъ
Перепархивалъ на дернѣ.
„Я за нимъ слѣдила долго:
Онъ весь бѣлый былъ, какъ иней.
Наряжается фіалка
Для него въ кокошникъ синій!“
Но печально дубъ косматый
Слышитъ юной липы шелестъ,
Не влечетъ его, какъ прежде,
Мая дѣвственная прелесть!
И нѣжнѣе шепчетъ липа:
„Посмотри, какъ ярки почки,
Сколько тайны молчаливой
Въ ароматахъ этой ночки...
„Какъ стекло, прозрачно небо!...
Будитъ эхо въ борѣ дальномъ
Сиротливая кукушка
Кукованіемъ печальнымъ...

„Отъ избытка чаръ и страсти,
Я сама запѣть готова!“
Но на лепетъ нѣжной липы
Дубъ нахмурился сурово...
Онъ дрожащею вершиной
Все глядитъ къ востоку жадно
И, вдыхая душный воздухъ,
Что-то шепчетъ безотрадно...
Тамъ вдали, какъ темнымъ флеромъ,
Омрачилось небо тучей,
И порой въ немъ пробѣгала
Искра молніи летучей.
Зашатался лѣсъ косматый —
Испугался тучи черной, —
И поплылъ въ его вершинахъ
Ропотъ гнѣвный и проворный...
Въ небѣ звучно и протяжно
Рокотанье пронеслося,
И вдали дрожащей сѣткой
Дождь упалъ, волнуясь косо...
Ближе... ближе влажный рокотъ!...
Шумно рвется въ лѣсъ прохлада.
И раскапались, по листьямъ
Барабаня, капли града...
Въ тучкѣ молнія сверкнула,
Небо громъ потрясъ сердито,
Точно рухнули тамъ скалы
Изъ тяжелаго гранита...
Пошатнулся дубъ маститый,
Наклонился головою,

И упалъ, грозой спаленный,
Передъ липой молодою.
Туча медленно промчалась,
И, смотря на жатву бури,
Мирно радуга сіяла
На безоблачной лазури.
И, смотря на остовъ дуба,
Липа сумрачно вздыхала:
Поняла она, что̀ старца
Такъ тревожно волновало...

К. Фофановъ.

* * *

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса,
Небо блещетъ, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

К. Фофановъ.

Умирающая невѣста.

Матушка! Я слышу кто-то шепчетъ сладко,
Кто-то за стѣною тамъ поетъ давно...
— Спи, моя родная! Спи, моя касатка! —
Это дождь осенній хлещется въ окно.
— Матушка, скорѣе отвори окошко...
Слышишь ли, подъѣхалъ милый мой къ крыльцу,
Поведи къ окошку, — посмотрю немножко:
Онъ-ли, я узнаю сразу по лицу!
— Нѣтъ, моя голубка, это шепчутъ нивы,
Это расходились волны на рѣкѣ...
— Матушка, мы въ церкви!.. мы теперь счастливы..
Перстень обручальный блещетъ на рукѣ.
Отъ свѣчей вѣнчальныхъ теплое мерцанье
Жаромъ обвѣваетъ щеки и чело...
Какъ народу много!.. мнѣ тѣснитъ дыханье...
Матушка, не правда-ль въ церкви какъ свѣтло!...
Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвѣчаетъ дочери своей;
Передъ нею рѣютъ сумрачныя грезы,
Сумрачныя грезы полночи темнѣй...
Видитъ она церковь, — только не съ налоемъ,
Безъ свѣчей вѣнчальныхъ... и глядитъ на дочь,
Дышащую тяжко, пышащую зноемъ,
Въ эту ночь глухую, въ пасмурную ночь...

К. Фофановъ.

Розы.

Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты.
Вѣтеръ ходитъ въ вышинѣ
И вершины шевелитъ...
Ты лепечешь нѣжно мнѣ!...
Что же сердце въ полуснѣ
Очарованное спитъ —
И на тихій твой привѣтъ
У меня отвѣта нѣтъ?...
Ты, склонившись на плечо,
Въ щеки дышишь горячо, —
Но безмолствуетъ мечта
И боятся выдать вновь
Полнозвучныя уста
Затаенную любовь...
Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты!...
Вѣтеръ ласково рѣзвясь,
Отъ куста летитъ къ кустамъ...
И уста къ твоимъ устамъ
Я клоню не торопясь...
Снится мнѣ, — что наяву
Пышной розой я живу
И склоняюся къ другой,
Ароматной и нѣмой,
И не слезы, а росу
На листы ея несу. —
И подъ сѣнью темноты
Только вѣтеръ и — цвѣты!...

А. Франкъ.

Хвостикъ.

Не знаю, какъ и почему
Звѣрей владыка, левъ могучій,
Велѣлъ народу своему
Къ нему собраться въ лѣсъ дремучій:
— „Кто явится ко мнѣ скорѣй,
Тотъ будетъ мнѣ другихъ милѣй;
Того по-царски награжу,
А прочихъ строго накажу!“
Сказалъ онъ. А къ нему дорога
Трудна, длинна была немного.
Вотъ звѣри и пустились въ путь.
Сперва прошли, кто познатнѣе,
За ними тѣ, кто половчѣе;
А прочіе ужъ какъ-нибудь...
Верблюды, мулы и коровы,
Бараны, овцы, волъ здоровый, —
Полезный все, но смирный скотъ
— Весь позади другихъ идетъ.
Толпа звѣрей... И шумъ и топотъ, —
Тѣснятся, лѣзутъ всѣ впередъ;
Никто дороги не даетъ,
Повсюду давка, свалка, ропотъ.
Вдругъ... поросенокъ прибѣжалъ.
Визжитъ, вертитъ хвостомъ, хлопочетъ,
Впередъ скорѣй пробиться хочетъ.
Но гдѣ тутъ! тѣсно! глупъ онъ, малъ,
И позади бы всѣхъ остался,

Да къ счастью съ теткой повстрѣчался.
— „Mon Dieu! ma tante! совсѣмъ бѣда!
Не знаю, какъ попасть туда!
Идти со всѣми — несподручно,
Такъ трудно, далеко и скучно;
Пожалуй, можно и устать!
Ma tante! нельзя ль похлопотать!“
— „Ахъ, милый мой, я непремѣнно!
Ты сынъ моей сестры безцѣнной,
Ступай за мной; сейчасъ иду;
У льва я кое съ кѣмъ въ ладу:
Мнѣ тамъ знакомъ кабанъ, роденька:
Ахъ, вотъ и онъ: Cousin de grâce!
Большая просьба есть до васъ!
Нельзя ли намъ помочь маленько
Вотъ этихъ обогнать скотовъ?“
— „Ma chère cousine! для васъ готовъ
Avec plaisir! За мной ступайте.“
Смотрите же, не отставайте.
И вотъ кабанъ въ толпу идетъ;
Толкаетъ, давитъ всѣхъ, грызетъ.
Столкнуться съ нимъ — плохое дѣло!
Пырнетъ клыкомъ — не камень тѣло!
Попробуй-ка не пропусти,
Да и у льва-то онъ въ чести.
Пройти ему труда не много;
Въ толпѣ просторъ, вездѣ дорога!
Такъ онъ легко и безъ хлопотъ,
Скорехонько прошелъ впередъ;
А вплоть за нимъ прошла кузина,

Съ нимъ видно близкая скотина;
И поросенокъ впереди!...
Да онъ-то какъ впередъ пробрался?
За хвостикъ тетенькинъ держался.
Попробуй-ка другой пройти!
Вѣдь, право, какъ это иной,
Далеко бывши за тобой,
Впередъ такъ скоро поспѣваетъ?
Посмотришь: глупъ, лѣнивъ и малъ,
Какъ поросенокъ замаралъ
Себя давно, а пролѣзаетъ!
Знать, тоже хвостикъ помогаетъ...

С. Г. Фругъ.

Три слова.

Не потому, чтобъ этотъ храмъ былъ лучшій
Для откровеній и чудесъ;
Не потому, чтобъ грозовыя тучи
Не омрачали тѣхъ небесъ, —
Не оттого я, какъ на скорбной тризнѣ
Погибшей радости моей,
Рыдаю о потерянной отчизнѣ
И о святынѣ прежнихъ дней.

Я оттого скорблю о нашемъ старомъ горѣ,
Что и на всемъ мірскомъ просторѣ
Всѣмъ новымъ радостямъ его не затопить;
Скорблю и вѣчно буду слезы лить
Я оттого, что, въ мірѣ какъ въ пустынѣ
Бродя, лишенъ я радости понынѣ

Соединить въ душѣ усталой и больной,
Какъ три цвѣтка въ одномъ букетѣ,
Три слова лучшихъ и священнѣйшихъ на свѣтѣ:
Мой Богъ, мой храмъ, мой край родной! . . .

Д. Цензоръ.

* * *

Листья золотистые падаютъ въ саду.
Я люблю ихъ шелесты. Я туда пойду.
Тамъ ковры червонные между черныхъ пней
Пахнутъ увяданіемъ съ каждымъ днемъ сильнѣй.
Долго, долго по саду я бродить готовъ.
Вотъ поникла дѣвушка, въ желтизнѣ кустовъ . . .
Какъ она задумчива! Цвѣтъ ея волосъ
Ласково сливается съ золотомъ березъ.
Дѣвушка печальная, что ты ищешь тамъ?
Что подносишь медленно къ сердцу и устамъ?
Отчего устала ты? Отчего блѣдна?
Поброди съ мечтателемъ, если ты одна . . .
Дѣвушка испуганно въ даль уходитъ прочь.
Потемнѣло золото. Скоро будетъ ночь,
Сказочныя сумерки развернулъ закатъ.
Листья осыпаются. Листья шелестятъ.

Саша Черный.

Колыбельная.

Мать уѣхала въ Парижъ . . .
И не надо! Спи, мой чижъ.
А-а-а! Молчи, мой сынъ;
Нѣтъ послѣдствій безъ причинъ.

Черный, гладкій тараканъ
Важно лѣзетъ подъ диванъ.
Отъ него жена въ Парижъ
Не сбѣжитъ, о, нѣтъ, шалишь!

Съ нами скучно. Мать права.
Новый гладокъ, какъ Бова,
Новый гладокъ и богатъ.
Съ нимъ не скучно . . Такъ-то, братъ!

А-а-а! Огонь горитъ.
Добрый снѣгъ окно пушитъ.
Спи, мой кроликъ, а-а-а!
Все на свѣтѣ трынъ-трава . . —

Жили-были два крота . . .
Вынь-ка ножку изо рта!
Спи, мой зайчикъ, спи, мой чижъ —
Мать уѣхала въ Парижъ.

Чей ты? Мой или его?
Спи, мой мальчикъ, ничего!
Не смотри въ мои глаза . . .
Жили козликъ и коза . . .

Козъ козу увезъ въ Парижъ.
Спи, мой котикъ, спи, мой чижъ!
Черезъ . . годъ . . вернется . . мать . .
Сына новаго рожать . . .

Саша Черный.

Бытъ.

Реветъ сынокъ. Побитъ за двойку съ плюсомъ.
Жена на локоны взяла послѣдній рубль.
Супругъ, убитый лавочкой и флюсомъ,
Подсчитываетъ мѣсячную убыль.

Кряхтятъ на счетахъ жалкія копейки:
Покупка зонтика и дровъ пробила брешь,
А розовый капотъ изъ бумазейки
Бросаетъ въ потъ склонившуюся плѣшь.

Надъ самой головой насвистываетъ чижикъ
(Хоть птичка Божія не кушала съ утра).
На блюдцѣ киснетъ одинокій рыжикъ,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка подъ кроватью ставитъ кошкѣ клизму,
Въ наплывѣ счастья полуоткрывши ротъ, —
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичнымъ голосомъ взволнованно оретъ.

Безбровая сестра въ облѣзшей кацавейкѣ
Насилуетъ простуженный рояль,
А за стѣной жиличка бѣлошвейка
Поетъ романсъ: „Пойми мою печаль . . .!“

Какъ не понять?! Въ столовой тараканы,
Оставя черствый хлѣбъ, задумались слегка,
Въ буфетѣ дребезжатъ сочувственно стаканы
И сырость капаетъ слезами съ потолка!

Саша Черный.

Всероссійское горе.

(Всѣмъ добрымъ знакомымъ
съ отчаяніемъ посвящаю.)

Итакъ — начинается утро.
Чужой, какъ рѣка Брахмапутра,
Въ двѣнадцать влетаетъ знакомый.
„Вы дома?“ Къ несчастью, я дома.
Въ карманѣ пославъ ему фигу,
Бросаю нѣмецкую книгу
И слушаю, вялъ и суровъ,
Наборъ изъ ненужныхъ мнѣ словъ.
Вчера онъ торчалъ на концертѣ —
Ему не терпѣлось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевыя чувства свои.

Обрушилъ! Ахъ, въ два пополудни
Мозги мои были, какъ студни...
Но, дверь запирая за нимъ
И жаждой работы томимъ, —
Услышалъ я новый звонокъ:
Припелъ первокурсникъ-щенокъ.
Несчастный влюбился въ кого-то...
Съ багровымъ лицомъ идіота
Кричалъ онъ о „ней“, о богинѣ,
А я ее толстой гусыней
Въ душѣ называлъ безпощадно...
Не слушалъ! Съ улыбкою стадной
Кивалъ головою сердечно
И мямлилъ: „конечно, конечно!“

Въ четыре ушелъ онъ... Въ четыре!
Какъ тигръ я шагалъ по квартирѣ.
Въ пять ожилъ и, вытеревъ потъ,
За прерванный сѣлъ переводъ.
Звонокъ... Съ добродушіемъ вѣдьмы
Встрѣчаю поэта въ передней.
Сегодня собратъ имянинникъ
И проситъ дать взаймы полтинникъ.
„Съ восторгомъ!“ Но онъ... остается!
Въ столовую томно плетется,
Извлекъ изъ-за пазухи кипу
И съ хрипомъ, и сипомъ, и скрипомъ
Читаетъ, читаетъ, читаетъ...
А бѣсъ меня въ сердце толкаетъ:
Ударь его лампою въ ухо!
Всади кочергу ему въ брюхо!

Квартира? Танцкласъ ли? Харчевня?
Прилѣзла рябая дѣвица:
Нечаянно „Мѣсяцъ въ деревнѣ“
Прочла и пришла „подѣлиться“...
Зачѣмъ (подъ лопатки ей дышло!)
Ко мнѣ направляясь, — сначала
Она подъ трамвай не попала?
Звонокъ... Шаромыжникъ бродячій,
Случайный знакомый по дачѣ,
Раздѣлся, подсѣлъ къ фортепьяно
И лупитъ. Не правда ли, странно?

Какіе-то люди звонили,
Какіе-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бѣгалъ тихонько на кухню,
И плакалъ за вьюшкою грязной
Надъ жизнью своей безобразной.

Саша Черный.

Городская сказка.

Профиль тоньше камеи,
Глаза, какъ спѣлыя сливы,
Шея бѣлѣе лилеи
И станъ, какъ у лэди Годивы.

Дѣву съ душою бездонной,
Какъ первая скрипка оркестра, —
Не даромъ прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришелъ къ мадоннѣ филологъ,
Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ.
Разсказъ мой будетъ недологъ:
Филологъ влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
Въ глаза ея, губы и уши,
Цѣдилъ за фразою фразу,
Томился, какъ рыба на сушѣ.

Хотѣлось быть ея чашкой,
Братомъ ея или теткой,
Ея эмалевой пряжкой
И даже зубной ея щеткой! . . .

— Устали, Варвара Петровна?
О, какъ дрожатъ ваши ручки!
Шепнулъ филологъ любовно,
А въ сердце вонзились колючки.

„Устала. Вскрывала студента:
Трупъ былъ жирный и дряблый.
Холодъ . . . Сталь инструмента —
Руки, конечно, иззябли.

Потомъ у Калинкина моста
Смотрѣла своихъ венеричекъ,
Устала: ихъ было до ста.
Что съ вами? Вы ищете спичекъ?

Спички лежатъ на окошкѣ.
Ну, вотъ. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затѣмъ, мнѣ съ подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потомъ . . . былъ скучный анализъ:
Выдѣленье въ мочѣ мочевины . . .

Ахъ, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла —
Коллега! Возьмите варенья, —
Сама сегодня варила.

Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ
Сказалъ беззвучно: „спасибо!“
А въ горлѣ комъ кислосладкій
Бился, какъ въ неводѣ рыба.

Не хотѣлось быть ея чашкой,
Ни братомъ ея и ни теткой,
Ни ея эмалевой пряжкой,
Ни зубной ея щеткой!

Саша Черный.

Любовь не картошка.

(Повѣсть.)

Аронъ Фарфурникъ застукалъ наслѣдницу дочку
Съ голодранцемъ студентомъ Эпштейномъ:
Они цѣловались! Подъ сливой у старыхъ качелей.
Аронъ, выгоняя Эпштейна, измялъ ему страшно сорочку;
Дочку заперъ въ кладовку и долго сопѣлъ надъ бассейномъ,
Гдѣ плавали красныя рыбки. „Несчастный капцанъ!“
Что было! Эпштейна чуть-чуть не съѣли собаки,
Madame изсморкала отъ горя четыре платка,
А бурный фарфурникъ разбилъ фамильный подносъ.
На утро очнулся. Разгладилъ бобровые баки,
Сѣлъ съ женой на диванъ, втиснулъ руки въ бока
И позвалъ отъ слезъ опухшую дочку.
Пилили, пилили, пилили, но дочка стояла, какъ идолъ.

Смотрѣла въ окно и скрипѣла, какъ злой попугай:
„Хочу за Эпштейна.“ — „Молчать!!“ — „Хо-чу за Эпштейна!“
Фарфуникъ подумалъ... вздохнулъ. Ни словомъ рѣшенья не выдалъ.
Послалъ куда-то прислугу, а самъ, какъ бугай,
Уставился тяжко въ коверъ. Дочку заперли въ спальнѣ.
Эпштейнъ голодранецъ откликнулся быстро на зовъ:
Пришелъ негодяй, закурилъ и разсѣлся, какъ дома.
Madame огорченно сморкается въ пятый платокъ.
Ой, сколько она наплела удручающихъ слезъ:
„Сибирщикъ! Босякъ! Лапацонъ! Свиная трахома!
Провокаторъ невиннѣйшей дѣвушки, чистой, какъ макъ!“
„Ша...“ началъ фарфурникъ: „Скажите, могли бы ли вы
Купить моей дочкѣ хоть зонтикъ на ваши несчастныя средства?
Галошу одну могли бы ли вы ей купить?!“
Зажглись въ глазахъ у Эпштейна зловѣщіе львы:
„Купить бы купилъ, да никто не оставилъ наслѣдства...“
Со стѣнки папаша фарфурника строго косится.
„Ага, молодой человѣкъ! Но я не нуждаюсь! Пусть такъ.
Кончайте вашъ курсъ, положите дипломъ на столѣ и вѣнчайтесь —
Я тоже имѣю въ груди не лягушку, а сердце...

Пускай хоть за утку выходитъ — лишь былъ бы
счастливый вашъ бракъ,
Но раньше диплома, пусть громъ васъ убьетъ, не
встрѣчайтесь
Иначе я вамъ сломаю всѣ руки и ноги.“

„Да, да . . .“ сказала madame. „Въ дворянской банѣ
во вторникъ
Уже намеками довольно прозрачно про васъ и про
Розу —
Ихъ счастье, что я изъ за пара не видѣла, кто!“
Эпштейнъ поклялся, что будетъ жить, какъ
затворникъ,
Учелъ про себя фарфурника злую угрозу
И вышелъ, взволнованнымъ ухомъ ловя рыданья
изъ спальни.

Вечеромъ, вечеромъ сторожъ билъ,
Въ колотушку, что есть силы!
Какъ шакалъ Эпштейнъ бродилъ
Подъ окошкомъ Розы милой.
Лампа погасла, всхлипнуло окошко,
Въ рамѣ-бѣлое, нѣжное пятно.
Полѣзъ Эпштейнъ — любовь не картошка:
Гоните въ дверь, ворвется въ окно.
Заперли, заперли крѣпко двери,
Задвинули шкапомъ, чтобъ было вѣрнѣй.
Эпштейнъ наклонился къ фарфурника дщери
И мучитъ губы больнѣй и больнѣй . . .
Ждать ли, ждать ли диплома три года?
Роза цвѣтетъ — Эпштейнъ не бревно.

Любовь не картошка и — рвется природа
Радостно, буйно и смѣло въ окно!...
За дверью фарфурникъ; уткнувшись въ подушку,
Храпитъ баритономъ, жена — дискантомъ,
Раскатисто сторожъ бубнитъ въ колотушку,
И ночь неслышно обходитъ домъ.

Саша Черный.

Лошади.

Четыре кавалера
Дежурятъ возлѣ сквера,
Но Вѣра не идетъ;

Друзья отъ скуки судятъ
Бока ея и груди,
Рѣсницы и животъ.

„Невредная блондинка!“
„Н-да-съ, дѣвочка съ качинкой...“
„Жаль только не того-съ!“

„Шалишь, а та интрижка
Съ двоюроднымъ братишкой?“
„Ну, это, братъ, вопросъ.“

Вдали мелькнула Вѣра.
Четыре кавалера,
Съ изяществомъ стрекозъ,

Галантно подлетѣли
И сразу прямо къ цѣли:
„Какъ спали, хорошо-съ?“

„А къ вамъ, ха—ха, въ окошко
Стучалась ночью кошка...“
„Съ усами... Ха—ха—ха!“

Краснѣетъ Вѣра густо
И шепчетъ: „Будь вамъ пусто
Какая чепуха...“

Подходитъ пятый лихо
И спрашиваетъ тихо:
„Ну, какъ дѣла, друзья?“

Смѣясь, шепнулъ четвертый:
„Морочитъ хуже черта —
Пока еще нельзя.“

Смотри... Скрывать не гоже!
Я въ очереди тоже...“
„Само собой, мой другъ.“

Пять форменныхъ фуражекъ
И десять глупыхъ ляжекъ
Замкнули Вѣру въ кругъ.

Саша Черный.

Пѣснь пѣсней.

(Поэма.)

Носъ твой — башня Ливанская,
обращенная къ Дамаску.
(Пѣснь пѣсн. Гл. VII. 5.)

Царь Соломонъ сидѣлъ подъ кипарисомъ
И ѣлъ индюшку съ рисомъ.
У ногъ, какъ воплощенный миѳъ,
Лежала Суламиѳь

И, высунувши розовенькій кончикъ
Единственнаго въ мірѣ язычка,
Какъ кошечка при видѣ молочка,
Шептала: „Соломонъ мой, Соломончикъ!“
„Ну что?“ промолвилъ царь,
Обгладывая лапку.
„Опять раскрыть мой ларь?
Купить шелковъ на тряпки?
Кровать изъ янтаря?
Запястье изъ топазовъ?
Скорѣй проси царя,
Проси, цыпленокъ, сразу!“
Суламиѳь царя перебиваетъ:
„О, мой царь! Года пройдутъ какъ сонъ —
Но тебя никто не забываетъ —
Ты мудрецъ, великій Соломонъ!
Ну а я, шалунья Суламита,
Съ лучезарной, смуглой красотой,
Этимъ міромъ буду позабыта,
Какъ котенокъ въ хижинѣ пустой!
О, мой царь! Прошу тебя сердечно:
Прикажи, чтобъ мѣдникъ твой Хирамъ
Вылилъ статую мою изъ мѣди вѣчной, —
Красотѣ моей нетлѣнный храмъ!...“
„Хорошо! — говоритъ Соломонъ. —
Отчего же?“
А ревнивыя мысли поютъ на мотивъ:
У Хирама ужъ слишкомъ красивая рожа —
Попозировать хочетъ моя Суламиѳь.

Но вѣдь я, Соломонъ, мудрецомъ называюсь
И Хирама изъ Тира мнѣ звать не резонъ...
„Хорошо, Суламиѳь, хорошо, постараюсь!
Подаритъ тебѣ статую царь Соломонъ...“
Царь тихонько отъ шалуньи
Шлетъ къ Хираму въ Тиръ гонца,
И въ седьмое новолунье
У параднаго крыльца
Соломонова дворца
Появился караванъ
Изъ тринадцати верблюдовъ,
И на нихъ литое чудо —
Отвратительнѣй верблюда
Мѣдный, въ шесть локтей балванъ!
Стража, чернь и служки храма
Насѣдаютъ на Хирама:
„Идолъ? Чей? Кому? Зачѣмъ?“
Но Хирамъ безстрастно нѣмъ.
Вдругъ выходитъ Соломонъ.
Смотритъ: „Что это за грифъ
Съ безобразно длиннымъ носомъ?“
Не смущаясь симъ вопросомъ,
Мѣдникъ молвитъ: „Суламиѳь.“
„Ахъ! сорвалось съ нѣжныхъ устъ.
И живая Суламита
На плиту изъ малахита
Опускается безъ чувствъ...
Царь, взбѣсясь, уже мечомъ
Замахнулся на Хирама,
Но хирамъ повелъ плечомъ.

„Соломонъ, побойся срама!
Не спьяна и не во снѣ
Лилъ я мѣдь, о, царь сердитый,
Вотъ пергаментъ твой ко мнѣ
Съ описаньемъ Суламиты:
Носъ ея — башня Ливана!
Ланиты ея — половинки граната.
Ротъ, какъ земля Ханаана,
И брови, какъ два корабельныхъ каната.
Сосцы ея — юныя серны,
И груди, какъ двѣ виноградныя кисти,
Глаза — золотыя цистерны,
Рѣсницы, какъ вѣчно-зеленые листья.
Чрево, какъ ворохъ пшеницы,
Обрамленный гирляндою лилій,
Бедра, какъ двѣ кобылицы,
Кобылицы въ кремовомъ мылѣ...
Кудри, какъ козы стадами,
Зубы, какъ бритыя овцы съ приплодомъ,
Шея, какъ столпъ со щитами
И пупокъ, какъ арбузъ, помазанный медомъ!
Въ свитѣ хохотъ заглушенный. Улыбается Хирамъ.
Соломонъ, совсѣмъ смущенный, говоритъ: „Пошелъ къ чертямъ!
Все, что слѣдуетъ по счету, ты получишь за работу.
Ты-пудильщикъ, а не мѣдникъ, ты сапожникъ...
Стыдъ и срамъ!“
Съ бородою по колѣна, изъ толпы — пророкъ Абрамъ
Выступаетъ вдохновенно: „Ты виновенъ — не Хирамъ!“

Но не стоитъ волноваться, всякій можетъ увлекаться.
Ты писалъ и разскакался, какъ козуля по горамъ.
„Пѣсня пѣсней“ — это чудо! И безсиленъ здѣсь Хирамъ.
Что онъ дѣлалъ? Выпилъ блюдо въ дни, когда ты строилъ храмъ...
Но клянусь! Въ двадцатомъ вѣкѣ по рожденіи Мессіи
Молодые человѣки возродятъ твой стиль въ Россіи..

Суламиѳь открываетъ глаза,
Соломонъ наклонился надъ нею:
„Не волнуйся, моя бирюза!
Я послалъ ужъ гонца къ Амонею.
Онъ хоть старъ, но прилеженъ, какъ волъ
Говорятъ, замѣчательный мѣдникъ...
А Хирамъ твой — бездарный оселъ
И при этомъ еще привередникъ!
Будетъ статуя здѣсь — не проси —
Черезъ два или три новолунья“...
И въ отвѣтъ прошептала: „Merci!“
Суламиѳь, молодая шалунья.

О. Чюмина.

Безправная.

Окончился обрядъ блестящихъ похоронъ:
Осыпанъ розами, оплаканъ, погребенъ,
Согласно правиламъ строжайшимъ этикета,
И вотъ послѣдняя отъѣхала карета.
Какъ пѣли пѣвчіе, какая масса розъ,
И рѣчь надгробную какъ чудно произнесъ

Отецъ архимандритъ! — въ плерезахъ и вуали
Изъ крепа — символы наглядные печали —
Какой изящною казалася вдова.
Въ моментъ прощанія съ ней обморокъ едва
Не сдѣлался. Когда въ сопровожденьи брата
И стройнаго, въ pince-nez, съ бородкой дипломата
Она съ платкомъ у глазъ ко гробу подошла,
Шепнули многіе: „Ахъ, какъ она мила
Въ глубокомъ траурѣ! — А жизнь ея была
Не легкою... Да, да!“ — и тутъ передавали
Другъ другу шепоткомъ подробности о томъ,
Что ихъ покойный другъ, къ несчастію, едва-ли
Способенъ былъ служить супруга образцомъ:
„Тутъ женщина одна... Онъ съ нею былъ знакомъ;
Лѣтъ шесть... бухгалтерша, иль что-то въ этомъ
родѣ,
Изъ нынѣшнихъ... И онъ мечталъ ужъ о разводѣ,
Хотѣлъ ей имя дать.“ — „Возможно-ли? Horreur!
Несчастная Aline! — Вѣдь ей грозилъ позоръ!“ —
Но все окончилось, и масса приглашенныхъ
Особъ и важныхъ лицъ, обрядомъ утомленныхъ,
Разъѣхались; ушли рабочіе домой,
Поставивъ крестъ, — и холмъ, усыпанный цвѣтами,
Пригрѣтый яркими, весенними лучами,
Съ крестомъ, сіяющимъ на солнцѣ бѣлизной,
Остался одинокъ.
— Но вотъ въ концѣ аллеи
Мелькнула женщина. Минуя мавзолеи
И скромные кресты, приблизилась она
Съ заплаканнымъ лицомъ, измучена, блѣдна,

И озираясь тревожно, боязливо,
Какъ робкій, загнанный собаками, звѣрекъ,
Она изъ-подъ плаща, украдкою вѣнокъ
Рукой дрожащею достала торопливо,
И, положивъ его къ подножію креста
Среди вѣнковъ другихъ, безмолвно зарыдала
И, зашатавшися, лицомъ на дернъ упала;
Она не плакала, но блѣдныя уста
Дрожали отъ глухихъ, подавленныхъ рыданій.
Ей выплакать пришлось за эти дни страданій
Всѣ слезы, и теперь, увы, ихъ больше нѣтъ.
Что было съ ней, когда впервые изъ газетъ
Пришлося ей узнать о моментальной смерти
Того, кто ей дороже жизни былъ!
Не можетъ-быть! На-дняхъ онъ былъ въ концертѣ
Съ знакомою семьей, потомъ онъ заходилъ
Къ ней утромъ. Радуясь заранѣе свободѣ
Своей, онъ говорилъ, что просьба о разводѣ
Имъ заготовлена, и — вдругъ... Не можетъ-быть!
Къ нему, скорѣй къ нему! Увидѣть, разспросить!...

У памятнаго ей массивнаго подъѣзда
Въ ней сердце дрогнуло на мигъ, при видѣ съѣзда
Громаднаго каретъ. Кружилась голова...
Какъ будто-бы сквозь сонъ ей слышались слова:
— „Скончался въ эту ночь!“ — По лѣстницѣ
блѣднѣя,
Спѣшитъ она, и вотъ предъ ней лицо лакея —
„Не велѣно пускать!“ — А тамъ, за дверью той,
Предъ ней безжалостно, нахально запертой,

Ей слышится напѣвъ печальной панихиды,
И слезы жгучія страданья и обиды,
Позора — хлынули изъ глазъ!...
Какъ жаждала она на вѣкъ, въ послѣдній разъ
Проститься съ тѣмъ, кого безумно полюбила
И для кого оставила семью,
Отдавъ ему любовь, и честь, и жизнь свою!
Взглянуть въ лицо его. И въ этомъ даже было
Отказано!!... — Туда идутъ толпы людей
Чужихъ ему, и ей, одной лишь только ей,
Нѣтъ мѣста близъ него, нѣтъ мѣста между ними! —
И вновь-сегодня, въ день печальный похоронъ,
Съ вуалью на лицѣ, скрываясь межъ колоннъ
На паперти, она, подъ взорами косыми
Лакеевъ и зѣвакъ, съ тоской ждала конца.
Ей мѣста не было у гроба мертвеца,
Семья покойнаго боялася „скандала“
И „мѣры“ приняла... О, какъ она страдала!
Но все окончилось. Теперь она одна
Осталась съ нимъ. Кругомъ — нѣмая тишина,
Никто не явится, отъ гроба дорогого
Никто не оторветъ, никто не запретитъ
Ей плакать. Отъ нея вѣдь отняли живого,
Но мертвый — онъ лишь ей одной принадлежитъ.
Она слегла. Когда-жъ, оправясь, черезъ силу,
Худая, слабая, пришла она могилу
Провѣдать, то ее едва могла она
Узнать... Рѣшеткою рѣзной обнесена,
Затворена на ключъ, вся мраморомъ обшита,
Искусственныхъ цвѣтовъ гирляндами обвита —

Она являлась ей холодною, чужой...
А какъ хотѣлось ей больною головой
Припасть на свѣжій дернъ, съ рыданіемъ, какъ прежде!
Все отняли у ней, не сбыться и надеждѣ
Послѣдней! Боже мой! Умершій иль живой
Онъ имъ принадлежитъ, не ей стыдомъ покрытой —
„Безправной“ — въ ихъ глазахъ... О жгучая тоска!
Она отъ мертваго такъ страшно далека,
Какъ этотъ, весь въ грязи, поломанный, разбитый,
Съ могилы сброшенный въ траву, у самыхъ ногъ —
Когда-то ей самой возложенный вѣнокъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

Credo.

Я хочу быть свободной, какъ вѣтеръ степей,
Какъ волшебная пѣсня поэта, —
Вырвать душу свою изъ мертвящихъ цѣпей,
Изъ оковъ лицемѣрнаго свѣта.
Я хочу никого никогда не просить,
Я хочу безграничной свободы —
Я хочу безъ стѣсненья ласкать и любить
Межъ красотъ вѣчно юной природы.
Я хочу, чтобъ къ тебѣ приводила луна,
Въ часъ скользящихъ и призрачныхъ тѣней
Лишь меня: чтобы я наполняла одна
Рой весеннихъ твоихъ сновидѣній.
Я хочу, о мой другъ, любоваться съ тобой
И звѣздами и алой денницей.
Я хочу быть твоею безвольной рабой —
Я хочу быть твоею царицей!

Т. Щепкина-Куперникъ.

* * *

Глубоко въ тайникахъ земли,
Не видя дня, не видя свѣта,
Не видя яркой жизни лѣта,
Растеній сѣмена легли.
Работой ихъ корней неслышной
И росъ, и крѣпнулъ стебелекъ,
И наконецъ расцвѣлъ цвѣтокъ,
Блистая красотою пышной.

Глубоко въ тайникахъ ума
Легло губительное горе —
И не играла жизнь во взорѣ,
И душу охватила тьма.
Но горе властью сокровенной
Невольно возвышало умъ,
И излилась вся горечь думъ
Въ восторгѣ пѣсни вдохновенной!

Т. Щепкина-Куперникъ.

Счастье.

Причудливо смѣшались свѣтъ и тѣни,
Вдали аллея солнцемъ залита,
Ищу я „счастья“ въ лепесткахъ сирени,
Привычною мечтою занята.
Узоромъ страннымъ тѣневыя пятна
Мѣняются на золотомъ пескѣ . . .

Вся бѣлоснѣжна, дивно ароматна,
Сирень дрожитъ въ пылающей рукѣ.
— А „счастья“ нѣтъ, шепчу я безнадежно:
Ужель найти его не суждено? . . .
И вдругъ . . . сирень отброшена небрежно:
Шаги — ты здѣсь . . . О, счастье! вотъ оно.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Изъ женскихъ писемъ.

(Отрывки.)

— Мнѣ позабыть тебя? Нѣтъ, никогда! Ты слышишь?
Да можно позабыть скорѣй
То сердце, что стучитъ въ груди твоей,
И воздухъ тотъ, которымъ дышишь.
Ну, да! Старалась я, за дѣломъ и въ толпѣ,
Гнать прочь мечту мою. Но вотъ опять случайно
Въ лиловомъ сумракѣ заснувшаго купэ
Осталась я одна; и вкрадчиво и тайно
Прекрасный образъ твой, какъ нѣжный, вѣрный духъ
Пришелъ и сталъ сюда, такъ близко къ изголовью,
Что имя милое шепчу я чуть не вслухъ,
Съ мучительной тоской, съ мучительной любовью.
Воспоминанія толпятся вереницей,
Расплавленнымъ свинцомъ они мнѣ сердце жгутъ.
Картины прошлаго страница за страницей
Подъ ровный шумъ колесъ передо мной встаютъ.
На станціи глухой, волнуясь и блѣднѣя,
Дрожа, какъ дѣвочка, тебя ждала я, другъ.

Осенней свѣжестью дышало все вокругъ.
Блестѣла золотомъ кленовая аллея.
Въ саду еще цвѣли послѣдніе кусты
Пунцовыхъ георгинъ; поспѣвшая рябина
Краснѣла гроздьями; бѣлѣясь, паутина
Летала въ воздухѣ, а желтые листы,
На землю падая, кружились съ легкимъ шумомъ.
Прислушивалась я къ своимъ мятежнымъ думамъ;
Тамъ, близко, впереди
Ждала я счастія съ дымкомъ локомотива.
О Боже, Боже мой! Какъ все я помню живо:
Улыбку милую твою, твой гордый ротъ,
Блестящіе глаза и шепотъ твой тревожный:
— „За нами здѣсь слѣдятъ... Будь очень осторожной.“
Звонокъ, потомъ свистокъ, еще свистокъ — и вотъ
Мы вмѣстѣ! Мы съ тобой!...
— Ты помнишь тѣ мгновенья?
Ты помнишь, какъ, полны блаженнаго волненья,
Другъ друга за руку держали мы съ тобой?...
А первый поцѣлуй сквозь легкій тюль вуали,
А взгляды страшные, что грозно намъ кидали
Двѣ дамы старыя, — ты помнишь? Боже мой?...
Какъ мы прозвали ихъ, два старые дракона
Потомъ уснули сладкимъ сномъ.
А мы не спали!... Нѣтъ!... Въ молчаніи ночномъ,
Въ лиловомъ сумракѣ вагона
Я голову къ тебѣ склонила на плечо,
Тебѣ слова любви шептала безъ завѣта,
Твоимъ рѣчамъ внимала горячо..

Мы были счастливы... Мы платимся за это!
Такъ ночь прошла, какъ сонъ.
На утро мы вдвоемъ
Съ тобою въ городѣ затеряны чужомъ.
Но чудный сонъ прошелъ. Три дня!... Всего три дня!...
Когда онъ наступилъ, тяжелый часъ разлуки,
Я думала, что грудь не выдержитъ отъ муки...
Но плакать не могла я, счастье хороня.
— Долгъ! Честь! Обязанность!... О, фразы, фразы, фразы!...
Я не избѣгнула губительной заразы
Пустыхъ и жалкихъ словъ, что съ дѣтства наизусть
Велятъ намъ затвердить ханжи и лицемѣры.
Долгъ? Честь? Обязанность?.. Безумiе! Химеры!..
Нарушила я долгъ, что мнѣ за дѣло? Пусть!
Мой долгъ — любить тебя, честь — на тебя молиться;
Обязанность — душой съ твоей душою слиться,
Ловить твой каждый взглядъ, повсюду за тобой
Покорно слѣдовать счастливою рабой!...
— Зачѣмъ же смѣлости тогда мнѣ не хватило?
Зачѣмъ на твой нѣмой, но понятый вопросъ
Я только полные невыплаканныхъ слезъ
Глаза тоскливо опустила.
И вотъ разстались мы. Ты — на родной твой югъ,
Гдѣ ждетъ тебя твой трудъ и слава и искусство;
Я, — я домой... на сѣверъ, о мой другъ —
Учиться покорять разсудку, волѣ, — чувство.
Но только поѣздъ твой совсѣмъ исчезъ вдали,
Мнѣ слезы страстныя всю душу обожгли.

На бархатный диванъ упала я, рыдая...
„Вернись! Вернись ко мнѣ! Тебѣ я все отдамъ.
Жизнь, волю!..“ Поздно ужъ. увы!.. Моимъ слезамъ
Отвѣта не было!
— Три дня!... всего три дня,
Простишь ли ты, скажи, простишь ли ты меня,
Что послѣ этихъ дней разсталась я съ тобою?
Что счастіе тебѣ такъ полно я дала,
И отъ тебя взяла съ такою полнотою
И такъ безжалостно, такъ больно прервала.
— Такое счастіе пройти не можетъ даромъ;
Теперь все кажется ненужнымъ, скучнымъ, старымъ.
А, нѣтъ! Молчаніе мнѣ было лучшей казнью
И способъ я нашла заговорить теперь:
Мое рѣшеніе всѣ муки успокоитъ,
Да... Монастырь меня въ своихъ стѣнахъ укроетъ.
— Твоей любви тогда я не взяла,
Подумай, жизнь разбить боялась я чужую.
Но эта жертва слишкомъ тяжела.
Я умираю!... Я тоскую...
Но прежде чѣмъ уйду — послѣдняя мольба:
Дай мнѣ еще тебя увидѣть на прощанье!...
Сказать, что я люблю, что я твоя раба,
Что съ твердостью свое исполню обѣщанье.
О! если не простишь — вѣрь, я не упрекну;
Виновна только я, и мнѣ нести вину.
Но можетъ быть найдетъ мой другъ великодушный
Въ душѣ, недавнему волненію послушной,
Довольно силъ простить?... Въ послѣдній разъ
склонюсь,

Съ благоговѣйнымъ обожаньемъ
Съ умершимъ счастіемъ моимъ навѣкъ прощусь.
Упьюсь я счастія безумнаго страданьемъ...
А!... Дай мнѣ этотъ сонъ увидѣть на яву
Передъ послѣднею, тяжелой, вѣчной драмой!"
Отвѣтъ всего шесть словъ, но срочной телеграммой:
„О, милая, люблю, прощаю — и зову!..."

Т. Щепкина-Куперникъ.

Любовь — это сонъ упоительный.

(Изъ „Принцессы Грезы Э. Ростана").

Любовь — это сонъ упоительный,
Свѣтъ жизни, источникъ живительный,
Въ ней муки, восторгъ, въ ней весна,
Блаженства и горя полна
И слезы,
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она.
Но чужды мнѣ дѣвы прекрасныя,
Объятья безумныя, властныя,
И шелковыхъ косъ ароматъ,
И очи, что жгутъ и томятъ,
И лепетъ,
И трепетъ,
И устъ упоительный ядъ.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,

Какъ смерть безнадежною;
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.
Изъ царства видѣній слетая,
Лазурнымъ огнемъ замирая,
Нисходитъ на землю она
Вся сказочной тайны полна.
И слезы,
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она.
Люблю — и отвѣта не жду я,
Люблю — и не жду поцѣлуя:
Вѣдь въ жизни одна красота —
Мечта, дорогая мечта.
И сладкой
Загадкой
Теперь моя жизнь объята.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежную,
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Милосердіе.

Нѣтъ, милосердіе не въ томъ, чтобъ ради неба
Подать несчастному скитальцу корку хлѣба,
Иль освѣжить его въ томящій лѣтній зной
Изъ кружки глиняной съ холодною водой,
Или отдать ему ненужную одежду,
Иль ласково шепнуть больному про надежду.
Есть милость высшая, и ею міръ великъ!
Вы знаете-ли тѣхъ, чья жизнь — одинъ лишь холодъ,
Измученной души — по ласкѣ вѣчный голодъ?
Увы! Имъ не знакомъ любви святой языкъ;
Какъ птички, что въ лѣсу застигнуты грозою,
Они напуганы безжалостной судьбою,
И счастья нѣтъ для нихъ, и солнца нѣтъ для нихъ..
Ихъ знаетъ только Богъ... Но Онъ — Онъ любитъ ихъ.
И если дали имъ хоть лучъ вы утѣшенья, —
Вы много сдѣлали для своего спасенья!

А. М. Ѳедоровъ.

Крымскій очеркъ.

Я влюбился въ безбрежное море,
Въ красоту фіолетовыхъ горъ,
И забылъ молчаливое горе
И сомнѣній глухой разговоръ.
Обаяніемъ сладостнымъ полный,

По часамъ я сидѣлъ на скалѣ
И слѣдилъ, какъ прозрачныя волны
Въ упоеньи ласкались къ землѣ;
И ласкались и что-то шептали
И, въ залогъ обаятельныхъ грезъ,
На гирляндахъ плюща оставляли
Миріады сверкающихъ слезъ.

А. М. Ѳедоровъ.

Сирень.

Цвѣла сирень. Былъ вечеръ тихъ и кротокъ.
Померкла даль. Умолкнула волна.
Съ молитвою алмазы звѣздныхъ четокъ
Перебирала на небѣ весна.

Цвѣла сирень. И ты была со мною;
Твой взглядъ мерцалъ звѣздой изъ темноты.
Садъ былъ въ росѣ. Свѣтились подъ луною
Душистые, лиловые цвѣты.

Я говорилъ... Что говорилъ, — не знаю...
Не помню словъ. И были ли слова?...
Была сирень... Былъ садъ, подобный раю...
И ты со мной, и въ звѣздахъ синева.

А. М. Ѳедоровъ.

* *
*

Мнѣ грустно безъ тебя во мракѣ сѣрыхъ будней.
Ничто не радуетъ, не манитъ, не влечетъ,
И чѣмъ вокругъ меня шумнѣй и многолюднѣй,
Тѣмъ одиночества томительнѣе гнетъ.

Я такъ томлюсь. Мнѣ скучно ненавидѣть,
Скучнѣй искать въ любви забвенье кѣмъ-нибудь.
О, если бъ хоть во снѣ я могъ тебя увидѣть!
Мой другъ, далекій другъ, откликнись... Не забудь!

А. М. Ѳедоровъ.

* * *

Морознымъ вечеромъ, когда румянецъ алый
Вечерняя заря по небу разольетъ,
Въ укромномъ уголкѣ, измученный, усталый,
Люблю я отдыхать отъ горя и заботъ.

Тепло и полумракъ. Огня не зажигая,
Не шевелясь, сижу одинъ, совсѣмъ одинъ...
Кипящій самоваръ поетъ неумолкая,
И весело трещитъ привѣтливый каминъ.

Тепло и полумракъ... Какъ сердце бьется ровно!
Спокойно дремлетъ умъ; угомонилась кровь.
И кажется, рука незримая любовно,
Какъ въ годы дѣтскіе, меня ласкаетъ вновь.

Тепло и полумракъ... Неясною толпою
Плывутъ обрывки думъ... Мнѣ грезится весна,
И юность, и любовь... И тихій ангелъ сна
Таинственнымъ крыломъ ужъ вѣетъ надо мною.

А. М. Ѳедоровъ.

Весенніе сны.

Что за ночь! Что за тишь! Въ блѣдномъ свѣтѣ луны
По росистой травѣ бродятъ юные сны

И кого на пути повстрѣчаютъ своемъ, —
Озарятъ, опьянятъ неземнымъ волшебствомъ.

Отъ цвѣтовъ ароматъ подниматься усталъ;
Онъ, какъ дымкой сквозной, теплый воздухъ сковалъ.

Соловей своихъ пѣсенъ не въ силахъ допѣть...
Въ эту ночь отъ блаженства легко умереть!

Въ эту ночь такъ безумно земля хороша,
Что ничья къ небесамъ не стремится душа,

И оттуда, завидуя грѣшной землѣ,
Звѣзды падаютъ къ ней въ очарованной мглѣ.

Дополненіе.

Ю. Бальтрушайтисъ.

Мой храмъ.

Мой свѣтлый храмъ — въ безбрежности
Развернутыхъ степей,
Гдѣ нѣтъ людской мятежности,
Ни рынковъ, ни цѣпей, —
Гдѣ такъ свободно, царственно
Пылаетъ грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытія...
Мой тайный храмъ — надъ кручами
Сожженныхъ солнцемъ горъ,
Надъ кручами, за тучами,
Гдѣ свѣтелъ весь просторъ, —
Гдѣ сердцу сладко дышится
Въ сіяніи вершинъ,
Гдѣ лишь туманъ колышется
Да слышенъ гулъ лавинъ...
Моя святыня вѣчная —
Въ безгранности морской,
Гдѣ воля безконечная
Предъ малостью людской, —
Гдѣ лишь тревога бурная
Гремитъ своей трубой,
Гдѣ всюду высь лазурная
Надъ бездной голубой...

Ю. Бальтрушайтисъ.

Сонъ.

Мнѣ снилось: я лежалъ уже въ землѣ сырой...
Осенній вѣтеръ вылъ надъ урной одинокой.
И вновь вернулся я тоскующей мечтой
Къ порѣ своей земной, забытой и далекой.
Я скорбно различалъ всю нищету былого,
Весь ужасъ и позоръ моихъ минувшихъ дней,
Растраченныхъ средь странствія земного,
И дрогнула душа отъ муки и стыда,
И жегъ, какъ молнія, воскресшій образъ каждый,
Какъ непосильныхъ пытокъ череда
Иль адскій пламень безконечной жажды.
И понялъ я, что жизнь — святая благодать,
И алчною душой рванулся изъ могилы
Минувшее предъ Богомъ оправдать —
Но въ скованной груди не оказалось силы.
И тяжелѣй земля на грудь мою легла...
Въ усиліи мучительно-безплодномъ
Я плакалъ и стоналъ въ гробу моемъ холодномъ
И бился, какъ въ когтяхъ у хищника-орла;
А рядомъ помнилось минувшее сіянье,
Восторги бытія, простора ликованье,
И славой, и огнемъ пылавшій небосклонъ, —
Узнайте, мертвецы: — бываетъ страшный сонъ!

Н. Гумилевъ.

* *
*

Въ мой мозгъ, въ мой гордый мозгъ собрались думы,
Какъ воры ночью въ тихій мракъ предмѣстій,
Какъ коршуны зловѣщи и угрюмы,
Онѣ, столпившись, требовали мести.

Я былъ одинъ. Мечты мои бѣжали,
Мои глаза раскрылись отъ волненья,
И я читалъ на призрачной скрижали
Мои слова, дѣла и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрѣлъ на огры смѣлыхъ и побѣдныхъ,
За то, что я кровавыми устами
Касался устъ, трепещущихъ и блѣдныхъ.

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишкомъ стройны,
За то, что пѣсни, вѣчные скитальцы,
Обманывали, были безпокойны.

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нѣжный храмъ слюнцы разрушатъ
И думы, воры въ тишинѣ предмѣстій,
Какъ нищаго во мглѣ, меня задушатъ.

Василій Князевъ.

Золотое дѣтство.

Нянька (укачивая ребенка):
Спи, моя лапушка, спи! —
Полно тревожить мамашу! . . .
Лаетъ Барбосъ на цѣпи,
Въ погребъ несутъ простоквашу . . .

шопотомъ:

Цыцъ! А не то ошарашу!

громко:

Спи, моя ласточка, спи! . . .
Тихо мурлычетъ котенокъ,
Пикаютъ мышки: „пи-пи“! . . .

шопотомъ:

Вотъ тебѣ! Вотъ! Не вопи!
Экой проклятый ребенокъ! . . .

громко:

Вѣтры бушуютъ въ степи! . . .
Спи же, мой ангельчикъ, спи! . . .

горничная (шепчетъ, входя):

Снова, никакъ „завело“? . . .
Экая чортова дудка! . . .
Соской заткни ей хайло! . . .

громко:

Жалобно крякаетъ утка:
Снѣгомъ всю клѣть замело . . .
Спи, дорогая малютка! . . .

нянька (шленая ребенка):

Воетъ! Барбосъ! на цѣпи! . . .
Спи! мое солнышко, спи! . . .

М. Кузминъ.

* * *

Когда и какъ приду къ тебѣ я?
Что дастъ намъ милая весна?
Пусть сердце падаетъ, слабѣя, —
Лазурь безбурна и ясна.
Въ мое окно съ нависшей крыши
Стучитъ весенняя капель;
Мечты все радостнѣй, все выше,
Какъ будто минулъ скорбный хмѣль.
Смотрю на скромныя угодья,
И мнится сердцу моему;
Съ веселымъ шумомъ половодья
Вернусь и все душой приму.
Языкъ мой шепчетъ: „я покоренъ“.
Но сердце ропщетъ и дрожитъ,
Ахъ, чѣмъ нашъ дальній путь проторенъ?
Куда ведетъ и гдѣ лежитъ?
Покойны бѣлые покровы,
Недвижна тѣнь сосновыхъ лапъ, —
А тѣ пути, ахъ! какъ суровы.
И я такъ жалокъ, нагъ и слабъ!
И я прошу весны сіянье
Ослабшій ледъ и талый снѣгъ
Затеплить и въ тебѣ желанье
Такихъ смиренныхъ, нѣжныхъ нѣгъ.

Омулевскій.

Встрѣча.

Мнѣ его очень хвалили:
„Честный“, да „умный такой“...
— Ну, говорю, — приведите
Какъ-нибудь вмѣстѣ съ собой.
Вотъ и пришелъ онъ. Медвѣжьей
Лапой мнѣ руку пожалъ,
Сѣлъ неуклюже, и что же? —
Тотчасъ мнѣ грубость сказалъ:
„Вамъ, говоритъ, — извините
За откровенность меня, —
Женщинамъ, надо учиться...“
— Съ азбуки? срѣзала я.
„Именно съ азбуки, — брякнулъ
Онъ, не моргнувши ни разъ: —
Въ куклы васъ прочилъ наставникъ,
Куклы и вышли изъ васъ...“
— Но, возразилъ ему кто-то, —
Женщину много учить
Вовсе не надо: довольно
Матерью честной ей быть.
„Честною матерью... шутка!
Полноте мухъ-то смѣшить...
Это не въ томъ ли ужъ смыслѣ:
Дѣтокъ побольше родить?“
Тутъ оглянула невольно
Я съ головы и до ногъ
Многохваленаго гостя:

Стыдно мнѣ стало, что могъ
Этотъ смѣшной полунищій
Полупомѣшанный гость
Принятъ быть мною въ гостиной...
Просто взяла меня злость .
Я никогда не забуду
Тѣхъ впечатлѣній вполнѣ;
Старый сюртукъ его послѣ
Даже мнѣ снился во снѣ...
Въ ту же минуту крѣпилась
Долго и я, но потомъ
Не удержалась — безумно
Расхохоталась при немъ...
Онъ не смутился, однакожъ,
Выждалъ и, кончивши рѣчь,
Вымолвилъ ѣдко, прощаясь:
„Надобно время беречь...“
Странно онъ какъ-то въ то время
Эти слова произнесъ,
Такъ-что и стыдно мнѣ было,
Вмѣстѣ и больно до слезъ...
— Что? разсмѣялися гости: —
Какъ показался онъ вамъ?
— Такъ, господа, что впередъ ужъ
Съ нимъ вы не жалуйте къ намъ!
Такъ почему-то, не знаю,
Я отвѣчала тогда;
Но... я желала бы нынѣ
Видѣть его иногда...

Иванъ Рукавишниковъ.

* *
*

Какъ я любилъ тебя... — Ты, юная, была царицей
Моей мечты.
Моя любовь была восторженною жрицей,
Моя любовь была могучей птицей,
И на крылахъ ея летѣли я и ты.
Какъ я любилъ тебя... Летѣли мы надъ міромъ,
Забывъ про міръ...
Я былъ твоимъ и ты была моимъ кумиромъ,
И наша страсть была всесильна, какъ кумиръ,
Какъ я любилъ тебя... Какою мощью ласки
Мы были полны, я и ты...
И жили мы прелестнымъ міромъ сказки,
Гдѣ все волшебно: звуки, формы, краски...
И жили мы дыханіемъ мечты.
Какъ я любилъ тебя... Какъ оба мы любили
Свою восторженную страсть...
Предъ нею мы, какъ дѣти, слабы были;
Какъ дѣти, чтили мы ея невѣдомую власть.
Какъ я любилъ тебя.. И нѣтъ тѣмъ днямъ забвенья,
Какъ нѣтъ возврата имъ. Свою мечту любя,
Я и теперь, въ порывѣ восхищенья,
Шепчу, и взоръ мой полонъ вдохновенья;
— Погибшая любовь, какъ я люблю тебя...

Оглавленіе.

Стр.

Allegro (Соловьева):

Цвѣты, цвѣты... . . . 5
Иней 5
Слова 6

А. Н. Апухтинъ:

Двѣ грезы 8
„Я ее побѣдилъ...“ . . 10
Королева 11
Люби, всегда люби... . 14
„Прощай...“ 15
„Опять пишу тебѣ...“ . 15
Ночь въ Монплезирѣ . 16
Сиротка 17
Дорожная дума 19
Позднее мщенье . . . 20
О, Боже, какъ хорошъ... 22
Гаданье 23

Т. Ардовъ:

Цвѣты 25

К. Д. Бальмонтъ:

Въ чащѣ лѣса 28
Море — вѣчное стремленье... 28
Фантазія 29
На вершинѣ 30
Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ 33
Не буди воспоминаній . 33
Завѣтъ бытія 34
Свѣча горитъ и меркнетъ... 35
Я въ этотъ міръ пришелъ... 35
Камыши 36
Лѣсныя травы 37

Стр.

К. Д. Бальмонтъ:

Молитва 37
„Доброй ночи!“ (Изъ Шелли) 38
Луна. (Изъ Шелли) . . 39
Минувшіе дни. (Изъ Шелли) 39
Пусть... (Изъ Шелли) 40
Смерть. — Они умрутъ... (Изъ Шелли) 41
Слишкомъ часто завѣтное слово... (Изъ Шелли) 42
Смерть. — Смерть всюду, всегда... (Изъ Шелли) 43
Я ласкъ твоихъ страшусь... (Изъ Шелли) 43
Я мечтою ловилъ уходящія тѣни 44
Колыбельная пѣсня . . 45
Я — изысканность русской медлительной рѣчи 45
Снѣжинка 46
Фея за дѣломъ 47
До послѣдняго дня . . 48

Е. А. Баратынскій:

Двѣ доли 49

В. Башкинъ:

Двѣ пѣсни 50

В. Г. Бенедиктовъ:

Входъ воспрещается . 51
Ты мнѣ все 53
Альпухара 54

Стр.

А. Блокъ:

„Нѣтъ“ 56
Надъ озеромъ 58
Прости 61
Тамъ въ ночной завывающей стужѣ 63
Въ синемъ небѣ, въ темной глуби 63
Въ часъ глухой разлуки съ моремъ 65
Въ голубой далекой спаленкѣ 65
Она веселой невѣстой была 66
У моря 68
На чердакѣ 69
Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ . . 70
Холодный день 71
Ночью 73

В. Брюсовъ:

Мечты о померкшемъ . . . 73
Каменщикъ 74
Рабъ 75
Первая любовь 76
Первыя встрѣчи . . . 77
Кинжалъ 78
Къ близкой 79
Намѣренія 80
Помпеянка 81
Башня любви 82
Колыбельная пѣсня . . 82
Работа 83
Вѣянье смерти 84

А. Будищевъ:

Стрекоза и одуванчикъ (Сказка) 85

И. А. Бунинъ:

Не пугай меня грозою . . . 87
Въ сторонѣ далекой . . . 88

Стр.

И. А. Бунинъ:

Помню; долгій зимній вечеръ 89
Сказка 91
Когда деревья въ свѣтлый майскій день . . . 91
Въ лѣсу 92

А. Бѣлый:

Одинъ 93
Вспомни 94
Тройка 95

П. И. Вейнбергъ:

Безконечной пеленою . . . 96
Я повѣдалъ безбрежному морю 97

Величко:

Трясогузочка 98

А. Вроцкій (Навроцкій):

Утесъ на Волгѣ 101

Г. Галина:

Nature morte 103
Лѣсъ рубятъ 103

З. Гиппіусъ:

Изнемогаю отъ усталости 104
Пѣсня 105
Любовь — одна 106
Нескорбному учителю . 106

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ:

Свиданіе со смертью . 107
Есть въ сердцѣ у меня . . . 108
Зарница 108
Отвыкъ я пѣсни пѣть! 110
Такъ жить нельзя! . . 110
Орелъ 111
Изъ Виктора Гюго . . 112

Стр.

С. Городецкій:

Весенняя пѣсенка . . . 113

М. Горькій:

Буревѣстникъ 114

В. Гофманъ:

У меня для тебя 116
Послѣ первой встрѣчи . 117

Вл. Жаботинскій:

Пріюти меня подъ крылышкомъ 117

А. Жасминовъ:

Сонетъ 118
Пророку будущаго . . 119
Приди! 119

А. М. Жемчужниковъ:

Старая дорога 120
Грустно смотрю я на жизнь 121

В. А. Жуковскій:

Свѣтлана (Баллада). Отрывки 122
Море. (Элегія) 128
Ивиковы журавли (Баллада) 129

Вл. Жуковскій:

Мы съ тобой душистыхъ ландышей 134
Сижу у камина 135
Разгони мнѣ злыя сумерки 135

П. Карповскій:

Море не спитъ 136

И. П. Козловъ:

Сонъ ратника 137
Вечерній звонъ 138

Стр.

А. В. Кольцовъ:

Дума сокола 139
Что ты спишь, мужичекъ! 140
Молитва 142
Лѣсъ 143
Пѣсня. (Такъ и рвётся душа) 146
Раздумье селянина . . 147
Пѣсня. (Ты не пой соловей) 148
Разлука 149
Не шуми ты, рожь . . 150
Перепутье 151
Пѣсня. (Не скажу никому) 152
Пѣсня. (Перстенечекъ золотой) 153
Пѣсня. (Что онъ ходитъ за мной 154
Пѣсня пахаря 155
Пѣсня разбойника . . . 157

И. А. Крыловъ:

Ворона и лисица . . . 158
Демьянова уха 159
Котъ и поваръ 161
Стрекоза и муравей . . 162
Любопытный 163

В. Ладыженскій:

Изъ неотосланнаго письма 164

М. Ю. Лермонтовъ:

Когда волнуется желтѣющая нива 166
Есть рѣчи — значенье . . . 166
Молитва 167
Тучи 168
Еврейская мелодія . . 168
Завѣщаніе 169
На смерть Пушкина . . 170
Бородино 173

Стр.

М. Ю. Лермонтовъ:

Вѣтка Палестины . . . 176
Выхожу одинъ я на дорогу 178
И скучно и грустно . . 179
Казачья колыбельная пѣсня 179
Бой съ барсомъ. (Изъ поэмы „Мцыри“) . . . 181

Ю. Лисовскій:

Колоколъ 186
Россіи 186
Прага. (Ноктюрнъ) . . 187
Свѣте Тихій 188

В. С. Лихачовъ:

Дѣлежъ 189

М. А. Лохвицкая. (Жиберъ):

Я обниму тебя такъ крѣпко 193
Я люблю тебя 194
Если бъ счастье мое . . . 194
Что такое весна? . . . 195
Нивы необъятныя . . . 197

В. Мазуркевичъ:

Письмо 198

А. Н. Майковъ:

Либуша и Премыслъ . 199
Мать 204
„Скажи мнѣ, ты любилъ“ 205
Сонъ въ лѣтнюю ночь . 207
Тарантелла 208
Дурочка. (Идиллія) . . 211
Колыбельная пѣсня . . 217
Я-бъ тебя поцѣловала . . . 218

С. Маковскій:

Любить 219

Стр.

Л. А. Мей:

Вихорь 219
Отойди отъ меня, сатана 224
Русанка 231
Пѣсня. (Ты — краса ли моя) 233
Пѣсня. (Снаряжай скорѣй) 234
Пѣсня. (Ты житье-ль мое) 235
По грибы 235
Пѣсня. (Какъ вечоръ меня) 236
Еврейскія пѣсни (I и II) 237
Въ альбомъ 238
Колыбельная пѣсня . . 239

Д. Мережковскій:

Если розы тихо осыпаются 239
Сакья—Муни 240
Пощады я молю! . . . 242
Не думала ли ты . . . 242

Н. Минскій:

Изъ „Бѣлыхъ ночей“ . 243
Молчаніе 245

Л. М. Михайловъ:

Бѣлое покрывало . . . 245

С. Я. Надсонъ:

Надъ свѣжей могилой . 248
Завѣса сброшена . . . 248
За что? 250
Мать 251
Грезы (отрывокъ) . . . 252
Другъ мой, братъ мой . . . 256
Испытывалъ-ли ты . . . 257
Бываютъ дни, когда . . . 258
Снова лунная ночь . . . 259
Нѣтъ, муза, не зови! . 260
Умерла моя муза! . . . 260
На кладбищѣ 261

Стр.

Н. А. Некрасовъ:

Зеленый шумъ 263
Несжатая полоса . . . 265
Власъ 266
Въ дорогѣ 270
Тишина 273
Школьникъ 274
Гдѣ твое личико смуглое 275
Мы съ тобой безтолковые люди 276
Внимая ужасамъ войны 277
Я за то глубоко презираю себя 277
„Размышленіе у парадnаго подъѣзда“ 278
Тройка 279
Рыцарь на часъ (отрывокъ) 281

В. И. Немировичъ-Данченко:

Каторжникъ 285

И. С. Никитинъ:

Хозяинъ 286
Вырыта заступомъ 292
Ссора 293
Портной 296

Н. И. Огаревъ:

Изъ „Монологовъ“ . . 301
Ночь 302
Еще любви безумно сердце проситъ . . . 302
Старый домъ 303

А. Н. Плещеевъ:

Молитва 304
Если хочешь ты, чтобъ мирно 305

Стр.

А. Н. Плещеевъ:

О, если бъ знали вы, друзья моей весны . . . 307
Юдоль плача 308

Я. П. Полонскій:

Казимиръ Великій . . . 309
Кузнечикъ музыкантъ (отрывки) 314
Гаданье 318
Ночь смотритъ тысячами глазъ 319
Орелъ и змѣя 319
Поцѣлуй 321
Пѣсня цыганки 321
Молитва 322
Ночь 323
Нѣтъ, нѣтъ! не оттого . . . 324

П. Порфировъ:

Послѣднее письмо . . . 325

С. В. Потресовъ:

Когда нянюшка, бывало 326
Яблоня 327

К. Прутковъ:

Помѣщикъ и трава . . 329
Нѣмецкая баллада . . 329
Древней греческой старухѣ 330
Память прошлаго . . . 331
Незабудки и запятки . 331

А. С. Пушкинъ:

Бахчисарайскій Фонтанъ (отрывокъ) 332
Погасло дневное свѣтило 335
Зимняя дорога 336
Деревня 337
Споръ 339
Анчаръ 343

Стр.

А. С. Пушкинъ:

Пророкъ 344
Для береговъ отчизны дальной 345
Утопленникъ 346
Зимній вечеръ 349
Золото и булатъ . . . 350
Роза 350
Не спрашивай, зачѣмъ . . . 351

Д. М. Ратгаузъ:

Вѣянье прошлаго . . . 351
Мы сидѣли съ тобой . . . 352
Снова, какъ прежде одинъ 353
Снова сонъ на усталыя очи 353

К. Р.

Ужъ гасли въ комнатахъ огни 354
Розы 355
На балконѣ цвѣтущей весною 356
Распустилась черемуха . . 357
Отцвѣтаетъ сирень 357
Поэту 358
Колыбельная пѣсенка . 359

Ж. Роденбахъ:

Жизнь комнатъ 360

А. С. Сафоновъ:

Это было давно 362
Кетъ 363

Скиталецъ:

Я хочу веселья 364
Колокольчики-бубенчики 364
Сказка 366

Вл. Соловьевъ:

Бѣдный другъ! 367

Стр.

Вс. Соловьевъ:

Замело, занесло меня вьюгой ночною 367

Федоръ Сологубъ:

Если трудно мнѣ жить . . . 368
Бѣлая луна 368
Родился сынъ у бѣдняка 369
Другъ мой тихій, другъ мой дальній 370
Люби меня ясно, какъ любитъ заря 370

И. З. Суриковъ:

Не грусти, что листья . . . 371

И. Сѣверянинъ:

Въ грѣхѣ — забвенье . 371
Въ березовомъ котэджѣ 373
Примитивный романсъ . 374
Ея монологъ 374
Chanson russe 375
Пасхальный гимнъ . . 376
Сонетъ 377
Весенній день 377
Элементарная соната . 378
Это все для ребенка . 379
Все по старому 380
И ты шелъ съ женщиной 381
Русская 382
Ты ко мнѣ не вернешься 382
Шампанскій полонезъ . 383
Это было у моря . . . 384
Кэнзели 384
Хабанера III. 385
Поэза 386
Грезовое царство . . . 386
Миссъ Лиль 387

Гр. А. К. Толстой:

Дождя отшумѣвшаго капли 388

Стр.

Гр. А. К. Толстой:

Горними тихо летѣла душа 389
У приказныхъ воротъ . 390
Алеша Поповичъ . . . 391
Колокольчики мои . . 396
Ты знаешь край 399
Ой, кабы Волга-матушка 401
Шумитъ на дворѣ непогода 402
Средь шумнаго бала ,.. 402
Змѣй Тугаринъ 403
Князь Михайло Репнинъ 408
Минула страсть 410
Ты не спрашивай, не распытывай 411
Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая . . . 412

Н. А. Толстой:

Приворотъ 412
Часы 415

А. Турскій:

Вѣтеръ 415

Тэффи:

Пчелки 417

Ѳ. И. Тютчевъ:

Дочери 418
О вѣщая душа моя . . 419
Нашъ вѣкъ 420
Потокъ сгустился и тускнѣетъ 420
„Silentium“ 421
Какъ хорошо ты, о море ночное 422
Дума за думой 422
Весенняя гроза 422

А. Ѳ. Федотовъ:

Охота 423

Стр.

А. А. Фетъ:

Сіяла ночь 428
Какая ночь! На всемъ какая нѣга! 429
Бабочка 430
Смерть 430
Курганъ 431
Шопотъ. Робкое дыханье 431
Ива 432
Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ 433
Люби меня! 433
Нѣтъ я не измѣнилъ . 434
Далекій другъ, пойми мои рыданья 434
Другъ мой, безсильны слова 435
Какое счастіе: и ночь, и мы одни! 436
О другъ, не мучь меня жестокимъ приговоромъ! 436
Осень 437
Только станетъ смеркаться немножко . . . 437
Тихая, звѣздная ночь . 438
На зарѣ ты ея не буди 439
Ночь крещенская морозна 440
Эти думы, эти грезы . . . 441
О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ . . . 441
Воротъ 442
Забудь меня 444

К. Фофановъ:

Старые часы 444
Старый дубъ 447
Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ 451
Умирающая невѣста . 452
Розы 453

Стр.

А. Франкъ:

Хвостикъ 454

С. Г. Фругъ:

Три слова 456

Д. Цензоръ:

Листья золотистые падаютъ въ саду 457

Саша Черный:

Колыбельная 457
Бытъ 459
Всероссійское горе . . 460
Городская сказка . . . 462
Любовь не картошка . 464
Лошади 467
Пѣснь пѣсней. (Поэма) 468

О. Чюмина:

Безправная 472

Стр.

Т. Щепкина-Куперникъ:

Credo 476
Глубоко въ тайникахъ земли 477
Счастье 477
Изъ женскихъ писемъ (Отрывки) 478
Любовь — это сонъ упоительный 482
Милосердіе 484

А. М. Ѳедоровъ:

Крымскій очеркъ . . . 484
Сирень 485
Мнѣ грустно безъ тебя... 485
Морознымъ вечеромъ, когда румянецъ алый... 486
Весенніе сны 487

Дополненіе.

Ю. Бальтрушайтисъ:

Мой храмъ 491
Сонъ 492

Н. Гумилевъ:

Въ мой мозгъ, въ мой гордый мозгъ 493

Василій Князевъ:

Золотое дѣтство . . . 494

М. Кузьминъ:

Когда и какъ приду къ тебѣ я? 495

Омулевскій:

Встрѣча 496

Иванъ Рукавишниковъ:

Какъ я любилъ тебя ... 498

BINDING LIST NOV 15 1957

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED